

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Том 29, № 3, 2021 (июль – сентябрь)

Сквозной номер выпуска – 116

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 29, No. 3, 2021 (July – September)

Continuous issue 116

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2021

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

**ЭКОНОМИКА
СОЦИОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), крупнейшем агрегаторе научных ресурсов ведущих издательств мира EBSCO, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Социально-экономические и общественные науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The names and content of the Journal's sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded:

ECONOMICS

SOCIOLOGY

POLITICAL SCIENCE

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *EBSCO*, the largest aggregator of scientific resources of the world's leading publishing houses, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals and in *German National Library of Economics (ZBW)*.

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph. D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published.

Socio-Economic and Social Sciences

Economics and National Economy Management

Social Structure, Social Institutions and Processes

Political Institutions, Processes and Technology

Political Issues of International Relations, Global and Regional Development

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, член Европейской ассоциации научных редакторов (EASE), кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Российская Федерация)

Гришин Виктор Иванович – доктор экономических наук, профессор, grv655898@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@ Rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии и социальных технологий ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Российская Федерация)

Лалин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Ижевск, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – главный редактор журнала «Сибирский социум / Siberian Socium», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межкультурных отношений в Центрально-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Шалаев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Иошкар-Ола, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief, Rector of National Research Mordovia State University, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Member of European Association of Science Editors (EASE), Cand. Sci. (Pedagogy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Gharian, Libya)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bakhlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Igor N. Barygin – Professor, Department of Sociology, St. Petersburg State University, Cand. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russian Federation)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Viktor I. Grishin – Dr. Sci. (Economics), Full Professor, grv655898@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Sergey A. Kizima – Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Editor-in-Chief, “Siberian Socium” Journal, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russian Federation)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatch.net (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика и управление народным хозяйством

Т. В. Мирюлюбова, М. В. Радионова. Оценка влияния факторов цифровой трансформации на региональный экономический рост 486

Н. П. Макаркин, А. П. Горина, О. Н. Алферина. Место предприятий регионального агропромышленного кластера в повышении национальной конкурентоспособности 511

Л. И. Журова, И. Н. Краковская. Влияние глобальных экономических кризисов на развитие автомобильной промышленности России 541

Экономическая социология и демография

А. А. Сарян. Природные ресурсы как фактор производства регионального туристского продукта и формирования туристских направлений 562

М. А. Морозов, Н. С. Морозова. Региональные особенности развития туристской инфраструктуры и их влияние на туризм 588

Е. Г. Коваленко, Т. М. Полушкина, О. Ю. Якимова, Ю. А. Акимова. Инструменты преодоления внутреннего социально-экономического неравенства 611

И. А. Секушина. Оценка сбалансированности городской системы расселения Европейского Севера России 642

Социальная структура, социальные институты и процессы

П. В. Дружинин, Е. В. Молчанова. Смертность населения российских регионов в условиях пандемии COVID-19 666

А. А. Ибрагимова, Ч. И. Ильдарханова. Естественное воспроизводство российского населения в период пандемии коронавирусной инфекции: риски и последствия (на примере Республики Татарстан) 686

Т. М. Дадаева, Т. А. Кузнецова. Феномен антикафе, или Новые места досуговых практик молодежи в условиях виртуализации городского пространства (на примере case-study «Кубик Рубикова» г. Саранска) 709

Информация для авторов и читателей (на рус. яз.) 730

Информация для авторов и читателей (на англ. яз.) 732

CONTENTS

Economics and Management of National Economy

T. V. Mirolyubova, M. V. Radionova. Assessing the Impact of the Factors in the Digital Transformation on the Regional Economic Growth	486
N. P. Makarkin, A. P. Gorina, O. N. Alferina. The Role of Regional Agro-Industrial Cluster Enterprises in Improving National Competitiveness	511
L. I. Zhurova, I. N. Krakovskaya. The Impact of Global Economic Crises on the Development of the Automotive Industry in Russia	541

Economic Sociology and Demography

A. A. Saryan. Natural Resources as a Factor in Production of a Regional Tourist Product and in Creation of Tourist Destinations	562
M. A. Morozov, N. S. Morozova. Regional Features of Development of Tourism Infrastructure and Their Impact on Tourism	588
E. G. Kovalenko, T. M. Polushkina, O. Yu. Yakimova, Yu. A. Akimova. Tools to Overcome Internal Socio-Economic Inequality	611
I. A. Sekushina. Assessing the Balance of the Urban Settlement System in the European North of Russia	642

Social Structure, Social Institutions and Processes

P. V. Druzhinin, E. V. Molchanova. Mortality Rates in Russian Regions in the Context of the COVID-19 Pandemic	666
A. A. Ibragimova, Ch. I. Ildarhanova. Natural Reproduction of the Population of Russia during the Coronavirus Pandemic: Risks and Consequences (The Case of the Republic of Tatarstan)	686
T. M. Dadaeva, T. A. Kuznetsova. The Phenomenon of Anti-Café or New Places for Leisure Time Activities of Young People in the Context of Virtualization of the Urban Space (The Case Study of Rubikov's Cube Smart Place in the City of Saransk)	709
Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian)	730
Information for Authors and Readers of the Journal (in English)	732

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 332.1:004

DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510

Оригинальная статья / Original article

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Оценка влияния факторов цифровой трансформации на региональный экономический рост

Т. В. Миролюбова

М. В. Радионова*

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (г. Пермь, Российская Федерация),
* m.radionova812@gmail.com

Введение. Актуальность рассматриваемой научной проблемы обусловлена необходимостью оценки влияния показателей цифровой трансформации экономики регионов, а также факторов экономического роста на экономическое развитие регионов Российской Федерации. Цель статьи – на основе проведенного исследования дать эконометрическую оценку зависимости уровня валового регионального продукта на душу населения регионов России от таких факторов, как цифровой труд и цифровой капитал.

Материалы и методы. Авторами были проанализированы панельные данные Федеральной службы государственной статистики по 87 регионам России в период с 2010 по 2018 г. Методология исследования базируется на использовании функции Кобба – Дугласа, статистического и корреляционного анализа данных, а также на эконометрических методах исследования панельных данных.

Результаты исследования. Для анализа влияния цифровой трансформации экономики на региональный экономический рост регионов России были рассмотрены различные модели на панельных данных, такие как pooled-модель, модели с фиксированными и случайными эффектами, а также модели с включенными временными эффектами в виде dummy-переменных. С помощью статистических критериев была выбрана наи-

© Миролюбова Т. В., Радионова М. В., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

лучшая модель и сделаны выводы о характере влияния показателей цифровой трансформации на валовой региональный продукт на душу населения регионов России.

Обсуждение и заключение. В результате эконометрического моделирования было доказано, что цифровые факторы экономического роста (цифровой труд, цифровой капитал) наряду с общими факторами экономического роста (труд и капитал) оказывают влияние на региональный экономический рост. При этом наилучшей моделью влияния факторов экономического роста и факторов цифровой трансформации на экономическое развитие регионов Российской Федерации по региональным данным с 2010 по 2018 г. является модель с фиксированными временными эффектами. Результаты исследования могут быть использованы при формировании государственной политики стимулирования цифровой трансформации региональной экономики.

Ключевые слова: региональная экономика, цифровая трансформация, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, эконометрическое моделирование

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Миролюбова, Т. В. Оценка влияния факторов цифровой трансформации на региональный экономический рост / Т. В. Миролюбова, М. В. Радионова. – DOI [10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510](https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510) // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 486–510.

Assessing the Impact of the Factors in the Digital Transformation on the Regional Economic Growth

T. V. Mirolyubova, M. V. Radionova*

Perm State National Research University (Perm, Russian Federation),

* m.radionova812@gmail.com

Introduction. The scientific problem under consideration is of particular relevance due to the need to assess the impact of the factors in the digital transformation of the regional economy and in the economic growth on the economic development of the regions of the Russian Federation. Based on the research conducted, the article presents an econometric assessment of the dependence of the level of the gross regional product per capita in the regions of Russia on such factors as digital labor and digital capital.

Materials and Methods. The authors analyzed panel data from the Federal State Statistics Service covering 87 regions of Russia for the period from 2010 to 2018. The research methodology is based on the use of the Cobb–Douglas production function, statistical and correlation data analysis, as well as on econometric methods for studying panel data.

Results. To analyze the impact of the digital transformation of the economy on the regional economic growth of the regions of Russia, various models based on panel data have been considered, such as the pooled model, fixed effects models, random effects models, as well as time-varying effects models using dummy variables. Based on statistical criteria, the best model has been chosen and conclusions have been drawn about the nature of the impact of the digital transformation indicators on the gross regional product per capita in the regions of Russia.

Discussion and Conclusion. The results of econometric modeling have demonstrated that digital factors in economic growth (digital labor, digital capital), along with common factors in economic growth (labor and capital), affect the regional economic growth. According to

the regional data for the period from 2010 to 2018, the time fixed effects model has proved to be the best model of the impact of the factors in economic growth and digital transformation on the economic development of the regions of the Russian Federation. The research results can be used when developing a public policy aimed at stimulating the digital transformation of the regional economy.

Keywords: regional economy, digital transformation, digital economy, information and communication technology, econometric modeling

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Mirolyubova T.V., Radionova M.V. Assessing the Impact of the Factors in the Digital Transformation on the Regional Economic Growth. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(3):486-510. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510>

Введение. Широкое распространение информационно-коммуникационных или, иначе говоря, цифровых технологий, которыми характеризуется современная мировая экономика, привело к появлению новой категории «цифровая экономика». Однако до настоящего времени не сформировалось общепринятого понимания сущности этой категории. Под цифровой экономикой нами понимается «совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ при таком уровне использования цифровых технологий, который обеспечивает прямое положительное влияние на экономический рост» [1, с. 382].

Помимо цифровой экономики, получила распространение и цифровая трансформация экономики – это «процесс интеграции ИКТ во все экономические процессы, требующий внесения принципиальных изменений как в производство существующих, так и создание новых продуктов и услуг, их распределение, обмен и потребление, изменяющий качественные характеристики экономической системы» [2, с. 255].

Специалисты Economist Intelligence Unit, основываясь на проведенном ими исследовании влияния информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на экономический рост, пришли к выводу, что данные технологии способствуют экономическому росту в странах, но только по достижении ими определенного уровня распространенности ИКТ. В противном случае, если масштабы распространения цифровых технологий не достигли необходимого уровня, их влияние на экономический рост либо отсутствует, либо является отрицательным. Более подробно эти аспекты рассмотрены нами ранее [1].

Представляется, что количественная оценка цифровой трансформации будет строиться на оценке масштабов использования ИКТ при производстве товаров и услуг. В свою очередь, масштабы использования ИКТ могут быть оценены с помощью двух показателей – затраты на ИКТ во всех видах экономической деятельности и численность занятых в секторе ИКТ.

Как известно, на уровне страны для количественного измерения объема экономики и экономического роста применяется показатель валового внутреннего продукта (ВВП), который характеризует конечные результаты экономической деятельности субъектов экономики страны. На уровне региона аналогом ВВП является валовой региональный продукт (ВРП), характеризующий конечные результаты экономической деятельности субъектов экономики региона.

Гипотеза данного исследования основывается на наших предыдущих работах [1; 2] и состоит в том, что в регионах России в настоящее время уже существует такой уровень использования цифровых технологий, который обеспечивает прямое положительное влияние на экономический рост. При этом величина ВРП будет определяться как факторами «труд» и «капитал» в целом, так и факторами «труд» и «капитал» с «цифровым» содержанием. Наша модель будет отличаться от иных моделей применением ключевых факторов производства с «цифровым» содержанием.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования разработать модель зависимостей для региональной экономики между факторами «труд» и «капитал» с «цифровым» содержанием и уровнем ВРП на душу населения регионов России с применением эконометрического моделирования через отобранные факторы экономического роста и цифровой трансформации. Подобные модели могут быть положены в основу формирования государственной политики стимулирования развития цифровой экономики на региональном уровне.

Обзор литературы. В современной литературе есть множество исследований, посвященных влиянию цифровой трансформации на экономическое развитие стран и регионов. Например, Л. Мичич рассматривает влияние инвестиций в информационно-коммуникационные технологии и величины ВВП на душу населения на примере ряда европейских стран. Автором показано, что более высокая доля инвестиций в ИКТ в ВВП страны сопутствует более высокому значению ВВП на душу населения [3]. Я. Ганчлова с коллективом авторов исследует зависимость ВВП в странах Европейского союза от численности рабочей силы, капитальные затраты на ИКТ и капитальные затраты, не связанные с ИКТ. Модели, построенные на панельных данных, подтвердили, что средний рост ВВП в странах поддерживался стабильным ростом количества рабочей силы и ИКТ-капитала, а также увеличением общей производительности [4]. П. Легри, Дж. Ингхэм и П. Коллеретт рассмотрели влияние ИКТ и их восприятие обществом на социально-экономическое развитие в США [5]. На основе панельных данных по странам М. Фархади, Р. Исмаил и М. Фоолади показали, что существует положительная взаимосвязь между темпами роста реального ВВП на душу населения и индексом использования ИКТ [6]. Индекс ИКТ в исследовании измерялся количеством пользователей интернета, количеством

абонентов фиксированного широкополосного доступа в интернет и количеством абонентов мобильной связи на 100 жителей. Было обнаружено, что влияние использования ИКТ на экономический рост выше в группе с высоким доходом, чем в других группах.

Р. Разиа установил связь между ИКТ и ВВП на душу населения и доказал, что рост ВВП предшествует росту в сфере ИКТ. Автор определил положительную взаимосвязь между ВВП на душу населения и ИКТ и пришел к выводу, что экономическое влияние ИКТ на ВВП на душу населения со временем будет расти [7].

Многочисленные исследования зарубежных авторов подтверждают положительную взаимосвязь между инфраструктурой широкополосного доступа (и пользователями Интернета) и экономическим ростом. В частности, об этом вместе со своими соавторами пишут Р. П. Прадхан [8], М. Бакаш [9], И. Берчек [10], С. Бойнец [11] и другие ученые [12–19].

Вместе с тем отмечается, что производительность в промышленно развитых странах сейчас сталкивается с явным снижением, что ставит вопрос о возможном парадоксе производительности в цифровой экономике [20]. Некоторые исследования также посвящены негативному влиянию цифровизации на экономический рост. Так, Ч. Ватанабе, Ю. Тоу и П. Нейтгааньяки выявили структурные механизмы производительности в цифровой экономике [21].

Инфраструктура ИКТ является одним из основных факторов роста в государствах, осознавших ее важность. Не удивительно то, что многие развивающиеся страны прилагают все усилия, чтобы нарастить инфраструктуру ИКТ, уравнивая ограниченное распределение своих доходов, чтобы догнать страны с развитой экономикой. Все чаще возникают споры о том, могут ли развивающиеся страны достичь экономического процветания за счет цифровизации так же, как это сделали развитые страны [22]. В то же время развивающиеся страны возлагают большие надежды на цифровые технологии, которые приведут к преобразованию экономики в направлении процветания.

К. Л. Крэмер, Дж. Дедрик выявили существенную взаимосвязь между инвестициями в ИКТ и производительность, а также рост ВВП для стран Азиатско-Тихоокеанского региона [23]. Также было проанализировано влияние мобильных телефонов и интернета на доход и ВВП в странах Африки и определено, что увеличение показателя проникновения мобильной связи ведет к изменению ВВП [24]; в другой публикации авторы исследуют вклад цифровизации в экономический рост стран Африки к югу от Сахары и сравнивают эти данные с данными стран Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) [25].

А. Юсефи оценивает вклад рабочей силы, ИКТ и капитала, не связанного с ИКТ, в экономический рост в развитых и развивающихся странах [26]. По мнению автора, влияние ИКТ на экономический рост различается в разных

группах стран: в странах с низким уровнем доходов показатели ИКТ медленнее увеличивают ВВП, чем в странах с высоким уровнем доходов. Такие результаты предполагают, что уровень инвестиций в ИКТ не является причиной медленного роста в развивающихся странах с низким уровнем доходов, хотя до этого считалось иначе. Т. Нибель оценивает влияние показателей ИКТ на экономический рост в развивающихся и развитых странах на основе панельных данных [27]. Между капиталом в области ИКТ и ростом ВВП существует положительная взаимосвязь, несмотря на то, что модели, построенные отдельно для выборок по разным группам стран, не выявляют статистически значимых различий в эластичности ИКТ на выпуск.

Зарубежными исследователями изучена роль ИКТ в нигерийской экономике и проведена оценка факторов, влияющих на решения инвесторов в секторе телекоммуникаций Нигерии. Доказана значительная и положительная взаимосвязь между ИКТ и экономическим ростом Нигерии [28]. В другой статье исследуется взаимосвязь между ИКТ, экономическим ростом и потреблением электроэнергии с использованием данных по ОАЭ. Показано, что ИКТ увеличивают спрос на электроэнергию, но потребление электроэнергии снижает экономический рост [29].

В России подобные исследования стали появляться относительно недавно. Отечественные авторы в целом отмечают, что цифровизация имеет положительное влияние на благосостояние в развитых странах [30, с. 1058].

Ю. Я. Дранев, И. И. Кучин, М. А. Фадеев провели оценку макроэкономических эффектов процессов цифровизации экономики в России и показали, что в скором времени объем инвестиций в сектор ИКТ станет ключевым фактором роста экономики¹. Авторы сделали прогноз, что к 2030 г. рост ВВП в России будет зависеть как от показателей ИКТ, так и от повышения эффективности и конкурентоспособности других секторов экономики.

М. Г. Дубинина проанализировала вклад отдельных факторов в добавленную стоимость промышленности и ИКТ для некоторых зарубежных стран (Японии, Нидерландов, Великобритании и Италии) за период с 1970-х до конца 2000-х гг. [31]. Автору удалось выявить зависимость макроэкономических показателей и показателей внедрения ИКТ, в результате чего была определена положительная эластичность прироста добавленной стоимости от увеличения инвестиций в программное обеспечение и коммуникационное оборудование. Наиболее эластичным оказался прирост вложений в программное обеспечение для промышленного сектора [31, с. 26]. С. П. Петров, М. П. Маслов, А. И. Карпович показали влияние реальных затрат на ИКТ на ВРП регионов России с помощью регрессионных моделей на перекрестных данных. Итоговым результатом исследования является количественная

¹ Дранев Ю. Я., Кучин И. И., Фадеев М. А. Цифровая экономика [Электронный ресурс] / НИУ ВШЭ. 2018. URL: https://issek.hse.ru/data/2018/07/04/1152915836/NTI_N_91_04072018.pdf (дата обращения: 12.02.2021).

оценка потерь ВРП регионов при сохранении динамики затрат на цифровизацию [32]. Т. В. Краминым, А. Р. Климановой были построены регрессионные модели по региональным данным с 2011 по 2016 г. в форме Кобба – Дугласа, характеризующие влияние показателей ИКТ на ВРП и ВРП на душу населения. Авторами доказано, что такие показатели ИКТ значимо влияют на ВРП и имеют постоянную эластичность [33].

Е. В. Попов, В. Л. Симонова протестировали «гипотезу о наличии связи между уровнем информатизации регионов и показателями экономической и инновационной деятельности» [34]. Для этого ими был рассчитан интегральный показатель уровня информатизации регионов, на основе которого были построены различные статистические модели. Они обозначили влияние цифровизации на такие показатели, как валовой региональный продукт на душу населения, инновационная активность предприятий, объем инновационной продукции.

Результаты многочисленных исследований были обобщены в статье Е. В. Попова, К. А. Семячкова, В. Л. Симоновой (табл. 1), где авторы представили анализ различных моделей оценки влияния ИКТ на социально-экономическое развитие [35].

Таблица 1. Анализ моделей оценки влияния ИКТ на социально-экономическое развитие [35]

Table 1. Analysis of models for assessing the impact of ICT on socio-economic development

Зависимая переменная / Dependent variable	Факторные признаки / Factors	Авторы исследования / Authors of the study
1	2	3
Доступ домохозяйств в интернет / Household Internet access	Стратегия развития ИКТ, инвестиции в информационно- коммуникационные технологии / ICT development strategy; investment in information and communication technology	А. Клейбринк; Б. Ниешавес, П. Палоп; Дж. Сорвик, Б. Тапа / A. Kleibrink, B. Niehaves, P. Palop, J. Sörvik, B. Thapa
Готовность к инновациям и предпринимательству / Readiness for innovation and entrepreneurship	Использование персонального компьютера, доступ в интернет, наличие электронной почты / Using a personal computer; Internet access; availability of e-mail	Я. Николаидис; К. Фускас; Е. Караяннис / Y. Nikolaidis, K. Fouskas, E. G. Carayannis
Качество жизни, человеческий капитал / Quality of life, human capital	Распространение интернета, телефонии, компьютеров / Spread of the Internet, telephony, and computers	Дж. Джеймс / J. James

Продолжение табл. 1 / Continuation of table 1

1	2	3
Валовой внутренний продукт / Gross domestic product	Инвестиции в информационно-коммуникационные технологии / Investment in information and communication technology	П. Дж. Велфенс, Дж. К. Перрет / P. J. J. Welfens, J. K. Perret
Показатели научно-технического и инновационного развития (число организаций, выполнявших научные исследования и разработки; выданных патентов на изобретения и полезные модели; используемых передовых производственных технологий; объем инновационных товаров), производительность труда / Indicators of scientific, technical and innovative development (number of organizations that carried out research and development, of issued patents for inventions and utility models, of advanced production technologies used; volume of innovative products), labor productivity	Затраты на ИКТ, число персональных компьютеров на 100 работников / Expenditures on ICT; number of personal computers per 100 employees	Ш. М. Магомедгаджиев / Sh. M. Magomedgadzhiev
Средний оборот организаций: отгружено (продано) товаров (работ, услуг) сектора ИКТ / Average turnover of organizations: shipped (sold) goods (works, services) within the ICT sector	Число персональных компьютеров, специальные программные средства, антивирусное программное обеспечение, интернет в коммерческих целях, кооперация / Number of personal computers; special software; antivirus software; Internet for commercial purposes; cooperation	М. Ю. Архипова; Е. В. Грибова / M. Yu. Arkhipova, E. V. Gribova
Валовой региональный продукт / Gross regional product	Аппаратный, софтверный, телекоммуникационный, инновационный / Hardware; software; telecommunication; innovation	М. Ю. Карышев / M. Yu. Karyshev

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3
Валовой региональный продукт, уровень безработицы, инвестиции в основной капитал / Gross regional product, unemployment rate, investment in fixed capital	Образование, программно-аппаратное обеспечение, информационный фактор, инновационное развитие / Education; software and hardware; information; innovative development	Е. П. Митрофанов / E. P. Mitrofanov

Проведенный нами анализ различных исследований влияния показателей цифровойизации на экономическое развитие показал, что авторская оценка влияния факторов труда и капитала с «цифровым» содержанием на уровень ВРП на душу населения регионов России является новой и оригинальной.

Материалы и методы. В своем исследовании мы исходим из того, что закономерности, описывающие взаимозависимость ВВП и факторов экономического роста, могут применяться по отношению к региону.

Поскольку в настоящем исследовании были проведены расчеты по всем регионам России, то для сопоставимости регионов возьмем показатель ВРП на душу населения.

Известная функция Кобба – Дугласа демонстрирует зависимость между ВВП, капиталом и трудом. Исходя из этого, построим модели, отражающие зависимости между данными показателями на уровне регионов.

Для установления зависимости между цифровой трансформацией и экономическим развитием введем в эконометрические модели параметры, отражающие процессы цифровой трансформации. Аналогично функции Кобба – Дугласа, это будут *труд* и *капитал*, но с «цифровым» содержанием – *цифровой труд* и *цифровой капитал*.

В данном исследовании предполагается, что результаты цифровой трансформации экономики региона должны вести к росту уровня благосостояния населения и повышению качества жизни.

Основу исследования составляет проверка гипотезы о положительном влиянии показателей ИКТ на экономический рост регионов, характеризующийся показателем ВРП на душу населения.

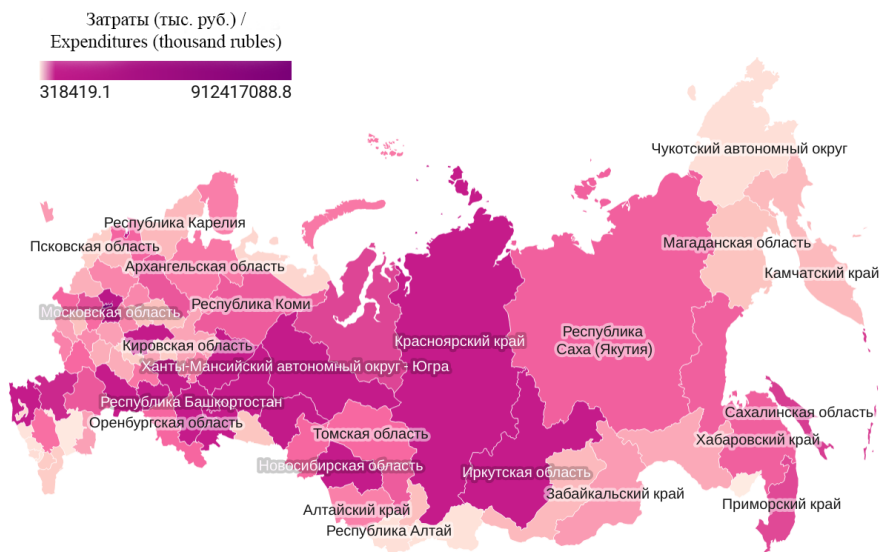
Для анализа влияния факторов цифровой трансформации на экономическое развитие были использованы панельные данные Федеральной службы государственной статистики по 87 регионам России в период с 2010 по 2018 г. Выбор типа данных обусловлен целью данного исследования.

В качестве зависимой переменной нами взят показатель ВРП на душу населения, в качестве объясняющих переменных – численность занятых в регионах, стоимость основных фондов, численность занятых в секторе ИКТ и затраты на информационно-коммуникационные технологии. Первые два показателя отражают два фактора экономического развития – труд и капитал, вторые два показателя являются факторами цифровой трансформации – цифровой труд и цифровой капитал.

Результаты исследования. Рассмотрим для начала распределение регионов Российской Федерации за 2018 г. по таким показателям, как затраты на информационно-коммуникационные технологии и численность занятых в ИКТ-секторе.

На рисунке 1 представлены данные о затратах регионов на информационно-коммуникационные технологии в 2018 г. На карте видно, что наибольший объем затрат на ИКТ в Московской (147 654 361,4 тыс. руб.), Тюменской (51 949 409,8), Свердловской областях (30 711 326,5), Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (27 867 360,5), Татарстане (24 438 395,5), Краснодарском крае (22 961 322,4), Нижегородской (22 678 503,1), Новосибирской (20 476 212,2), Самарской областях (19 633 554,3), Республике Башкортостан (19 076 727,4), Саратовской области (18 568 587,4), Пермском крае (16 856 254,5), Иркутской области (16 843 040,7) и Красноярском крае (16 434 198,5). Наименьшие затраты на ИКТ выявлены в таких регионах, как Адыгея, Северная Осетия, Чукотский автономный округ, республики Тыва, Алтай, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкария, Ингушетия и Калмыкия, а также Еврейская автономная область.

Р и с. 1. Затраты регионов на информационно-коммуникационные технологии в 2018 г. (тыс. руб.)²

Fig. 1. Regional expenditures on information and communication technology in 2018 (thousand rubles)

² Составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru>).

В таблице 2 приведен рейтинг данных о численности занятых в ИКТ-секторе в регионах России за 2018 г. В состав регионов-аутсайдеров, согласно представленным данным, ожидаемо вошли Ненецкий автономный округ, республики Калмыкия, Алтай, Карачаево-Черкессия, Еврейская автономная область, которые отличаются более низкими показателями в уровне занятости в секторе ИКТ.

Т а б л и ц а 2. Рейтинг регионов по численности занятых в ИКТ-секторе в 2018 г. (чел.)³

Table 2. Ranking of regions by the number of people employed in the ICT sector in 2018

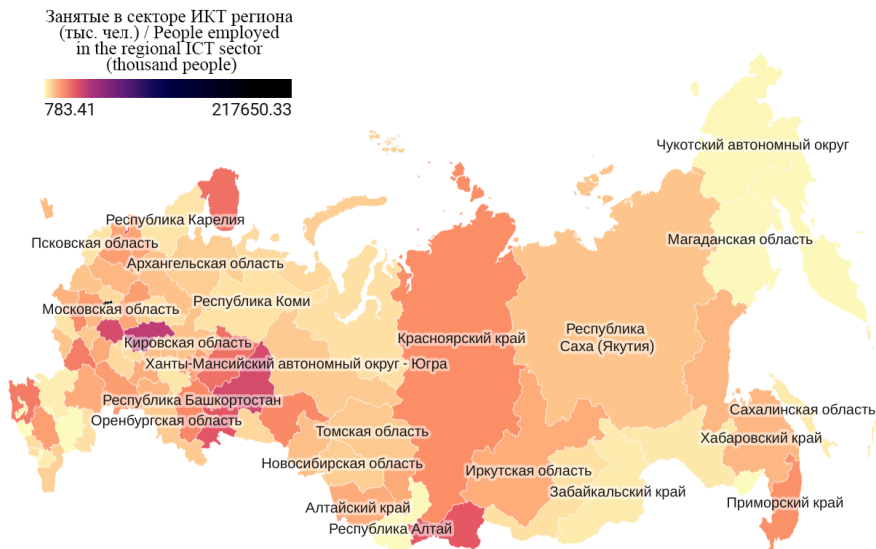
Топ-10 регионов-лидеров / Top ten leading regions		Топ-10 регионов-аутсайдеров / Top ten outsider regions	
г. Москва / Moscow	217 650,33	Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	1 340,96
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	91 459,28	Магаданская область / Magadan Region	1 330,90
Московская область / Moscow Region	79 332,16	Камчатский край / Kamchatka Territory	1 252,36
Новосибирская область / Novosibirsk Region	37 947,91	Республика Тыва / Republic of Tuva	1 252,28
Свердловская область / Sverdlovsk Region	32 621,67	Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	1 149,85
Ростовская область / Rostov Region	32 577,96	Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	1 009,49
Челябинская область / Chelyabinsk Region	29 020,26	Республика Алтай / Republic of Altai	974,74
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	28 351,68	Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	889,05
Самарская область / Samara Region	26 120,96	Карачаево-Черкесская Республика / Karachayevo- Circassian Republic	783,41
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	23 898,54	Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	275,17

На рисунке 2 представлены данные о численности занятых в секторе ИКТ регионов России за 2018 г. Как видим, наиболее высоким уровнем численности занятых в ИКТ-секторе отличаются Москва и Санкт-Петербург, Московская, Новосибирская и Свердловская области. В основном на территории

³ Таблица 2 и все последующие составлены авторами статьи.

России в 2018 г. наблюдался достаточно низкий уровень численности занятых в ИКТ-секторе в регионах.

Р и с. 2. Занятые в секторе ИКТ регионов в 2018 г. (тыс. чел.)⁴

F i g. 2. People employed in the regional ICT sector in 2018 (thousand people)

В таблице 3 приведены переменные, используемые в эконометрической модели.

Для анализа влияния отобранных показателей на экономическое развитие региона авторами применялась следующая эконометрическая модель в виде модифицированной функции Кобба – Дугласа:

$$GRPPC = A \cdot Empl^{\beta_1} \cdot CostFund^{\beta_2} \cdot EmplICT^{\beta_3} \cdot CostICT^{\beta_4} \cdot \varepsilon,$$

где ε – ошибка модели.

Поскольку модель является нелинейной по параметрам, то для нахождения ее неизвестных параметров необходимо линеаризовать данную модель:

$$\ln(GRPPC) = \ln(A) + \beta_1 \cdot \ln(Empl) + \beta_2 \cdot \ln(CostFund) + \beta_3 \cdot \ln(EmplICT) + \beta_4 \cdot \ln(CostICT) + \varepsilon,$$

⁴ Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru>).

Таблица 3. Обозначение переменных

Table 3. Designation of variables

Показатели / Indicator	Обозначения / Designation	Единицы измерения / Units
<i>Зависимая переменная / Dependent variable</i>		
ВРП на душу населения / GRP per capita	GRPPC	руб. на чел. / rubles per capita
<i>Объясняющие переменные / Explanatory variables</i>		
Численность занятых в регионах / Number of employed people in the regions	Empl	тыс. чел. / thousand people
Стоимость основных фондов / Costs of fixed assets	CostFunds	тыс. руб. на душу населения / thousand rubles per capita
Занятые в ИКТ / Employed in ICT	EmplICT	тыс. чел. / thousand people
Затраты на ИКТ / Expenditures on ICT	CostsICT	тыс. руб. / thousand rubles

где β_1 – эластичность труда, β_2 – эластичность капитала, β_3 – эластичность цифрового труда, β_4 – эластичность цифрового капитала.

В таблице 4 приведены описательные статистики логарифмов рассматриваемых переменных, в таблице 5 – корреляционная матрица.

Анализ корреляционной матрицы показал, что на логарифм ВРП наибольшее влияние оказывают логарифм стоимости основных фондов (коэффициент корреляции Пирсона 0,9251) и логарифм затрат на ИКТ (коэффициент корреляции Пирсона 0,4919).

Поскольку рассмотренные данные имеют панельную структуру, то их применение содержит ряд преимуществ⁵ [36]. Так, большое количество наблюдений приводит к увеличению числа степеней свободы, они уменьшают мультиколлинеарность объясняющих переменных и позволяют получить более эффективные оценки параметров модели. Еще одним преимуществом панелей является возможность контроля неоднородности объектов в выборке, что позволяет предотвратить смещение агрегированности, которое возникает как при анализе динамических данных, так и при анализе кросс-секционных данных. Также применение моделей на панельных данных позволяет выявлять эффекты, которые невозможно наблюдать отдельно в перекрестных данных и временных рядах, а именно проследить индивидуальные эффекты объектов во временном разрезе.

⁵ Baltagi B. Econometric Analysis of Panel Data // John Wiley & Sons, 1995. 338 p.; Deaton A. Panel Data from Series of Cross-Sections // Journal of Econometrics. 1985. Vol. 30. Pp. 109–126; Патникова Т. А., Фурманов К. К. Анализ панельных данных и данных о длительности состояний. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 373 с.

Таблица 4. Описательные статистики за 2010–2018 гг.

Table 4. Descriptive statistics for 2010–2018

Переменная / Variable	Среднее / Mean	Медиана / Median	S.D.	Min	Max
$\ln(GRPPC)$	12,6	12,5	0,713	10,8	15,8
$\ln(Empl)$	6,34	6,36	0,977	3,01	8,88
$\ln(CostFund)$	6,68	6,57	0,792	4,59	10,1
$\ln(EmplICT)$	2,02	2,06	1,16	-1,73	5,45
$\ln(CostICT)$	15,2	15,1	1,35	10,2	20,6

Таблица 5. Корреляционная матрица с коэффициентами корреляции Пирсона

Table 5. Correlation matrix with Pearson correlation coefficients

$\ln(GRPPC)$	$\ln(Empl)$	$\ln(CostFund)$	$\ln(EmplICT)$	$\ln(CostICT)$	
1,0000	0,4560	0,9251	0,3707	0,4919	$\ln(GRPPC)$
	1,0000	-0,0566	0,7334	0,7513	$\ln(Empl)$
		1,0000	-0,0022	0,4470	$\ln(CostFund)$
			1,0000	0,7641	$\ln(EmplICT)$
				1,0000	$\ln(CostICT)$

Рассмотрим линейную панельную модель:

$$\ln(GRPPC_{it}) = \ln(A) + \beta_1 \cdot \ln(Empl_{it}) + \beta_2 \cdot \ln(CostFund_{it}) + \\ + \beta_3 \cdot \ln(EmplICT_{it}) + \beta_4 \cdot \ln(CostICT_{it}) + \varepsilon_{it},$$

где i – индекс региона, t – индекс момента времени, $\beta_1, \beta_2, \beta_3, \beta_4$ – параметры модели.

Наиболее простым способом анализа панельных данных является модель сквозной регрессии (*pooled-модель*), т. е. модель без учета пространственной и временной структуры данных. Оценка параметров такой модели осуществляется методом наименьших квадратов, а при выполнении условий Гаусса – Маркова, оценки неизвестных параметров являются линейными, несмещенными, состоятельными и эффективными. Чаще всего данная модель используется для предварительного анализа данных⁶.

Если погрешность модели имеет вид $\varepsilon_{it} = \mu_i + \lambda_t + u_{it}$, причем μ_i – случайные величины, характеризующие ненаблюдаемые индивидуальные эффекты, λ_t – случайные величины, характеризующие ненаблюдаемые временные эффекты, u_{it} – случайные ошибки, и рассматриваемые эффекты (временные или пространственные) считаются фиксированными (*fixed effects*), то мы имеем дело

⁶ Baltagi B. Econometric Analysis of Panel Data.

с моделями с фиксированными эффектами; если эффекты считаются случайными, то мы имеем дело с моделями со случайными эффектами (*random effects*)⁷.

Для анализа были построены *pooled*-модели (с оценками коэффициентов по методу наименьших квадратов), модели с фиксированными и случайными эффектами, а также модели с включенными временными эффектами в виде *dumty*-переменных, которые затем сравнивались между собой. Для выбора между моделями с фиксированными и случайными эффектами применялся критерий Хаусмана. Для сравнения *pooled*-модели с моделью со случайными эффектами использовался критерий Бройша – Пагана. Критерий Фишера (*robust test for differing group intercepts*) применялся для сравнения *pooled*-модели и модели с фиксированными эффектами. Также были рассмотрены модели с фиксированными и случайными эффектами с включенными временными эффектами. Наличие таких эффектов в моделях панельных данных проверялось с помощью критерия Вальда⁸.

Результаты построения *pooled*-модели, параметры которой оцениваются обычным методом наименьших квадратов, модели с фиксированными эффектами и со случайными эффектами с включенными временными *dumty*-переменными представлены в таблице 6.

Анализ таблицы 6 показал, что наилучшей моделью является модель с фиксированными эффектами с включенными временными *dumty*-переменными (p -value. Hausman = 0,0335, наименьшее значение Bayesian information criterion – BIC, p -value Wald joint test on time dummies FE = 0), что является логичным для региональных данных, поскольку каждый регион обладает своими индивидуальными особенностями, отличающими его от других субъектов Российской Федерации. Также в модели установлено высокозначимое влияние фактора времени (т. е. учтены ненаблюдаемые факторы, принимающие различные значения для каждого года, но одинаковые для всех регионов). Модель с фиксированными эффектами была проверена на мультиколлинеарность с помощью коэффициентов вздутия регрессии. Все коэффициенты оказались меньше 10, что говорит об отсутствии мультиколлинеарности.

Таблица 6 демонстрирует положительное значимое влияние факторов цифровой трансформации на ВРП на душу населения регионов. Так, увеличение численности занятых в секторе ИКТ на 1 % ведет к увеличению ВРП на душу населения на 0,0181 % (эластичность 0,0181), увеличение затрат на ИКТ приведет к увеличению ВРП на душу населения на 0,0565 % (эластичность 0,0565), эластичность ВРП по численности занятых в регионах составляет 0,1927, а по стоимости основных фондов – 0,8242. Также в модели установлено высокое значимое положительное влияние временных годовых эффектов на ВРП, что говорит о ежегодном увеличении ВРП на душу населения.

⁷ Deaton A. Panel Data from Series of Cross-Sections.

⁸ Deaton A. Panel Data from Series of Cross-Sections; Ратникова Т. А., Фурманов К. К. Анализ панельных данных и данных о длительности состояний.

Таблица 6. Результаты эконометрического моделирования
Table 6. Results of econometric modeling

Показатели / Indicators	Pooled-модель / Pooled model		Модель с фиксированными эффектами / Fixed effects model		Модель со случайными эффектами / Random effects model	
	Коэффициенты / Coefficients	Робастные стандартные ошибки / Robust standard errors	Коэффициенты / Coefficients	Робастные стандартные ошибки / Robust standard errors	Коэффициенты / Coefficients	Робастные стандартные ошибки / Robust standard errors
ln(A)	7,05252***	0,4033	7,4744***	0,9092	6,7280***	0,2966
ln(Emp)	0,2279***	0,0629	0,1927**	0,0436	0,07918*	0,0433
ln(CostFund)	0,7256***	0,0329	0,8242***	0,0539	0,8167***	0,0475
ln(Emp/ICT)	0,1012**	0,0501	0,0181*	0,0061	0,0248*	0,0079
ln(CostICT)	0,1313***	0,0273	0,0565**	0,0129	0,0602***	0,0221
BIC		91,4769	-739,4025		138,7467	
		0,8754	0,9641			
Тест Хаусмана / Hausman specification test		7,9037		p-value, Hausman		0,0335
Тест Бреуша – Пагана / Breusch – Pagan test		1724,93		p-value, Breusch – Pagan		0,0011
Робастный тест / Robust test		53,4985		p-value, Robust test		0,0000
Тест Вальда [для модели с фиксированными временными эффектами в виде dummy-переменных] / Wald dummy-joint test on time dummies FE		586,102		p-value Wald joint test on time dummies FE		0,0000
Тест Вальда [для модели со случайными временными эффектами в виде dummy- переменных] / Wald joint test on time dummies RE		200,304		p-value Wald joint test on time dummies RE		0,0000

Примечание / Note: ***, **, * – значимость на уровне 1, 5 и 10 % соответственно / significance at the level of 1, 5, and 10 %, respectively.

Обсуждение и заключение. Изучение существующих концептуальных подходов к развитию цифровой экономики показало, что исследователями зафиксировано влияние цифровой трансформации на экономическое развитие стран. В частности, зарубежными и российскими исследователями установлены следующие закономерности:

- более высокая доля инвестиций в ИКТ в ВВП страны сопутствует более высокому значению ВВП на душу населения;
- средний рост ВВП в странах поддерживается стабильным ростом количества рабочей силы и ИКТ-капитала;
- влияние использования ИКТ на экономический рост выше в группе стран с высоким доходом;
- существует взаимосвязь между инвестициями в ИКТ и производительность, а также рост ВВП;
- рост проникновения мобильных телефонов в значительной степени повлиял на ВВП на душу населения;
- ИКТ увеличивают спрос на электроэнергию, но потребление электроэнергии снижает экономический рост;
- выявлена положительная эластичность прироста добавленной стоимости от увеличения инвестиций в программное обеспечение и коммуникационное оборудование;
- влияние цифровизации на валовой региональный продукт на душу населения, инновационную активность предприятий, объем инновационной продукции;
- выявлены потери ВРП регионов при сохранении динамики затрат на цифровизацию.

В нашем исследовании мы использовали инструментарий эконометрического моделирования на панельных данных Росстата по регионам России. Авторское моделирование влияния факторов экономического роста и факторов цифровой трансформации на экономическое развитие регионов Российской Федерации выявило следующие зависимости:

- важнейшими факторами регионального экономического роста являются цифровой труд и цифровой капитал;
- на уровень ВРП на душу населения значимо положительно влияют такие факторы, как численность занятых в регионе, стоимость основных фондов (общие факторы экономического роста), а также численность занятых в секторе ИКТ и затраты на ИКТ (цифровые факторы экономического роста);
- наилучшей моделью для анализа региональных данных с 2010 по 2018 г. является модель с фиксированными временными эффектами;
- в модели установлено высокосignificant положительное влияние временных годовых эффектов на ВРП на душу населения.

Таким образом, гипотеза статьи подтвердилась, а цифровой труд и цифровой капитал являются особо значимыми факторами региональной экономики.

В связи с этим органами государственной власти регионов России для достижения наилучших результатов цифровой трансформации для населения и бизнеса необходимо создание благоприятных условий для роста численности занятых в секторе ИКТ, а также общих затрат на ИКТ. Соответственно, чем более проактивной будет государственная региональная политика в отношении сектора ИКТ региона, тем значительнее будет региональный экономический рост.

Дальнейшее развитие цифровых технологий, включая облачные технологии, мобильные сервисы и искусственный интеллект, будет значительно влиять на изменение образа жизни и предоставит гражданам исключительные услуги и блага, которых раньше не было, особенно в отдаленных от центра территориях.

Практическая значимость статьи состоит в том, что авторская модель влияния факторов экономического роста и факторов цифровой трансформации на экономическое развитие регионов Российской Федерации может использоваться для целей прогнозирования регионального экономического роста, при изменении цифровых факторов – затрат на ИКТ и численности занятых в секторе ИКТ. В свою очередь, полученные прогнозы могут быть положены в основу для определения приоритетов региональной экономической политики.

В дальнейших исследованиях могут быть использованы дополнительные показатели, характеризующие цифровой труд и цифровой капитал в регионах. В то же время применение дополнительных показателей требует внесения изменений в систему сбора статистических показателей Росстатом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Миролубова, Т. В. Цифровая экономика: проблемы идентификации и измерений в региональной экономике / Т. В. Миролубова, Т. В. Карлина, Р. С. Николаев. – DOI [10.17059/2020-2-4](https://doi.org/10.17059/2020-2-4) // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, вып. 2. – С. 377–390. – Рез. англ.
2. Миролубова, Т. В. Роль сектора ИКТ и факторы цифровой трансформации региональной экономики в контексте государственного управления / Т. В. Миролубова, М. В. Радионова. – DOI [10.17072/1994-9960-2020-2-253-270](https://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-2-253-270) // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 253–270. – Рез. англ.
3. Mičić, L. Digital Transformation and its Influence on GDP / L. Mičić. – DOI [10.1515/eoik-2017-0028](https://doi.org/10.1515/eoik-2017-0028) // Economics. – 2017. – Vol. 5, issue 2. – Pp. 135–147.
4. Does ICT Capital Affect Economic Growth in the EU-15 and EU-12 Countries? / J. Hanclova, P. Doucek, J. Fischer, K. Vltavska. – DOI [10.3846/16111699.2012.754375](https://doi.org/10.3846/16111699.2012.754375) // Journal of Business Economics and Management. – 2015. – Vol. 16, issue 2. – Pp. 287–406.

5. Legris, P. Why do People use Information Technology? A Critical Review of the Technology Acceptance Model / P. Legris, J. Ingham, P. Colletrette. – DOI [10.1016/S0378-7206\(01\)00143-4](https://doi.org/10.1016/S0378-7206(01)00143-4) // Information & Management. – 2003. – Vol. 40, issue 3. – Pp. 191–204.
6. Farhadi, M. Information and Communication Technology Use and Economic Growth / M. Farhadi, R. Ismail, M. Fooladi. – DOI [10.1371/journal.pone.0048903](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0048903) // PLoS ONE. – 2012. – Vol. 7, issue 11. – Pp. 1–7.
7. Rasiah, R. Information and Communication Technology and GDP per capita / R. Rasiah. – DOI [10.1504/IJEM.2006.010914](https://doi.org/10.1504/IJEM.2006.010914) // International Journal of Internet and Enterprise Management. – 2006. – Vol. 4, no. 3. – Pp. 202–214.
8. Pradhan, R. P. Information Communication Technology (ICT) Infrastructure and Economic Growth: A Causality Evincen by Cross-Country Panel Data / R. P. Pradhan, G. Mallik, T. P. Bagchia. – DOI [10.1016/j.iimb.2018.01.001](https://doi.org/10.1016/j.iimb.2018.01.001) // IIMB Management Review. – 2018. – Vol. 30, issue 1. – Pp. 91–103.
9. Bacache, M. Dynamic Entry and Investment in New Infrastructures: Empirical Evidence from the Fixed Broadband Industry. – DOI [10.1007/s11151-013-9398-4](https://doi.org/10.1007/s11151-013-9398-4) / M. Bacache, M. Bourreau, G. Gaudin // Review of Industrial Organization. – 2014. – Vol. 44. – Pp. 1–31.
10. Bertschek, I. More Bits – More Bucks? Measuring the Impact of Broadband Internet on Firm Performance / I. Bertschek, D. Cerquera, G. J. Klein. – DOI [10.1016/j.infoecopol.2012.11.002](https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2012.11.002) // Information Economics and Policy. – 2013. – Vol. 25, issue 3. – Pp. 190–203.
11. Bojnec, S. Broadband Availability and Economic Growth / S. Bojnec, I. Ferto. – DOI [10.1108/02635571211278938](https://doi.org/10.1108/02635571211278938) // Industrial Management and Data Systems. – 2012. – Vol. 112. – Pp. 1292–1306.
12. Bouras, C. Identifying Best Practices for Supporting Broadband Growth: Methodology and Analysis / C. Bouras, E. Giannaka, T. Tsiatsos. – DOI [10.1016/j.jnca.2009.02.003](https://doi.org/10.1016/j.jnca.2009.02.003) // Journal of Network and Computer Applications. – 2009. – Vol. 32, issue 4. – Pp. 795–807.
13. The Case of Technology in Developing Regions / E. Brewer, M. Demmer, B. Du [et al.]. – DOI [10.1109/MC.2005.204](https://doi.org/10.1109/MC.2005.204) // Computer Society. – 2005. – Vol. 38, issue 6. – Pp. 25–38.
14. Crandall, R. The Effects of Broadband Deployment on Output and Employment: A Cross-Sectional Analysis of US Data / R. Crandall, W. Lehr, R. Litan // Issues in Economic Policy. – 2007. – Vol. 6. – Pp. 1–34. – URL : https://www.researchgate.net/publication/237644428_The_Effects_of_Broadband_Deployment_on_Output_and_Employment_A_Cross-sectional_Analysis_of_US_Data (дата обращения: 18.02.2021).
15. Broadband Infrastructure and Economic Growth / N. Czernich, O. Falck, T. Kretschmer, L. Woessmann // The Economic Journal. – 2011. – Vol. 121, no. 552. – Pp. 505–532. – URL: https://ideas.repec.org/p/ces/ceswps/_2861.html (дата обращения: 18.02.2021).
16. Dwivedi, Y. K. Managing Consumer Adoption of Broadband: Examining Drivers and Barriers / Y. K. Dwivedi, B. Lal, M. D. Williams. – DOI [10.1108/02635570910939380](https://doi.org/10.1108/02635570910939380) // Industrial Management and Data Systems. – 2009. – Vol. 109, no. 3. – Pp. 357–369.
17. Lehr, W. H. Measuring the Economic Impact of Broadband Deployment / W. H. Lehr, C. A. Osorio, M. A. Sirbu. – Final Report, National Technical Assistance, Training, Re-

search and Evaluation Project. – 2006. – URL: http://cfp.mit.edu/publications/CFP_Papers/Measuring_bb_econ_impact-final.pdf (дата обращения: 18.02.2021).

18. Holt, L. Broadband and Contributions to Economic Growth: Lessons from the US Experience / L. Holt, M. Jamison. – DOI [10.1016/j.telpol.2009.08.008](https://doi.org/10.1016/j.telpol.2009.08.008) // Telecommunications Policy. – 2009. – Vol. 33. – Pp. 575–581.

19. Koutroumpis, P. The Economic Impact of Broadband on Growth: A Simultaneous Approach / P. Koutroumpis. – DOI [10.1016/j.telpol.2009.07.004](https://doi.org/10.1016/j.telpol.2009.07.004) // Telecommunications Policy. – 2009. – Vol. 33, issue 9. – Pp. 471–485.

20. Measuring GDP in the Digital Economy: Increasing Dependence on Uncaptured GDP / C. Watanabe, K. Naveed, Yu. Tou, P. Neittaanmäki. – DOI [10.1016/j.techfore.2018.07.053](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.053) // Technological Forecasting and Social Change. – 2018. – Vol. 137. – Pp. 226–240.

21. Watanabe, C. A New Paradox of the Digital Economy – Structural Sources of the Limitation of GDP Statistics / C. Watanabe, Yu. Tou, P. Neittaanmäki. – DOI [10.1016/j.techsoc.2018.05.004](https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2018.05.004) // Technology in Society. – 2018. – Vol. – 55. – Pp. 9–23.

22. Matthes, M. Structural Change and Digitalization in Developing Countries: Conceptually Linking the Two Transformations / M. Matthes, S. Kunkel. – DOI [10.1016/j.techsoc.2020.101428](https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2020.101428) // Technology in Society. – 2020. – Vol. 63. – Pp. 10–14.

23. Kraemer, K. L. Payoffs from Investment in Information Technology: Lessons from the Asia-Pacific Region / K. L. Kraemer, J. Dedrick. – DOI [10.1016/0305-750X\(94\)90183-X](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)90183-X) // World Development. – 1994. – Vol. 22, issue 12. – Pp. 1921–1931.

24. Haftu, G. G. Information Communications Technology and Economic Growth in Sub-Saharan Africa: A Panel Data Approach / G. G. Haftu. – DOI [10.1016/j.telpol.2018.03.010](https://doi.org/10.1016/j.telpol.2018.03.010) // Telecommunications Policy. – 2019. – Vol. 43, issue 1. – Pp. 88–99.

25. Myovella, G. Digitalization and Economic Growth: A Comparative Analysis of Sub-Saharan Africa and OECD Economies / G. Myovella, M. Karacuka, J. Haucap. – DOI [10.1016/j.telpol.2019.101856](https://doi.org/10.1016/j.telpol.2019.101856) // Telecommunications Policy. – 2020. – Vol. 44, issue 2.

26. Yousefi, A. The Impact of Information and Communication Technology on Economic Growth: Evidence from Developed and Developing Countries / A. Yousefi. – DOI [10.1080/10438599.2010.544470](https://doi.org/10.1080/10438599.2010.544470) // Economics of Innovation and New Technology. – 2011. – Vol. 20, issue 6. – Pp. 581–596.

27. Niebel, T. ICT and Economic Growth: Comparing Developing, Emerging and Developed Countries / T. Niebel. – ZEW Discussion Papers. – 2014. – No. 14–117. – URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:180-madoc-374884> (дата обращения: 18.02.2021).

28. Posu, S. M. A. Information and Communication Technologies in the Nigerian Economy / S. M. A. Posu // Proceedings of the Conference on Human and Economic Resources. – 2006. – Pp. 327–337. – URL: <https://ideas.repec.org/h/izm/prcdng/200626.html> (дата обращения: 18.02.2021).

29. The Role of Information Communication Technology and Economic Growth in Recent Electricity Demand: Fresh Evidence from Combine Cointegration Approach in UAE / M. Shahbaz, I. Ur Rehman, R. Sbia, H. Hamdi. – DOI [10.1007/s13132-015-0250-y](https://doi.org/10.1007/s13132-015-0250-y) // Journal of the Knowledge Economy. – 2016. – Vol. 7. – Pp. 797–818.

30. Зверева, А. А. Влияние цифровизации экономики на благосостояние в развитых и развивающихся странах / А. А. Зверева, Ж. С. Беляева, К. Сохаг. – DOI [10.17059/2019-4-7](https://doi.org/10.17059/2019-4-7) // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 4. – С. 1050–1062. – Рез. англ.

31. Дубинина, М. Г. Моделирование динамики взаимосвязи макроэкономических показателей и показателей распространения ИТ в развитых и развивающихся странах / М. Г. Дубинина // Труды ИСА РАН. – 2015. – Т. 65, № 1. – С. 24–37. – URL: http://www.isa.ru/proceedings/index.php?option=com_content&view=article&id=868 (дата обращения: 18.02.2021). – Рез. англ.
32. Петров, С. П. Влияние инвестиций в развитие цифровой экономики на объем валового внутреннего продукта России / С. П. Петров, М. П. Маслов, А. И. Карпович. – DOI [10.15826/vestnik.2020.19.4.020](https://doi.org/10.15826/vestnik.2020.19.4.020). – Текст : электронный // Journal of Applied Economic Research. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 419–440. – Рез. англ.
33. Крамин, Т. В. Развитие цифровой инфраструктуры в регионах России / Т. В. Крамин, А. Р. Климанова. – DOI [10.23683/2073-6606-2019-17-2-60-76](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-60-76) // Terra Ecomipicus. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 60–76. – Рез. англ.
34. Попов, Е. В. Экономические институты сетевых организаций / Е. В. Попов, В. Л. Симонова // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 23. – С. 2–15. – URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=66098> (дата обращения: 18.02.2021). – Рез. англ.
35. Попов, Е. В. Оценка влияния информационно-коммуникационных технологий на инновационную активность регионов / Е. В. Попов, К. А. Семячков, В. Л. Симонова // Финансы и кредит. – 2016. – № 46. – С. 46–60. URL: <http://213.226.126.9/fc/2016/fc46/fc4616-46.pdf> (дата обращения: 18.02.2021). – Рез. англ.
36. Arellano, M. Panel Data Econometrics / M. Arellano. – DOI [10.1093/0199245282.001.0001](https://doi.org/10.1093/0199245282.001.0001). – Oxford University Press, 2003. – 248 p.

Поступила 24.02.2021; одобрена после рецензирования 29.03.2021; принята к публикации 07.04.2021.

Об авторах:

Миролюбова Татьяна Васильевна, заведующий кафедрой мировой и региональной экономики, экономической теории ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (614068, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, Researcher ID: [D-5844-2017](https://orcid.org/0000-0003-2933-5077), mirolubov@list.ru

Радионова Марина Владимировна, исполняющий обязанности заведующего кафедрой информационных систем и математических методов в экономике ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (614068, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15), кандидат физико-математических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8339-3326>, Researcher ID: [L-9851-2015](https://orcid.org/0000-0002-8339-3326), m.radianova812@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Т. В. Миролюбова – постановка проблемы исследования; научное руководство; постановка основной гипотезы исследования; формулирование результатов исследования, выводов и предложений.

М. В. Радионова – сбор, обработка и анализ информации; проведение эконометрического исследования и анализа моделей; подготовка текста статьи; формулирование выводов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Mirolubova T.V., Karlina T.V., Nikolaev R.S. Digital Economy: Identification and Measurements Problems in Regional Economy. *Ehkonomika regiona* = Economy of Region. 2020; 16(2):377-390. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17059/2020-2-4>
2. Mirolubova T.V., Radionova M.V. ICT Sector Role and Digital Transformation Factors in the Regional Economy in the Context of Public Governance. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Ehkonomika"* = Perm University Herald. Economy. 2020; 15(2):253-270. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-2-253-270>
3. Mičić L. Digital Transformation and its Influence on GDP. *Economics*. 2017; 5(2):135-147. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1515/eoik-2017-0028>
4. Hanclova J., Doucek P., Fischer J., Vltavska K. Does ICT Capital Affect Economic Growth in the EU-15 and EU-12 Countries? *Journal of Business Economics and Management*. 2015; 16(2):287-406. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3846/16111699.2012.754375>
5. Legris P., Ingham J., Collette P. Why do People Use Information Technology? A Critical Review of the Technology Acceptance Model. *Information & Management*. 2003; 40(3):191-204. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-7206\(01\)00143-4](https://doi.org/10.1016/S0378-7206(01)00143-4)
6. Farhadi M., Ismail R., Fooladi M. Information and Communication Technology Use and Economic Growth. *PLoS ONE*. 2012; 7(11):1-7. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0048903>
7. Rasiah R. Information and Communication Technology and GDP Per Capita. *International Journal of Internet and Enterprise Management*. 2006; 4(3):202-214. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1504/IJIEEM.2006.010914>
8. Pradhan R.P., Mallik G., Bagchi T.P. Information Communication Technology (ICT) Infrastructure and Economic Growth: A Causality Evincing by Cross-Country Panel Data. *IIMB Management Review*. 2018; 30(1):91-103. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.iimb.2018.01.001>
9. Bacache M., Bourreau M., Gaudin G. Dynamic Entry and Investment in New Infrastructures: Empirical Evidence from the Fixed Broadband Industry. *Review of Industrial Organization*. 2014; 44:1-31. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s11151-013-9398-4>
10. Bertschek I., Cerquera D., Klein G.J. More Bits – More Bucks? Measuring the Impact of Broadband Internet on Firm Performance. *Information Economics and Policy*. 2013; 25(3):190-203. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2012.11.002>

11. Bojnec S., Ferto I. Broadband Availability and Economic Growth. *Industrial Management and Data Systems*. 2012; 112:1292-1306. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1108/02635571211278938>
12. Bouras C., Giannaka E., Tsiatsos T. Identifying Best Practices for Supporting Broadband Growth: Methodology and Analysis. *Journal of Network and Computer Applications*. 2009; 32(4):795-807. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jnca.2009.02.003>
13. Brewer E., Demmer M., Du B., Ho M., Kam M., Nedevski S. [et al.] The Case of Technology in Developing Regions. *Computer Society*. 2005; 38(6):25-38. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1109/MC.2005.204>
14. Crandall R., Lehr W., Litan R. The Effects of Broadband Deployment on Output and Employment: A Cross-Sectional Analysis of US Data. *Issues in Economic Policy*. 2007; 6:1-34. Available at: https://www.researchgate.net/publication/237644428_The_Effects_of_Broadband_Deployment_on_Output_and_Employment_A_Cross-sectional_Analysis_of_US_Data (accessed 18.02.2021). (In Eng.)
15. Czernich N., Falck O., Kretschmer T., Woessmann L. Broadband Infrastructure and Economic Growth. *The Economic Journal*. 2011; 121(552):505-532. Available at: https://ideas.repec.org/p/ces/ceswps/_2861.html (accessed 18.02.2021). (In Eng.)
16. Dwivedi Y.K., Lal B., Williams M.D. Managing Consumer Adoption of Broadband: Examining Drivers and Barriers. *Industrial Management and Data Systems*. 2009; 109(3):357-369. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1108/02635570910939380>
17. Lehr W.H., Osorio C.A., Sirbu M.A. Measuring the Economic Impact of Broadband Deployment. *Final Report, National Technical Assistance, Training, Research and Evaluation Project*. 2006. Available at: http://cfp.mit.edu/publications/CFP_Papers/Measuring_bb_econ_impact-final.pdf (accessed 18.02.2021). (In Eng.)
18. Holt L., Jamison M. Broadband and Contributions to Economic Growth: Lessons from the US Experience. *Telecommunications Policy*. 2009; 33:575-581. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2009.08.008>
19. Koutroumpis P. The Economic Impact of Broadband on Growth: A Simultaneous Approach. *Telecommunications Policy*. 2009; 33(9):471-485. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/J.TELPOL.2009.07.004>
20. Watanabe C., Naveed K., Tou Yu., Neittaanmäki P. Measuring GDP in the Digital Economy: Increasing Dependence on Uncaptured GDP. *Technological Forecasting and Social Change*. 2018; 137:226-240. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.053>
21. Watanabe C., Tou Yu., Neittaanmäki P. A New Paradox of the Digital Economy – Structural Sources of the Limitation of GDP Statistics. *Technology in Society*. 2018; 55:9-23. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2018.05.004>
22. Matthess M., Kunkel S. Structural Change and Digitalization in Developing Countries: Conceptually Linking the Two Transformations. *Technology in Society*. 2020; 63:10-14. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2020.101428>
23. Kraemer K.L., Dedrick J. Payoffs from Investment in Information Technology: Lessons from the Asia-Pacific Region. *World Development*. 1994; 22(12):1921-1931. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(94\)90183-X](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)90183-X)

24. Haftu G.G. Information Communications Technology and Economic Growth in Sub-Saharan Africa: A Panel Data Approach. *Telecommunications Policy*. 2019; 43(1):88-99. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2018.03.010>

25. Myovella G., Karacuka M., Haucap J. Digitalization and Economic Growth: A Comparative Analysis of Sub-Saharan Africa and OECD Economies. *Telecommunications Policy*. 2020; 44(2). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2019.101856>

26. Yousefi A. The Impact of Information and Communication Technology on Economic Growth: Evidence from Developed and Developing Countries. *Economics of Innovation and New Technology*. 2011; 20(6):581-596. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/10438599.2010.544470>

27. Niebel T. ICT and Economic Growth: Comparing Developing, Emerging and Developed Countries. ZEW Discussion Papers. 2014; No. 14-117. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:180-madoc-374884> (accessed 18.02.2021). (In Eng.)

28. Posu S.M.A. Information and Communication Technologies in the Nigerian Economy. *Proceedings of the Conference on Human and Economic Resources*. 2006. p. 327-337. Available at: <https://ideas.repec.org/h/izm/prcdng/200626.html> (accessed 18.02.2021). (In Eng.)

29. Shahbaz M., Sbia R., Hamdi H., Ur Rehman I. The Role of Information Communication Technology and Economic Growth in Recent Electricity Demand: Fresh Evidence from Combine Cointegration Approach in UAE. *Journal of the Knowledge Economy*. 2016; 7:797-818. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s13132-015-0250-y>

30. Zvereva A.A., Belyaeva Zh.S., Sohag K. Impact of the Economy Digitalization on Welfare in the Developed and Developing Countries. *Ehkonomika regiona* = Economy of Region. 2019; 15(4):1050-1062. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17059/2019-4-7>

31. Dubinina M.G. Modeling the Dynamics of the Relationship of Macroeconomic Indicators and Indicators of IT Penetration in Developed and Developing Countries. *Trudy ISA RAN* = Proceeding of the Institute for Systems Analysis of the Russian Academy of Science. 2015. 65(1):24-37. Available at: http://www.isa.ru/proceedings/index.php?option=com_content&view=article&id=868 (accessed 18.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

32. Petrov S.P., Maslov M.P., Karpovich A.I. Influence of Expenditures in the Development of the Digital Economy on the Volume of Russia's GDP. *Journal of Applied Economic Research*. 2020; 19(4):419-440. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15826/vestnik.2020.19.4.020>

33. Kramin T.V., Klimanova A.R. Development of Digital Infrastructure in the Russian Regions. *Terra Economicus*. 2019; 17(2):60-76. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-60-76>

34. Popov E.V., Simonova V.L. Economic Institutions of Network Organizations. *Ehkonomicheskij analiz: teoriya i praktika* = Economic Analysis: Theory and Practice. 2015; (23):2-15. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=66098> (accessed 18.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

35. Popov E.V., Semyachkov K.A., Simonova V.L. Assessing of the Impact of Information and Communication Technologies on Innovative Activity of Regions. *Finansy i kredit* = Finance and Credit. 2016; (46):46-60. Available at: <http://213.226.126.9/fc/2016/fc46/fc4616-46.pdf> (accessed 18.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

36. Arellano M. Panel Data Econometrics. Oxford University Press; 2003. (In Eng.)
DOI: <https://doi.org/10.1093/0199245282.001.0001>

Submitted 24.02.2021; approved after reviewing 29.03.2021; accepted for publication 07.04.2021.

About the authors:

Tatyana V. Mirolubova, Head of the Department of World and Regional Economy, Economic Theory, Perm State National Research University (15 Bukireva St., Perm 614068, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, Researcher ID: [D-5844-2017](https://orcid.org/0000-0003-2933-5077), mirolubov@list.ru

Marina V. Radionova, Acting Head of the Department of Information Systems and Mathematical Methods in Economics, Perm State National Research University (15 Bukireva St., Perm 614068, Russian Federation), Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8339-3326>, Researcher ID: [L-9851-2015](https://orcid.org/0000-0002-8339-3326), m.radionova812@gmail.com

Contribution of the authors:

T. V. Mirolubova – statement of the research problem; academic supervision; construction of the scientific hypothesis of the study; evaluation of the results; drawing conclusions; formulation of proposals.

M. V. Radionova – collection, processing and analysis of information; econometric research and model analysis; preparation of the text of the article; drawing conclusions.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Место предприятий регионального агропромышленного кластера в повышении национальной конкурентоспособности

Н. П. Макаркин

А. П. Горина

О. Н. Алферина*

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Российская Федерация),
* olga.alferina@mail.ru

Введение. Актуальность исследуемой научной проблемы обусловлена тем, что в современных условиях получение прибыли не является единственной целью и критерием успешного функционирования предприятий. Если раньше деятельность многих предприятий была нацелена на завоевание доли рынка, то сейчас ведущие компании меняют свои приоритеты на увеличение количества постоянных клиентов, повышение эффективности использования ресурсов, удовлетворение потребительского спроса. Цель статьи – на основе проведенного исследования определить место предприятий регионального агропромышленного кластера по производству птицеводческой продукции в повышении национальной конкурентоспособности.

Материалы и методы. Эмпирическую и информационную базу исследования составили статистические материалы по заявленной теме, а также ведомственная и бухгалтерская отчетность исследуемых предприятий регионального агропромышленного кластера Республики Мордовия за 2015–2020 гг. Используемая методологическая и эмпирическая база позволила грамотно и профессионально проанализировать конкурентные преимущества предприятий и выработать рекомендации по усилению их конкурентных позиций на национальном рынке птицеводческой продукции.

Результаты исследования. Проведенное исследование конкурентных критериев товаров региональных производителей птицеводческой продукции позволило выделить основные направления деятельности этих предприятий для улучшения их конкурентных позиций. Теоретически обоснован и разработан инструментарий оценки конкурентоспособности птицеводства на основе определения важности конкурентных критериев региональных производителей продукции: цена, качество, упаковка, ассорти-

© Макаркин Н. П., Горина А. П., Алферина О. Н., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

тент, имидж производителя. Составлены конкретные рекомендации по усилению конкурентных позиций предприятий регионального агропромышленного кластера и определению ключевых приоритетов развития конкурентной стратегии, назначение которых заключается в экономии ресурсов без потери качества продукта.

Обсуждение и заключение. Разработанные рекомендации будут способствовать повышению конкурентоспособности региональных производителей птицеводческой продукции. Результаты исследования могут быть использованы региональными органами власти при кластеризации региона и разработке территориальных программ социально-экономического развития.

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкурентное преимущество, конкурентный потенциал, региональный агропромышленный кластер, интеграция ресурсного, рыночного и кластерного подходов, конкурентные критерии товаров региональных производителей, конкурентная среда

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 19-010-00147 «Исследование ресурсного потенциала предприятий реального сектора экономики».

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Макаркин, Н. П. Место предприятий регионального агропромышленного кластера в повышении национальной конкурентоспособности / Н. П. Макаркин, А. П. Горина, О. Н. Алферина. – DOI [10.15507/2413-1407.116.029.202103.511-540](https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.511-540) // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 511–540.

The Role of Regional Agro-Industrial Cluster Enterprises in Improving National Competitiveness

N. P. Makarkin, A. P. Gorina, O. N. Alferina*

National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),

** olga.alferina@mail.ru*

Introduction. The relevance of the research problem is due to the fact that in modern conditions, making a profit is not the only goal and criterion for the successful functioning of enterprises. If recently the activities of many enterprises have been aimed at gaining a market share, now the leading companies are changing their priorities trying to increase the number of regular customers, boost the efficiency of resource use, and meet the consumer demand. Based on the research conducted, the article identifies the role of the regional agro-industrial cluster enterprises producing poultry products in improving national competitiveness.

Materials and Methods. The empirical and information base of the study was made up of statistical materials on the stated topic, as well as of departmental reports and accounting statements of the considered enterprises of the regional agro-industrial cluster of the Republic of Mordovia for 2015–2020. The methodological and empirical base used made it possible to competently and professionally analyze the competitive advantages of the considered enterprises and develop recommendations on how to increase their competitive strengths in the national market of poultry products.

Results. The conducted research of competitive criteria for goods by regional producers of poultry products made it possible to identify the main areas of activities of these enterprises aimed at improving their competitive positions. The tools for assessing the competitiveness

of poultry farming have been theoretically substantiated and developed on the basis of identifying the importance of competitive criteria for regional producers, such as price, quality, packaging, assortment, and image of the manufacturer. Specific recommendations have been developed aimed at strengthening the competitive positions of the enterprises of the regional agro-industrial cluster and at identifying key priorities for the development of a competitive strategy, in order to save resources without losing product quality.

Discussion and Conclusion. The recommendations produced will contribute to increasing the competitiveness of the regional producers of poultry products. The results of the study can be used by regional authorities when clustering a region and developing territorial programs for socio-economic development.

Keywords: competitiveness, competitive advantage, competitive potential, regional agro-industrial cluster, integration of the resource, market, and cluster approaches, competitive criteria for goods produced by regional manufacturers, competitive environment

Funding. The article was done with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the project No. 19-010-00147 “Research into the Resource Potential of Enterprises in the Real Sector of the Economy”.

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Makarkin N.P., Gorina A.P., Alferina O.N. The Role of Regional Agro-Industrial Cluster Enterprises in Improving National Competitiveness. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(3):511-540. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.511-540>

Введение. Сложившаяся на современном рынке ситуация показывает, что успешность предприятия характеризуется его конкурентоспособностью, а в качестве критерия эффективности функционирования рассматривается уже не только наличие прибыли. Приоритеты меняются в пользу выбора стратегии развития, предполагающей сохранение лояльности постоянных клиентов, повышение результативности производства, сбытовой деятельности и удовлетворения потребительского спроса. Более того, на протяжении последних двадцати лет наблюдаются переоценка значения конкурентных позиций на рынке. Поэтому особую важность имеет проведение анализа факторов, определяющих конкурентные преимущества и влияющих на конкурентоспособность предприятия, с целью определения слабых и сильных сторон конкурентной стратегии компании.

В обобщенном смысле «конкурентоспособность предприятия – это его способность устойчиво выполнять свою двойную задачу: удовлетворение требований клиентов и получение прибыли. Эта возможность реализуется путем предложения на рынке товаров и услуг, которые покупатели ценят выше, чем предлагаемые конкурентами. Условием конкурентоспособности является способность компании обнаруживать и адаптироваться к изменениям в окружающей среде и внутри компании путем постоянного соответствия критериям конкурентного рынка, более благоприятным, чем у конкурентов» [1].

Конкурентное преимущество – это набор качеств, которые дают компаниям превосходство над конкурентами, что позволяет предприятиям предлагать

своему целевому рынку продукт или услугу с более высокой стоимостью, чем у отраслевых конкурентов. В долгосрочной перспективе это укрепляет позиции бизнеса в отрасли и способствует большему количеству продаж, чем у конкурентов.

Конкурентное преимущество может проявляться в самых разных формах: от экспертного брендинга до грамотно спроектированных торговых сетей. Часто существует несколько факторов, которые в совокупности создают конкурентное преимущество, например: качество продукта, стратегическое ценообразование, сервис, позиционирование на рынке, сетевое взаимодействие, инновации и доступ к новым технологиям.

Разнообразие этих элементов может объединиться, чтобы сделать продукт или услугу более привлекательными для целевого рынка.

Цель статьи – по материалам проведенного исследования проанализировать конкурентные преимущества и конкурентоспособность предприятий регионального птицеводческого кластера Республики Мордовия, а также разработать предложения и рекомендации по усилению конкурентных позиций этих предприятий на национальном рынке птицеводческой продукции.

Обзор литературы. Исследованию конкурентоспособности и проблем ее обеспечения посвящено множество научных работ. На протяжении длительного времени многие ученые-экономисты проводят исследования в данной области, что свидетельствует о наличии интереса к поставленной проблематике. Вопросы конкурентоспособности являются предметом исследования многих экономических школ, каждая из которых внесла свой вклад в понимание дефиниции «конкурентоспособность».

Согласно классической экономической теории, концепция конкурентоспособности неотделима от теорий международной торговли. По мнению А. Смита, страны торгуют друг с другом на основе своих абсолютных преимуществ – страны производят продукт, в котором они имеют абсолютное преимущество с целью обмена его части на товары, в производстве которых таким преимуществом не обладают¹. Д. Рикардо пишет о том, что страны должны специализироваться на производстве тех товаров, в которых они имеют сравнительное преимущество, хотя технологическое превосходство (высокая производительность труда) не гарантирует конкурентоспособности².

Неоклассические экономические теории идут дальше и предполагают, что источником сравнительного преимущества являются не технологии, а различные ресурсы. Следовательно, страны должны специализироваться на производстве товаров, в которых они используют факторы, если они относительно хорошо обеспечены. Как следствие, богатые капиталом страны

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/smit_1.pdf (дата обращения: 05.02.2021).

² Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное (сборник). М.: Эксмо, 2007. 960 с.

экспортируют капиталоемкую продукцию, а богатые рабочей силой страны экспортируют трудоемкую продукцию.

Теорема Рыбчинского утверждает, что при постоянных относительных ценах на товары увеличение обеспеченности одним фактором приводит к более чем пропорциональному увеличению выпуска, интенсивно использующему этот фактор, и абсолютному снижению в случае другого товара.

Хотя теория сравнительных преимуществ была широко принята на протяжении более века, два наблюдения бросили серьезный вызов этой концепции. С одной стороны, возникли новые теории торговли, предполагающие, что страны со схожим набором факторов производства торгуют друг с другом. С другой стороны, было также отмечено, что страны, испытывающие недостаток в природных ресурсах, по-прежнему могут добиваться исключительных результатов в международной торговле. Эти наблюдения породили новую концепцию конкурентных преимуществ³. В целом сравнительные преимущества основаны на различиях в рабочей силе и капитале и рассматриваются как микроэкономическая концепция с упором на отраслевую торговлю. Однако другие факторы, такие как институты или макроэкономическая среда, определяют конкурентоспособность нации, поэтому конкурентное преимущество основано на сравнительном преимуществе, но для того чтобы нация стала конкурентоспособной, необходимо множество других факторов.

Другая точка зрения предлагается теорией транзакционных издержек, которая гласит, что размер фирмы должен объясняться транзакционными издержками. Наиболее важной теорией является теория кластеров, разработанная М. Портером, согласно которой, для того чтобы быть конкурентоспособной, фирма должна постоянно повышать свою операционную эффективность, а географические региональные кластеры стимулируют необходимость конкурентоспособности фирм. Й. А. Шумпетер утверждает, что роль предпринимателя является наиболее важной для экономического роста⁴.

Анализ зарубежных источников по исследуемой тематике свидетельствует о том, что категория «конкурентоспособность» многогранна. В результате обобщения различных точек зрения на данную категорию мы выделили следующие основные подходы (табл. 1).

С точки зрения сферы научного интереса сложились различные исследовательские подходы к сущности конкурентоспособности: экономисты рассматривают экономические характеристики конкурентоспособности; социологи и политологи – социальные, политические и культурные характеристики; специалисты в области стратегического менеджмента анализируют конкурентоспособность с позиции конкретных характеристик предприятия.

³ Горина А. П., Горин И. А. Формирование стратегии повышения конкурентоспособности промышленного предприятия на основе использования инструментов и методов менеджмента: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 186 с.

⁴ Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 400 с.

Таблица 1. Трактовка понятия «конкурентоспособность» с точки зрения традиционных и современных подходов среди зарубежных ученых

Table 1. Interpretation of the concept of “competitiveness” in terms of traditional and modern approaches adopted by foreign scientists

Подходы к определению конкурентоспособности / Approaches to the definition of competitiveness		Авторы / Authors
Традиционные подходы / Traditional approaches	Подход на основе оценки сравнительных преимуществ и/или ценовой конкурентоспособности (экономический) / An approach based on the assessment of comparative advantages and / or price competitiveness (economic approach)	Дж. Фэгерберг; М. Портер; А. Ругман / J. Fagerberg; M. Porter; A. Rugman
	Подход, связанный со стратегией управления (управленческий) / An approach related to the management strategy (managerial approach)	М. Портер и др. / M. Porter et al.
	Исторический и социокультурный подход / Historical and socio-cultural approach	Д. Аакер; М. Портер и др. / D. Aaker; M. Porter et al.
Современные подходы / Modern approaches	Конкурентоспособность фирмы / Competitiveness of the company	Т. Эдмондс; В. Сниешка и др. / T. Edmonds; V. Snieska et al.
	Конкурентоспособность отрасли / Competitiveness of the industry	А. Балкуте, М. Тваронавичене; А. М. Бранденбургер, Б. М. Налебафф / A. Balkytė, M. Tvaronavičienė; A. M. Brandenburger, B. M. Nalebuff
	Конкурентоспособность региона / Competitiveness of the region	В. Сниешка и др.; А. М. Бранденбургер, Б. М. Налебафф / V. Snieska et al.; A. M. Brandenburger, B. M. Nalebuff
	Национальная конкурентоспособность / National competitiveness	Н. Арслан, Х. Тесдил / N. Arslan, H. Tathdil
	Международная конкурентоспособность / International competitiveness	Б. Хикман / B. Hickman

Следовательно, показатели и методики измерения конкурентоспособности также у каждого свои. В научной литературе представлен и другой подход к концепции конкурентоспособности – исследование данной категории на разных уровнях. Рассмотрим дефиницию «конкурентоспособность» в трактовке вышеуказанных авторов. Т. Эдмондс определяет конкурентоспособность предприятия с точки зрения своевременного и наиболее полного удовлетворения потребностей покупателей в необходимых им товарах и услугах соответствующего качества по доступной цене, т. е. эффективнее, чем это делают другие фирмы [2]. С точки зрения конкурентоспособности региона (территории), В. Сниешка и Ю. Брунекиене рассматривают ее как способность конкретного региона создавать и поддерживать устойчивые конкурентные позиции среди других регионов с использованием имеющихся возможностей и факторов конкурентоспособности [3].

Если изучать понятие «конкурентоспособность» на национальном уровне, то она характеризуется способностью того или иного государства конкурировать на международном уровне в сфере производства и реализации своей продукции на мировом рынке, что обеспечивает стране растущую отдачу от национальных ресурсов [4].

Б. Хикман определяет международную конкурентоспособность как «способность поддерживать в глобальной экономике приемлемый рост реального уровня жизни населения с приемлемо справедливым распределением, эффективно обеспечивая занятость практически для всех, кто может и хочет работать, и делать это без снижения потенциала роста уровня жизни будущих поколений»⁵. Оценка конкурентоспособности может означать анализ экономической политики страны или установление международной иерархии на основе набора показателей (например, индекса конкурентоспособности роста, разработанного Всемирным экономическим форумом). С другой стороны, конкурентный анализ может состоять из анализа секторов экономики с целью выявления и поддержки деятельности, имеющей потенциальные сравнительные преимущества.

Многие исследователи не раз писали о важности конкурентоспособности на уровне фирм. По мнению профессора К. Кристенсена из Гарвардской школы бизнеса, нации могут конкурировать лишь в случае, когда могут конкурировать их фирмы⁶. М. Портер считает, что «на международных рынках конкурируют фирмы, а не страны»⁷. Именно фирмы напрямую сталкиваются с конкуренцией, а уровень их конкурентных позиций во многом определяет прибыльность их функционирования. Профессор Дж. Б. Хейвуд утверждает, что на уровне предприятия понимание конкурентоспособности вполне понятно и определяется его способностью приносить прибыль и развиваться, конкурируя с другими предприятиями на рынке⁸.

Для обеспечения устойчивых конкурентных позиций фирма должна стараться работать как можно более эффективно. В противном случае она не сможет удерживать свои позиции, получать достаточную прибыль и в конечном итоге прекратит свое существование⁹ [5].

Объяснение конкурентоспособности М. Портера основано на работах Э. Мейсона (1939) и Дж. Бейна (1959) по промышленным предприятиям. М. Портер подчеркивает, что конкурентная стратегия, выбираемая предприятием для развития имеющихся возможностей при минимизации угроз

⁵ Hickman B. G. International Productivity and Competitiveness. Oxford University Press, 1992. 416 p.

⁶ Кристенсен К. М. Дилемма инноватора. Как из-за новых технологий погибают сильные компании. 4-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2015. 239 с.

⁷ Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Паблишер, 2020. 608 с.

⁸ Хейвуд Дж. Б. Аутсорсинг: в поисках конкурентных преимуществ. М.: Вильямс, 2002. 174 с.

⁹ Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент / пер. с англ. А. Р. Ганиевой [и др.]. М.: ИНФРА-М, 2020. 800 с

со стороны рынка, в итоге определяет его конкурентное преимущество. Согласно П. Кругману, конкурентоспособность – это другой способ обозначить производительность, учитывая темпы роста одной фирмы по сравнению с другими. В деловой среде динамические способности, гибкость, маневренность, скорость и адаптируемость становятся более важными источниками конкурентоспособности [2].

Ресурсный подход (RBV) смещает акцент с отраслевой структуры на ресурсы, разрабатываемые фирмой. Сильные стороны RBV – это те аспекты, в которых теория М. Портера имеет ограничения. Однако значение ресурсов остается неясным, поскольку не уточняется, какие ресурсы являются наиболее ценными и как ими следует управлять для поддержания конкурентоспособности [6].

Представление динамических возможностей (DCV) можно рассматривать как расширение представления на основе ресурсов (RBV); в то время как RBV фокусируется на существующих ресурсах фирмы, взгляд на динамические возможности подчеркивает развитие этих ресурсов из-за организационных процедур, обычно понимаемых как повторяющиеся поведенческие модели практики и обучения¹⁰.

Среди отечественных ученых также присутствует значительный разброс мнений по поводу конкурентоспособности фирмы. Так, В. А. Баринов и А. В. Синельников утверждают, что конкурентоспособность предприятия формируется из конкурентоспособности его элементов и их дисциплинированности для достижения цели [7]. А. О. Блинов и В. Я. Захаров считают, что конкурентоспособность фирмы – это способность создавать такое превосходство над конкурентами, которое дает возможность достичь установленных целей [8]. А. В. Деметьева рассматривает конкурентоспособность компании как умение применять свои сильные стороны и сосредоточивать усилия в той области производства товаров или услуг, где она может занять лидирующую позицию на внутреннем и внешнем рынках [9].

Согласно А. Н. Захарову и А. А. Зокину, конкурентоспособность организации есть владение свойствами, формирующими преимущества для субъекта экономического соревнования¹¹; по мнению Л. М. Калашниковой, конкурентоспособностью предприятия – это комплексное понятие, которое обуславливается системой и качеством управления, качеством продукции, широтой и глубиной ассортимента, нужного обществу или отдельным его членам, стабильным финансовым состоянием, возможностью работать с инновациями, результативным использованием ресурсов, целенаправленной работой с персоналом, уровнем системы товародвижения и сервиса, имиджем фирмы [10].

¹⁰ Там же.

¹¹ Захаров А. Н., Зокин А. А. Конкурентоспособность предприятия: сущность, методы, оценки и механизмы увеличения [Электронный ресурс]. URL: https://logistics.ru/scm/9/2/i20_64.htm (дата обращения: 05.02.2021).

М. В. Маракулин определяет конкурентоспособность фирмы как ее способность работать в активной конкурентной среде при удержании имеющихся конкурентных преимуществ как минимум в постоянном виде [11]. С точки зрения М. Г. Миронова, конкурентоспособность организации – это умение прибыльно осуществлять и реализовывать продукцию по цене не выше и по качеству не хуже, чем у любых других контрагентов в своей рыночной нише¹².

При рассмотрении аспектов, определяющих конкурентоспособность фирмы и ее продукции, заслуживает внимания подход, предлагаемый А. А. Томпсоном и А. Дж. Стриклендом, которые считают, что формирование конкурентной стратегии должно происходить на основе анализа отрасли и выявлении основных составляющих успеха, а именно: качественных характеристик продукции, репутации компании и производимой (продаваемой) продукции, производственных мощностей компании, использования современных технологий в производстве и менеджменте, размеров дилерской сети и представленности на рынке, инноваций, клиентского сервиса компании¹³.

В работах Е. П. Голубкова выделяется 16 факторов результативности деятельности компании, которые предлагается использовать для проведения маркетинговых исследований при оценке конкурентоспособности бизнеса, а именно: имидж компании, идея продукта, качество, уровень научных исследований и конструкторских разработок, доля рынка по основным видам деятельности, диверсифицированность ассортимента, производственные мощности и др.¹⁴. Оценку конкурентоспособности продукции автора предлагается осуществлять по таким основным критериям, как качество продукта, цена, поставка потребителю, продвижение продукта.

Мнение М. А. Фролова на этот счет во многом совпадает с приведенным выше в части факторов, определяющих конкурентоспособность продукции. Однако в качестве итогового критерия оценки конкурентоспособности продукции он обозначает долю рынка, занимаемую данной продукцией [12, с. 73].

В своих работах И. Н. Максимов, выделяя основные критерии конкурентоспособности, особое значение придает эффективности производственной деятельности компании, ее финансовому положению, эффективности организации системы закупок, логистики, продвижения товара на рынке [13, с. 34].

К числу авторов, чьи работы посвящены изучению тех или иных аспектов конкурентоспособности, также можно отнести таких ученых, как Л. О. Асланова [14], А. О. Блинов [15], К. М. Скаделова [16], Р. А. Фатхутдинов [17] и др. Однако, несмотря на солидное число научных публикаций в данной области, некоторые ее аспекты все еще не получили достаточно широкого освещения и остаются весьма актуальными для дальнейшего исследования. Кроме того,

¹² Миронов М. Г. Ваша конкурентоспособность. М.: АльфаПресс, 2014. 160 с.

¹³ Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. С. 80.

¹⁴ Голубков Е. П. Маркетинг для профессионалов: практический курс. М.: Юрайт, 2019. С. 150.

отсутствует однозначность трактовки самого понятия «конкурентоспособность», также как нет единства в методологии ее анализа и оценки.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования выступили ведущие предприятия регионального агропромышленного кластера Республики Мордовия по производству птицеводческой продукции: ООО «Птицефабрика «Авангард», ОАО «Птицефабрика «Атемарская», АО «Агрофирма «Октябрьская», ОАО «Птицефабрика «Чамзинская», некоторые из которых вошли в список 20 крупнейших компаний России по производству мяса птицы по итогам рейтингов, составляемых Российским птицеводческим союзом.

Эмпирическую и информационную базу исследования составили материалы Федерального научного центра «Всероссийский научно-исследовательский институт птицеводства» Российской академии наук; данные Росстата и Мордовиястата; ведомственная и бухгалтерская отчетность исследуемых предприятий регионального агропромышленного кластера Республики Мордовия за 2015–2020 гг. Используемая методологическая и эмпирическая база позволила грамотно и профессионально проанализировать конкурентные преимущества предприятий и выработать рекомендации по усилению их конкурентных позиций на национальном рынке птицеводческой продукции.

Для оценки конкурентных преимуществ и конкурентоспособности предприятий регионального агропромышленного кластера продукции птицеводства авторами были активно использованы разнообразные аналитические и графические методы: рейтинговая оценка на основе расчета рыночной доли, на основе норм потребительной стоимости, на основе теории эффективной конкуренции, матрица и модели конкуренции М. Портера, многоугольник конкурентоспособности, анализ конкурентных преимуществ и конкурентоспособности, SWOT-анализ, PEST-анализ и др.

Результаты исследования. Структура конкурентных преимуществ, исходя из основных источников, определяется на основе внутренних и внешних возможностей. Подробнее рассмотрим основные составляющие конкурентных преимуществ (рис. 1).

Маркетинговые преимущества определяют внутреннюю конкурентоспособность предприятия, рыночные преимущества – внешние возможности.

В настоящее время преимущество персонала определяется не столько количеством занятых на производстве, сколько их качеством. Качество рабочей силы – сложная и разнообразная категория. Это зависит от уровня навыков, подготовки, образования и опыта работы, а также от социально-экономических условий большинства работающего населения.

Производственным преимуществом компании является способность имеющих реальных активов обеспечивать функциональную и производственную деятельность компании. Величина производственных преимуществ является характеристикой материальных условий обновления и повышения качества и может служить основой для прогнозирования объемов промышленного производства.

Р и с. 1. Основные составляющие конкурентных преимуществ предприятия
F i g. 1. The main components of the company's competitive advantages

Финансовые выгоды компании включают финансовые ресурсы и инвестиционные возможности. К ним относят выручку и денежные поступления, доступные компании и предназначенные для выполнения финансовых обязательств перед правительством, кредитной системой, поставщиками, страховыми компаниями, другими компаниями и отдельными лицами, сотрудниками компании и для покрытия расходов на развитие бизнеса.

Рыночные выгоды зависят от состояния внешней деловой среды и экономической ситуации в обществе, они характеризуются максимально возможным объемом продаж. Многие факторы, находящиеся вне зоны влияния предприятия, определяют преимущество рынка [18, с. 601].

Следовательно, конкурентное преимущество компании – это система, структурные элементы которой отражают внутреннюю и внешнюю конкурентоспособность отдельной компании.

Обобщение различных подходов позволило нам сформулировать собственное определение категории «конкурентоспособность предприятия», под которой мы предлагаем понимать результат его деятельности, нацеленный на формирование и углубление конкурентных преимуществ на основе эффективного использования имеющихся ресурсов в условиях неограниченной национальной конкурентной среды.

Неограниченная национальная конкурентная среда характерна для модели рынка совершенной конкуренции в пределах национальной экономики. Она предполагает наличие разветвленной информационной инфраструктуры, создающей необходимую среду для эффективной конкуренции, которая включает широкий спектр информационных ресурсов.

Рынок птицеводческой продукции является характерным примером рынка совершенной конкуренции. Одним из важнейших и старейших видов сельскохозяйственной деятельности является разведение птицы, что обусловлено достаточно коротким производственным циклом получения готового продукта питания. Масштабное развитие отрасли птицеводства на территории нашей страны происходило в течение всего XX в.

В настоящее время птицеводство – ведущая отрасль агропромышленного комплекса России. Приволжский федеральный округ (ПФО) является лидером по производству яиц в Российской Федерации, на него приходится 25 % общего производства, при этом Республика Мордовия входит в десятку регионов-лидеров по данному показателю.

Развитие птицеводства в республике обусловлено реализацией таких целевых программ, как «Развитие производства яйца и его переработки в Республике Мордовия на 2013–2015 годы»¹⁵, «Развитие производства и переработки мяса бройлеров в Республике Мордовия на 2013–2015 годы»¹⁶, а также с реализацией целевой программы Министерства сельского хозяйства России «Развитие птицеводства в Российской Федерации на 2010–2012 годы»¹⁷ и Концепции развития отрасли птицеводства Российской Федерации на период 2013–2020 года¹⁸.

Государственная поддержка птицеводческой отрасли осуществляется на основе Государственной программы Республики Мордовия развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2025 гг.¹⁹. На федеральном уровне принята

¹⁵ Развитие производства яйца и его переработки в Республике Мордовия на 2013 – 2015 годы: ведомственная целевая программа, утв. приказом Заместителя Председателя Правительства – Министра сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия от 21.12.2012 № 305-П [Электронный ресурс]. URL: <https://gp.specagro.ru/region/document/id/1171417/day/6/month/9/year/2018> (дата обращения: 06.02.2021).

¹⁶ Развитие производства и переработки мяса бройлеров в Республике Мордовия на 2013–2015 годы: ведомственная целевая программа, утв. приказом Заместителя Председателя Правительства – Министра сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия от 21.12.2012 № 304-П [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/9032428/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 06.02.2021).

¹⁷ Развитие птицеводства в Российской Федерации на 2010–2012 годы: Целевая программа Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, утв. приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 15.12.2010 № 433 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=496850#0033762538256974395> (дата обращения: 06.02.2021).

¹⁸ Концепция развития отрасли птицеводства Российской Федерации на период 2013–2020 года, утв. приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 15.12.2010 № 433 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=496850#0033762538256974395> (дата обращения: 06.02.2021).

¹⁹ Государственная программа Республики Мордовия развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2025 годы, утв. Постановлением Правительства Республики Мордовия от 19.11.2012 № 404 [Электронный ресурс]. URL: <http://agro.e-mordovia.ru/gos-programm/upload/GosprogrammIzm02.02.2015.doc> (дата обращения: 06.02.2021).

Подпрограмма «Создание отечественного конкурентоспособного кросса мясных кур в целях получения бройлеров», предполагающая применение в птицеводстве новых высокотехнологичных отечественных разработок²⁰.

Проанализируем рынок птицеводческой продукции в Республике Мордовия. Птицеводство – самая динамично развивающаяся отрасль агропромышленного комплекса региона, причем успехи птицеводческих предприятий выходят далеко за пределы республики. По данным Росстата, Мордовия занимает лидирующую позицию в России по производству яйца на душу населения с показателем 950 шт. на 1 чел. (по России данный показатель составил 153 шт. на 1 жителя, в ПФО – 191 шт.)²¹. В таблице 2 приведена динамика показателей производства птицеводческой отрасли региона за 4 года (2016–2019 гг.). Аналитические данные таблицы свидетельствуют, что в 2019 г. представителями птицеводческих хозяйств Республики Мордовия было произведено 1 340 млн шт. яиц, что на 70,4 млн шт. больше уровня прошлого года. Поголовье кур-несушек увеличилось на 105 тыс. и составило более 4,4 млн голов, а средняя яйценоскость в течение исследуемого периода находилась на уровне 312 шт.

Т а б л и ц а 2. Анализ производительности региональных предприятий птицеводческой продукции

Table 2. Analysis of the productivity of regional poultry production enterprises

Основные показатели / Key indicators	Год / Year				Темп роста / Growth rate 2019/2018
	2016	2017	2018	2019	
Производство яиц, млн шт. / Egg production, million pcs.	1 309,6	1 306,2	1 269,7	1 340,1	1,06
Птица всех видов, тыс. голов / Poultry of all types, thousand heads	15 278,9	16 181,3	16 119,5	17 328,5	1,07
Поголовье кур-несушек, тыс. голов / Number of laying hens, thousand heads	4 063,5	4 133,2	4 316,7	4 421,7	1,02
Средняя яйценоскость, шт. / Average egg production, pcs.	311	312	312	311	0,99

За 9 месяцев 2020 г., согласно оперативным данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия, в хозяйствах всех категорий произведено 1 141 млн шт. яиц. Прирост обеспечили

²⁰ Подпрограмма «Создание отечественного конкурентоспособного кросса мясных кур в целях получения бройлеров» Федеральной научной-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы (подпрограмма утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.05.2020 № 782) [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/128199/> (дата обращения: 06.02.2021).

²¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2021).

ООО «Авангард» – на 22,1 млн шт., АО «Агрофирма «Октябрьская» – на 5,2 млн шт.²².

Лидирующее место по производству яйца среди птицеводческих хозяйств занимает ОАО «Птицефабрика «Атемарская», где с начала 2019 г. получено 316,4 млн шт. Также максимальный прирост зафиксирован в ООО «Авангард», где производство яйца увеличилось на 47,8 млн шт. по отношению к уровню 2018 г. По итогам 2019 г. АО «Птицефабрика «Чамзинская» заняла третье место в регионе по производству яйца – 305,1 млн шт., уступив первые места выше-названным предприятиям. Основной объем произведенного яйца АО «Птицефабрика «Чамзинская» реализует по территории центральной России – 83,9 %, в пределах Мордовии – 6,1 %, остальное приходится на соседние регионы.

Для построения «многоугольника конкурентоспособности» сначала определим конкурентные критерии товаров региональных производителей яичной продукции, а также привлекательность товаров для целевой аудитории: ассортимент продукции, стоимость, внешний вид, упаковка, качество, дистрибуция, маркетинговая политика.

Затем оценим конкурентные преимущества по выделенным критериям по десятибалльной шкале и занесем полученные значения в таблицу 3.

Т а б л и ц а 3. Карта конкурентных критериев товаров региональных производителей яйца

Table 3. Map of competitive criteria for goods by regional egg producers

Показатель / Indicator	ООО «Птицефабрика «Авангард» / Avangard Poultry Farm	ОАО «Птицефабрика «Атемарская» / Atemarskaya Poultry Farm	АО «Агрофирма «Октябрьская» / Oktyabrskaya Agricultural Firm	АО «Птицефабрика «Чамзинская» / Chamzinskaya Poultry Farm
1	2	3	4	5
Ассортимент / Assortment	9	8	10	7
Цена / Price	7	10	9	8
Внешний вид / Product appearance	7	8	10	9
Упаковка / Packaging	8	7	9	8
Качество продукции / Product quality	7	9	6	8

²² Агропромышленный комплекс Республики Мордовия [Электронный ресурс] / Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия. URL: <http://agro.e-mordovia.ru/apk/> (дата обращения: 06.02.2021).

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
Представленность в сетевых магазинах региона / Representation in chain stores in the region	8	10	10	4
Собственные торговые точки / Own retail outlets	5	4	10	6
Реклама / Advertising	4	3	8	5

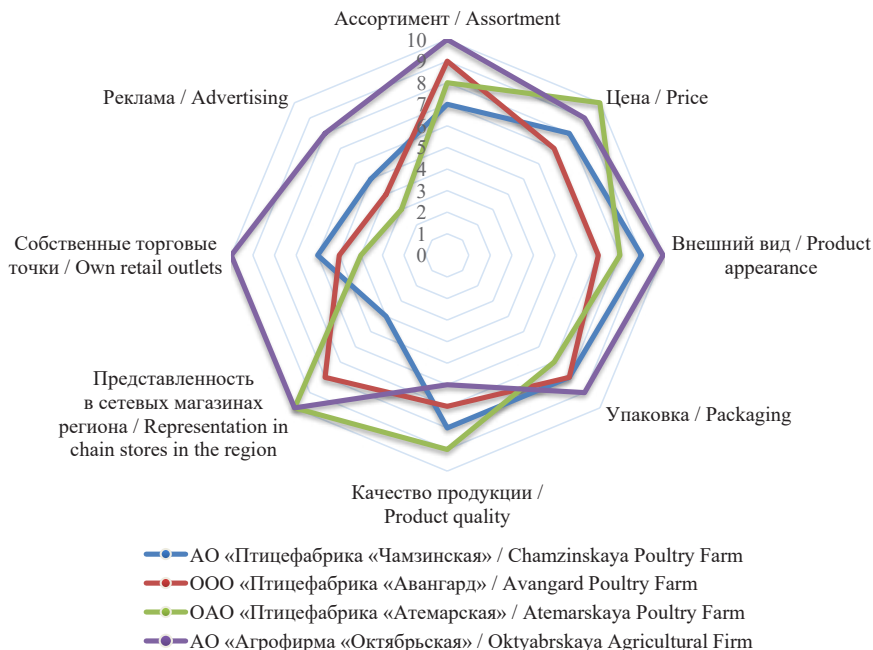
Рассматривая яичную продукцию региональных птицефабрик, являющихся локальными конкурентами, получены и занесены в таблицу следующие результаты. Наибольшим разнообразием товарного ассортимента обладает продукция АО «Агрофирма «Октябрьская», за что и получает высший балл. Сравнительный анализ цен показал, что самую высокую стоимость имеют яйца, производимые птицефабрикой «Атемарская» и агрофирмой «Октябрьская». За товарный вид продукции максимальные баллы были присвоены продукции агрофирмы «Октябрьская» и продукции птицефабрики «Чамзинская». Мониторинг представленности на продуктовой полке показал, что продукция чамзинской птицефабрики наименее представлена в сетевых магазинах по сравнению с конкурентами. Также было проанализировано наличие торговых точек и их количество. Оценка рекламной деятельности компаний позволила присвоить высший бал агрофирме «Октябрьская».

В соответствии с проведенным анализом были определены точки-показатели, на основе которых построен многоугольник свойств продукта и его конкурентов (рис. 2).

Для анализа был выбран не слишком обширный перечень критериев для обеспечения оперативности оценки и выработки решений для устранения выявленных недостатков. В результате этого была достигнута высокая степень наглядности выделенных конкурентных преимуществ и недостатков и обеспечена возможность сравнительной оценки конкурентных преимуществ региональных конкурентов.

В современных условиях все более значимым фактором конкурентоспособности становится качество продукции как важнейший инструмент в борьбе за рынки сбыта.

Предприятия – производители птицеводческой продукции, действуя на рынке совершенной конкуренции, тщательно следят за качеством выпускаемой продукции. Высокое качество продукции обусловлено тем, что в компаниях контролируется каждый этап производства, начиная от разработки собственных рационов кормления и заканчивая подбором первоклассного оборудования для выращивания бройлеров и дальнейшей переработки. Предприятия закупают корма у проверенных поставщиков и стремятся увеличить объемы и качество кормов собственного производства.

Р и с. 2. Многоугольник конкурентоспособности региональных производителей
F i g. 2. Polygon of competitiveness of regional producers

Качество и безопасность продукции обеспечивается сертифицированной системой менеджмента качества и безопасности пищевой продукции на соответствие требованиям ГОСТ Р ИСО 9001-2015 и ГОСТ Р ИСО 22000-2018. Производство продукции осуществляется высококвалифицированным персоналом на современном оборудовании с помощью традиционных технологий.

Вся продукция проходит строгий ветеринарный контроль, соответствует требованиям ГОСТов и всем необходимым санитарным нормам. Качество каждой отгружаемой партии подтверждается ветеринарными свидетельствами. Все торговые точки находятся под контролем службы качества и главного санитарного врача.

Проведенный мониторинг полочной представленности и ассортимента продукции ОАО «Птицефабрика «Чамзинская» в сравнении с конкурентами по г. Саранск показал, что изделия данной компании представлены в магазинах «Хорошее дело» (фирменная розничная сеть), реализующих в основном товары собственного производства. В данных торговых точках продается практически весь ассортиментный перечень продукции компании. Однако товары ОАО «Птицефабрика «Чамзинская» имеют минимальную

представленность номенклатуры в федеральных и региональных сетях («Пятерочка», «Магнит», «Спар», «Перекресток», «Ашан», «Эверест»). Предприятию необходимо более тщательно проводить работу по вводу в сети более широкого перечня номенклатуры продукции.

В условиях конкурентной среды важнейшим фактором устойчивого функционирования и развития предприятий являются инвестиции. Инвестиции предусматривают реконструкцию и увеличение мощности действующих объектов, а также запуск новых технологических линий, что позволяет предприятию представить на рынке более качественный и современный продукт.

Продукция под брендом «Хорошее дело» занимает средний ценовой сегмент, за исключением фирменной торговой сети. Здесь реализация товаров собственного производства традиционно осуществляется по более низким ценам. Важно, что цена оказывает непосредственное воздействие на уровень конкуренции товара, а используемые предприятием логистические концепции позволяют организовывать своевременную поставку необходимого количества сырья и готовой продукции с минимальными затратами.

Влиять на платежеспособность населения производитель не в силах, поэтому предприятия вынуждены концентрироваться на производстве качественной продукции по доступным ценам. В этом случае снижение себестоимости продукции без снижения качества является важнейшим направлением повышения конкурентоспособности. Для этого предприятию необходимо делать упор на снижение прямых и косвенных затрат.

Региональным предприятиям – производителям птицеводческой продукции приходится действовать в условиях жесткой конкуренции, так как кроме них на рынок поступают товары птицеводства других крупнейших российских представителей, в связи с чем компаниям важно реально оценивать свои конкурентные позиции и возможности их улучшения (табл. 4).

Таблица 4. Основные участники национального рынка мяса бройлеров, млн руб.²³

Table 4. The main competitors in the national poultry meat market, million rubles

Предприятие / Company	Активы / Assets	Выручка / Revenue	Регион / Region
1	2	3	4
ЗАО «Приосколье» / Prioskolie	33 364	35 082	Белгородская область / Belgorod Region
ЗАО «Ставропольский бройлер» / Stavropolskii Broiler	26 422	23 684	Ставропольский край / Stavropol Region
АО «Птицефабрика «Северная» / Severnaya Poultry Farm	15 398	20 049	Ленинградская область / Leningrad Region

²³ Составлено с использованием: Рейтинг фирм по выручке, отрасль «Разведение сельскохозяйственной птицы» [Электронный ресурс]. URL: https://www.testfirm.ru/rating/01_47/ (дата обращения: 06.02.2021).

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4
ООО «Птицефабрика Акашевская» / Akashevskaya Poultry Farm	42 662	16 176	Республика Марий Эл / Republic of Mary El
ООО «Пензамолинвест» / Penzamolinvest	37 865	11 399	Пензенская область / Penza Region
АО «Васильевская птицефабрика» / Vasilievskaya Poultry Farm	15 659	10 735	Пензенская область / Penza Region
ОАО «Куриное царство» / Kurinoe Tsarstvo	11 899	9 657	Липецкая область / Lipetsk Region
ООО «Челны-бройлер» / Chelny-Broiler	14 583	8 609	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan
АО «Куриное царство – Брянск» / Kurinoe Tsarstvo – Bryansk	5 553	7 653	Брянская область / Bryansk Region
АО «Птицефабрика «Чамзинская» / Chamzinskaya Poultry Farm	13 181	11 847	Республика Мордовия / Republic of Mordovia
АО «Ярославский бройлер» / Yaroslavskiy Broiler	7 295	7 223	Ярославская область / Yaroslavl Region
АО «Петелинская птицефабрика» / Petelinskaya Poultry Farm	5 767	6 825	Московская область / Moscow Region
АО «Агрофирма «Октябрьская» / Oktyabrskaya Agricultural Firm	10 873	6 824	Республика Мордовия / Republic of Mordovia
ООО «Птицефабрика «Элинар-бройлер» / Elinar-Broiler Poultry Farm	9 921	6 259	Московская область / Moscow Region
ООО «Белгранкорм – Великий Новгород» / Belgrankorm – Veliky Novgorod	6 232	6 044	Новгородская область / Novgorod Region
ООО «Птицефабрика «Рефтинская» / Reftinskaya Poultry Farm	3 620	5 829	Свердловская область / Sverdlovsk Region
ОАО «Волжанин» / Volzhanin Poultry Farm	9 616	4 861	Ярославская область / Yaroslavl Region
ОАО «Птицефабрика Зеленецкая» / Zelenetskaya Poultry Farm	4 615	4 395	Республика Коми / Komi Republic
ОАО «Турбаслинские бройлеры» / Turbaslinskii Broilery	7 137	1 052	Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan
ООО «Птицефабрика «Павловская» / Pavlovskaya Poultry Farm	3 615	3 826	Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region

Как следует из таблицы 4, среди конкурентов наибольший объем производства (и соответственно, наибольшую долю рынка) имеют ЗАО «Приосколье», ЗАО «Ставропольский бройлер», АО «Птицефабрика «Северная», ООО «Птицефабрика Акашевская». Однако и АО «Птицефабрика «Чамзинская» среди данных предприятий занимает достаточно хорошую позицию: по объему выручки от реализации мяса птицы она находится на 10 месте среди 940 предприятий в отрасли, по размеру активов – на 30 месте.

Среди факторов внешней среды можно выделить основные группы факторов, в наибольшей степени оказывающие влияние на деятельность компаний: рост уровня конкуренции на рынке, снижение уровня располагаемых доходов населения, негативное влияние инфляции и применение новых технологий в производстве мяса бройлеров. Для анализа внешней среды используем PEST-анализ (рис. 3).

Для более глубокого исследования воспользуемся инструментами SWOT-анализа (табл. 5).

Проведенный анализ свидетельствует о высоком потенциале региональных птицефабрик. В условиях наращивания экспортного потенциала АПК и значительного стимулирования решения данной задачи со стороны государства предприятиям можно ставить перед собой амбициозные цели, выходить на международные рынки и находить новые рынки сбыта.

По результатам проведенного SWOT-анализа можно определить основные направления стратегии повышения конкурентоспособности. Компании, как правило, работают по нескольким векторам: реализуют сильные стороны (конкурентные преимущества), нейтрализуют слабые стороны, минимизируя угрозы.

При определении стратегических зон хозяйствования для исследуемых предприятий выделены следующие *параметры*: потребность, технология, тип клиента, региональные особенности, специфические особенности в удовлетворении потребности, а также определенные *критерии*: особые предпочтения потребителей, специфика технологии, дифференциация клиентов по доходам, региональные особенности реализации, специфические свойства товара и др.

Применительно к исследуемым предприятиям можно выделить следующие перспективные зоны хозяйствования:

1) рынок реализации мяса бройлеров, мясных полуфабрикатов и готовых изделий из мяса птицы;

2) рынок реализации яиц и продукции глубокой переработки яйца.

Обсуждение и заключение. Вопросы конкурентоспособности предприятий и организаций агропромышленного кластера в России в современных условиях приобретают все большую актуальность. Сейчас пришло время, когда интеллектуальные цифровые решения могут помочь сельскохозяйственной индустрии справиться с проблемами повышения производительности труда и устойчивого развития.

Правовое регулирование / Legal regulation

- На предприятиях действует система управления качеством в соответствии с требованиями международных стандартов серии ИСО 9001:2001 / The enterprises operate a quality management system in accordance with the requirements of the international standards of the ISO 9001:2001 series
- Правовая база предприятий полностью соответствует законодательству / The legal framework of enterprises fully complies with the legislation

Экономическое положение в России / Economic situation in Russia

- Отечественная экономика восстанавливается от кризиса, что отражается на улучшении макроэкономических показателей. Даже в условиях локдауна в связи с пандемией российская экономика не показала значительного падения, как в США или странах Европейского союза. Сохраняются достаточно низкие темпы инфляции и безработицы / Russian economy is recovering from the crisis, which is reflected in the improvement of macro-economic indicators. Even in the context of a lockdown due to the pandemic, Russian economy did not experience any significant decline, unlike the United States or the EU member states. The rates of inflation and unemployment remain quite low
- Сохраняются значительные внешние риски, связанные как с экономическими санкциями, так и с закрытием границ / Significant external risks are associated with both economic sanctions and the closure of borders

Проблемы демографии / Demographic problems

- Демографическая ситуация в регионе остается сложной, сохраняется значительная естественная убыль населения / The demographic situation in the region remains difficult, there is a significant natural decline in the population

Поставщики / Suppliers

- На выбор поставщиков влияют цена и качество кормов / The choice of suppliers is influenced by the price and quality of feed

Покупатели / Buyers

- Продукция региональных птицефабрик будет популярна всегда, доступна для разных групп населения, в том числе низкодоходных. Производство и потребление не зависят от сезона / The products of regional poultry farms will always be popular, available for different groups of the population, including low-income ones. Production and consumption do not depend on the season

Конкуренты / Competitors

- Высокий уровень конкуренции, обусловленный типом рыночной структуры (совершенная конкуренция) / High level of competition due to the type of market structure (perfect competition)

Р и с. 3. Факторы и состояние среды на рынке птицеводства
F i g. 3. Factors in and the state of the environment in the poultry market

Таблица 5. SWOT-анализ региональных предприятий – производителей птицеводческой продукции

Table 5. SWOT analysis of regional enterprises producing poultry products

Сильные стороны / Strengths	Слабые стороны / Weaknesses
1	2
– установившиеся партнерские отношения с поставщиками сырья и других ресурсов на выгодных условиях / established partnerships with suppliers of raw materials and other resources on favorable terms; – известность бренда многих крупнейших региональных производителей птицеводческой продукции / brand awareness of many of the largest regional producers of poultry products; – высокое качество и широкий ассортимент производимой продукции / high quality and wide range of products; – достаточно продолжительный опыт работы предприятия на российском рынке / quite a long experience of the company in the Russian market; – высококвалифицированный и обученный персонал / highly skilled and trained personnel; – широкое использование инновационных технологий / wide use of innovative technologies; – производство птицеводческой продукции в меньшей степени, чем любое другое сельхозпроизводство, зависит от сезонности / production of poultry products to a lesser extent than any other agricultural production depends on the season	– жесткая конкуренция на рынке производителей продукции / fierce competition in the market of product manufacturers; – недостаток высококвалифицированных опытных специалистов и, одновременно, текучесть кадров / lack of highly skilled experienced specialists and, at the same time, staff turnover; – недостаток коммуникаций, отсутствие своевременного информирования работников о результатах их труда, недостаточная обратная связь / lack of communication and timely information for employees about the results of their work, insufficient feedback; – сбои в функционировании сервера сайтов предприятий, на которых осуществляются основные продажи продукции / disruptions in the functioning of the servers of the companies' websites where most products are sold; – отсутствие сайтов организации или размещение на сайтах неактуальных данных / absence of organizations' official websites; irrelevant data published on websites; – недостаточное применение новейших технологий, в том числе в сфере IT, продвижения продукта, улучшения имиджа, формирования позитивной репутации / insufficient use of emerging technologies, including IT, in the field of product promotion, image improvement, and formation of a positive reputation

1	2
Возможности / Opportunities	Угрозы / Threats
– необъятный российский рынок дает неограниченные возможности для роста и развития производства птицеводческой продукции / the immense Russian market provides unlimited opportunities for the growth in and development of the production of poultry products;– политика государства, направленная на расширение производства мяса птицы и яйца в связи с увеличением внутреннего спроса и увеличения экспортных поставок / state policies aimed at expanding the production of poultry meat and eggs due to an increase in domestic demand and export supplies;– уход с рынка птицеводческой продукции предприятий-конкурентов в связи с нестабильной экономической ситуацией / exit of competing companies from the market of poultry products due to an unstable economic situation;– возможность найма высококвалифицированных и опытных кадров / possibility of hiring highly skilled and experienced personnel;– возможность экспансии региональных производителей мяса птицы и яйца на рынки других российских регионов и зарубежные рынки / possibility of expansion of regional producers of poultry meat and eggs to the markets of other Russian regions and to foreign markets	– неуклонный рост количества предприятий-конкурентов, усиление их конкурентных позиций и рост давления с их стороны / steady growth in the number of competing companies, strengthening of their competitive positions and increased pressure from them;– сокращение доходов населения в регионах как результат спада в экономике / reduction of income of the population in the regions as a result of an economic downturn;– отсутствие барьеров для входа новых предприятий – производителей продукции птицеводства на рынок / no barriers for new producers of poultry products to enter the market;– гибель поголовья птиц из-за инфекционных и других заболеваний / death of poultry population due to infectious and other diseases

Важнейшими конкурентными преимуществами агропромышленных предприятий являются климатические, материальные и финансовые ресурсы, уровень подготовки кадров, технологии и качество производства сельскохозяйственной продукции. В то же время сегодня в России производство продукции находится в меньшем приоритете в сравнении с посреднической деятельностью.

Как показывает опыт зарубежных стран, современной основой национальной конкурентоспособности становятся региональные кластеры.

Кластерный подход в управлении агропромышленным развитием реализуется в форме кластерной политики. В мировой практике существуют две модели, в рамках которых проводится кластерная политика – либеральная

и дирижистская. Наиболее эффективной в современных российских условиях является дирижистская модель кластерной политики. Это подтверждают публикации и отчеты, современные научные подходы к исследованию особенностей развития предприятий регионального агропромышленного кластера. Кластеризация способна повысить конкурентоспособность предприятий и создать новые конкурентные преимущества.

Изучение зарубежного опыта как развитых, так и развивающихся стран свидетельствует, что повышать конкурентоспособность целого кластера выгоднее и легче, чем отдельных предприятий (образуется синергетический эффект). Так, опыт развития стран АСЕАН свидетельствует, что конкурентоспособность государства растет за счет повышения уровня переработки продукции, за счет концентрации на экспорте продукции с более высокой добавленной стоимостью, за счет большей концентрации внимания на региональной торговле и за счет включения экспорта продуктов с конкурентоспособным потенциалом.

Инвестиционный климат в АПК зависит от инвестиционного климата страны и в целом для России пока остается неблагоприятным. Долгое время использование информационных технологий на сельскохозяйственных предприятиях было весьма ограничено. В российском сельском хозяйстве на практике применяется лишь около 4 % всех научных разработок, в то время как в развитых странах этот показатель достигает 50 %²⁴. Такой низкий процент применения научных разработок усугубляет отсталость отрасли. Длительный производственный цикл, подверженность природным рискам, отсутствие возможности автоматизации биологических процессов длительное время были главными причинами отсутствия инвестиций в отрасль. В последнее время наблюдается повышение интереса к агропромышленным предприятиям, и инновационный путь развития для них – верная основа повышения их конкурентоспособности.

Максимальная автоматизация всех этапов производственного цикла является главной задачей информационных технологий, результатом которой станет сокращение потерь, минимизация ошибок, повышение продуктивности бизнеса, оптимальное управление ресурсами [19, с. 15].

Результатами перехода к технологиям Индустрии 4.0 станут автоматизация управления ресурсами, снижение влияния человеческого фактора на всех этапах производства и сбыта сельхозпродукции. Цифровизация агропромышленного комплекса позволит увеличить эффективность выращивания и обработки растений, использования удобрений и химикатов, снизить риски и затраты на производство продукции сельскохозяйственных товаропроизводителей.

²⁴ Алтухов А. И., Семин А. И., Семенова Е. И. Агропродовольственный сектор России в условиях «больших вызовов»: проблемы, риски, новые возможности: моногр. М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019. С. 24.

Ключевая цель, которую ставит государство перед производителями агропромышленного комплекса в целом и птицеводства в частности, – наращивание экспорта. Республика Мордовия активно участвует в реализации данного направления. По итогам 2019 г. экспорт продукции агропромышленного комплекса составил 14,1 млн долл. при плане в 13,2 млн: в страны дальнего зарубежья – 7,7 млн, в страны СНГ – 6,3. Республика рассчитывает увеличить этот экспорт в 2020 г. до 15,5 млн. Один из механизмов увеличения объема экспорта сельхозтоваров – развитие перерабатывающей отрасли. К концу 2024 г. объем экспорта продукции АПК из республики должен составить 50 млн долл. В настоящее время 12 предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности республики поставляют продукцию в 24 страны.

Ключевой фактор наращивания экспорта – долгосрочная конкурентоспособность на целевом рынке. Внутри страны конкурентоспособность обеспечивает эффективное производство, высокое качество продукции, современный технологический процесс, применение высоких международных стандартов на продукцию и методик сертификации, а также признание внутренней системы фитосанитарного и ветеринарного контроля, эквивалентной эффективным мировым практикам. Факторами конкурентоспособности на границе являются преференциальные таможенно-тарифные режимы, систематический мониторинг нетарифных барьеров и ведение работы по их снятию, эффективная товаропроводящая инфраструктура.

Основным фактором повышения внутренней конкурентоспособности предприятий птицеводства является их инновационное развитие. Ключевые инновации в птицеводстве связаны с переходом от простого яйца в скорлупе к продукции глубокой переработки. Также к основным инновационным технологиям в птицеводстве можно отнести: селекцию птицы, инновации в кормлении птицы, энергосберегающие технологии.

По оценкам специалистов Федерального научного центра «Всероссийский научно-исследовательский институт птицеводства» Российской академии наук, мировое птицеводство вырастет на 120 % с 2010 к 2050 г.²⁵. Чтобы соответствовать этому спросу, индексы перевода корма и другие производственные показатели должны неуклонно улучшаться. Внедрение цифровых технологий, подобных перечисленным выше, значительно поможет эффективности показателей, также и птицеводы смогут соответствовать спросу растущего мирового населения.

Конкурентоспособность микроуровня представляет собой способность предприятия прибыльно производить продукцию, востребованную на рынке, на основе рационального использования имеющихся ресурсов

²⁵ Бобылева Г. Российское птицеводство 2020: новые условия, новые задачи [Электронный ресурс] // Ценовик. 2020. URL: <https://www.tsenovik.ru/articles/obzory-i-prognozy/rossiyskoe-ptitsevodstvo-2020-novye-usloviya-novye-zadachi/> (дата обращения: 05.02.2021).

и эффективного реагирования на внешние вызовы в условиях неограниченной международной конкуренции.

Проанализировав конкурентные позиции основных производителей птицеводческой продукции в Республике Мордовия, можно говорить, что для многих из них конкурентными преимуществами являются: высокий уровень качества продукции, достигаемый за счет использования качественного сырья; широкий ассортимент; сформированная за счет партнеров, эффективно функционирующая дилерская сеть.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что в системе мероприятий организационно-коммерческого характера ключевыми факторами в завоевании конкурентных позиций на рынке являются:

- качество продукции. При современном уровне конкуренции на рынке, производителям в первую очередь для дифференциации себя от конкурентов необходимо предлагать продукт высокого качества. Современный покупатель более разборчив и старается делать выбор в пользу качественного продукта по доступной цене;

- цена оказывает непосредственное воздействие на уровень конкуренции товара. Предлагать доступные цены на продукцию без потери качества могут лишь те предприятия, производственные процессы которых тщательно отлажены, чьи производственные затраты эффективно оптимизированы, что в последствии позволяет им получать низкую себестоимость продукции без потери ее качества и в результате предлагать продукцию покупателям по конкурентоспособной цене;

- ассортимент. Широкий ассортимент и постоянное обновление продукции снижают зависимость предприятия от одного товара, так как непредсказуемость спроса в условиях динамичного рынка повышает риски снижения доходности и банкротства. Расширяя ассортимент, фирма обеспечивает себе более устойчивые позиции на рынке;

- упаковка. Привлекательная упаковка, соответствующая специфике товара, повышает продажи и служит дополнительной рекламой;

- торговая марка. Торговый знак позволяет отличить продукцию от аналогов конкурентов и привлечь покупателей;

- логистика. Эффективно организованный сбыт и послепродажное обслуживание являются дополнительными конкурентными преимуществами компании;

- реклама. Формирует мнение покупателя о продукции и выступает способом продвижения товара на рынок;

- интернет и информационные технологии. Партнеры и клиенты не станут всерьез рассматривать компанию, информация о которой не представлена в интернете. Сайт компании – эффективный инструмент создания позитивного образа у потребителей и важное конкурентное преимущество.

В целях расширения рынков сбыта в регионе и за его пределами, продвижения бренда и формирования имиджа региональных компаний предлагается

провести модернизацию существующих сайтов предприятий, что в конечном итоге позволит компаниям увеличивать объемы реализации товаров и, как следствие, получать дополнительную выручку, а также обеспечивать предоставление дополнительных услуг и сервиса потребителям, которые помогут сохранить потенциального покупателя на длительный период времени и повысить его лояльность к компании-производителю, что будет являться неоспоримым конкурентным преимуществом.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности использования разработанных предложений и рекомендаций как для широкого круга представителей академической науки в сфере региональной и национальной конкурентоспособности: научных исследователей, аспирантов, студентов, так и для самих предприятий регионального кластера птицеводческой продукции в целях повышения эффективности их деятельности. В результате предложенных рекомендаций ожидается долговременное, динамичное, устойчивое и сбалансированное развитие на основе сохранения и укрепления конкурентных позиций на рынке птицеводческой продукции, в том числе достижение лидерства в продвижении продуктов и формировании спроса на них за счет осуществления эффективной инновационной деятельности предприятий данного агропромышленного кластера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фасхиев, Х. А. Как измерить конкурентоспособность предприятия / Х. А. Фасхиев, Е. В. Попова // *Маркетинг в России и за рубежом*. – 2003. – № 4 (36). – С. 54–58. – URL: <http://www.mavriz.ru/articles/2003/4/97.html> (дата обращения: 05.02.2021).
2. Edmonds, T. Regional Competitiveness & the Role of the Knowledge Economy / T. Edmonds. – Research paper 00/73. – London: Research Publications Office, 2000. – URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP00-73/RP00-73.pdf> (дата обращения: 05.02.2021).
3. Snieška, V. Measurement of Lithuanian Regions by Regional Competitiveness Index / V. Snieška, J. Bruneckienė // *Engineering Economics*. – 2009. – Vol. 61, no. 1. – Pp. 45–57. – URL: <https://inze.ktu.lt/index.php/EE/article/view/11584> (дата обращения: 05.02.2021).
4. Arslan, N. Defining and Measuring Competitiveness: A Comparative Analysis of Turkey with 11 Potential Rivals / N. Arslan, H. Tathdil // *International Journal of Basic & Applied Sciences*. – 2012. – Vol. 12, no. 2. – Pp. 31–43. – URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.418.4612&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 05.02.2021).
5. Целикова, Л. В. Конкурентоспособность субъектов рынка и механизм ее оценки / Л. В. Целикова. – Текст : непосредственный // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. – 2000. – № 2. – С. 57–67.
6. Brandenburger, A. M. Co-Opetition / A. M. Brandenburger, B. M. Nalebuff. – New York: Doubleday, 2020. – 236 p. – URL: <https://www.amazon.com/Co-Opetition-Adam-M-Brandenburger-ebook/dp/B004JHYREU> (дата обращения: 05.02.2021).

7. Баринов, В. А. Развитие организации в конкурентной среде / В. А. Баринов, А. В. Синельников // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – № 6. – URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2000/6/853.html> (дата обращения: 05.02.2021).

8. Блинов, А. О. Имидж организации как фактор конкурентоспособности / А. О. Блинов, В. Я. Захаров // Менеджмент в России и за рубежом. – 2003. – № 4. – URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2003/4/1094/html> (дата обращения: 05.02.2021).

9. Дементьева, А. В. Конкурентоспособность международных компаний / А. В. Дементьева. – Текст : непосредственный // Маркетинг. – 2000. – № 3. – С. 64–67.

10. Калашникова, Л. М. Конкурентоспособность предприятий и их продукции / Л. М. Калашникова. – Текст : непосредственный // Машиностроитель. – 2003. – № 11. – С. 15–18.

11. Маракулин, М. В. Управление компромиссами как фактор конкурентоспособности компании / М. В. Маракулин // Менеджмент в России и за рубежом. – 2003. – № 4. – С. 29–34. – URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2003/4/1703.html> (дата обращения: 05.02.2021).

12. Фролов, М. А. Определение конкурентных преимуществ компании / М. А. Фролов // Вопросы науки и образования. – 2017. – № 6 (7). – С. 70–73. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29330371> (дата обращения: 05.02.2021).

13. Максимов, И. Н. Оценка конкурентоспособности промышленного предприятия / И. Н. Максимов. – Текст : непосредственный // Маркетинг. – 2018. – № 3. – С. 33–39.

14. Асланова, Л. О. Новые подходы к конкурентоспособности предприятия в условиях цифровизации экономики / Л. О. Асланова // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 7 (120). – С. 1061–1065. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43078925> (дата обращения: 05.02.2021). – Рез. англ.

15. Блинов, А. О. Конкурентоспособность развития малого предпринимательства в России / А. О. Блинов // Управленческие науки в современном мире. – 2016. – № 1. – С. 78–82. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28829892> (дата обращения: 05.02.2021). – Рез. англ.

16. Скаделова, К. М. Теоретические основы конкурентоспособности предприятий / К. М. Скаделова. – DOI [10.24411/2411-0450-2020-10237](https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10237) // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 3–2 (61). – С. 184–186. – Рез. англ.

17. Фатхутдинов, Р. А. Качество и ресурсосбережение – ключевые факторы конкурентоспособности / Р. А. Фатхутдинов // Современная конкуренция. – 2010. – № 6 (24). – С. 134–143. – URL: <http://www.moderncompetition.ru/general/upload/articles/sk0610-134-renamed.pdf> (дата обращения: 05.02.2021). – Рез. англ.

18. Гашимова, Л. Г. Составляющие понятия конкурентоспособности предприятия / Л. Г. Гашимова, М. Г. Дамаданова // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 5 (118). – С. 600–603. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42937633> (дата обращения: 05.02.2021). – Рез. англ.

19. Варганова, М. Л. Перспективы цифровизации сельского хозяйства как приоритетного направления импортозамещения / М. Л. Варганова, Е. В. Дробот. – DOI [10.18334/eo.8.1.38881](https://doi.org/10.18334/eo.8.1.38881) // Экономические отношения. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 1–18. – Рез. англ.

Поступила 15.02.2021; одобрена после рецензирования 22.03.2021; принята к публикации 31.03.2021.

Об авторах:

Макаркин Николай Петрович, президент, заведующий кафедрой экономики и организации производства ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68/1), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3952-5811>, makarkin@mrsu.ru

Горина Алла Петровна, профессор кафедры экономики и организации производства ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68/1), доктор экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9354-9136>, alla1060@mail.ru

Алферина Ольга Николаевна, доцент кафедры экономики и организации производства ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68/1), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2574-9790>, olga.alferina@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. П. Макаркин – научное руководство; постановка научной проблемы исследования; разработка основной концепции исследования.

А. П. Горина – определение методологии исследования; разработка практических рекомендаций; формулирование результатов исследования и выводов.

О. Н. Алферина – сбор, систематизация и структурирование аналитической информации; критический анализ и доработка текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Faskhiev Kh.A., Popova E.V. How to Measure the Enterprise Competitiveness. *Marketing v Rossii i za rubezhom* = Marketing in Russia and Abroad. 2013; (4):54-58. Available at: <http://www.mavriz.ru/articles/2003/4/97.html> (accessed 05.02.2021). (In Russ.)
2. Edmonds T. Regional Competitiveness & the Role of the Knowledge Economy, House of Commons Library. Research paper. London: Research Publications Office; 2000. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP00-73/RP00-73.pdf> (accessed 05.02.2021). (In Eng.)
3. Snieška V., Bruneckienė J. Measurement of Lithuanian Regions by Regional Competitiveness Index. *Engineering Economics*. 2009. 61(1):45-57. Available at: <https://inze.ktu.lt/index.php/EE/article/view/11584> (accessed 05.02.2021). (In Eng.)
4. Arslan N., Tathdil H. Defining and Measuring Competitiveness: A Comparative Analysis of Turkey with 11 Potential Rivals. *International Journal of Basic & Applied Sciences*. 2012; 12(2):31-43. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.418.4612&rep=rep1&type=pdf> (accessed 05.02.2021). (In Eng.)
5. Tselikova L.V. Competitiveness of the Market Entity and the Mechanism of Its Assessment. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ehkonomika* = Moscow University Economics Bulletin. 2000; (2):57-67. (In Russ.)

6. Brandenburger A.M., Nalebuff B.M. Co-opetition. New York: Doubleday; 2020. Available at: <https://www.amazon.com/Co-Opetition-Adam-M-Brandenburger-ebook/dp/B004JHYREU> (accessed 05.02.2021). (In Eng.)

7. Barinov V.A., Sinelnikov A.V. Development of an Organization in a Competitive Environment. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* = Management in Russia and Abroad. 2002; (6). Available at: <http://www.mevriz.ru/articles/2000/6/853.html> (accessed 05.02.2021). (In Russ.)

8. Blinov A.O., Zakharov V.Ya. The Image of an Organization as a Factor in Its Competitiveness. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* = Management in Russia and Abroad. 2003; (4). Available at: <http://www.mevriz.ru/articles/2003/4/1094/html> (accessed 05.02.2021). (In Russ.)

9. Dementieva A.V. Competitiveness of International Companies. *Marketing*. 2000; (3):64-67. (In Russ.)

10. Kalashnikova L.M. Competitiveness of Enterprises and Their Products. *Mashinostroitel* = Machine Builder. 2003; (11):15-18. (In Russ.)

11. Marakulin M.V. Compromise Management as a factor in the Company's Competitiveness. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* = Management in Russia and Abroad. 2003; (4):29-34. Available at: <http://www.mevriz.ru/articles/2003/4/1703.html> (accessed 05.02.2021). (In Russ.)

12. Frolov M.A. Identification of a Company's Competitive Advantages. *Voprosy nauki i obrazovaniya* = Questions of Science and Education. 2017; (6):70-73. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29330371> (accessed 05.02.2021). (In Russ.)

13. Maksimov I.N. Assessing the Competitiveness of an Industrial Enterprise. *Marketing*. 2018; (3):33-39. (In Russ.)

14. Aslanova L.O. New Approaches to the Competitiveness of an Enterprise in the Context of the Digitalization of the Economy. *Ehkonomika i predprinimatelstvo* = Journal of Economy and Entrepreneurship. 2020; (7):1061-1065. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43078925> (accessed 05.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Blinov A.O. Competitiveness of Small Business Development in Russia. *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire* = Managerial Sciences in the Modern World. 2016; (1):78-82. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28829892> (accessed 05.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Skadelova K.M. Theoretical Bases of Competitiveness of Enterprises. *Ehkonomika i Biznes: Teoriya i Praktika* = Journal of Economy and Business. 2020; (3-2):184-186. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10237>

17. Fatkhutdinov R.A. Quality and Resource Conservation – Key Factors of Competitiveness. *Sovremennaya konkurentsia* = Modern Competition. 2010; (6):134-143. Available at: <http://www.moderncompetition.ru/general/upload/articles/sk0610-134-renamed.pdf> (accessed 05.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

18. Gashimova L.G., Damadanova M.G. Components of the Concept of Enterprise Competitiveness. *Ehkonomika i predprinimatelstvo* = Journal of Economy and Entrepreneurship. 2020; (5):600-603. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42937633> (accessed 05.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Vartanova M.L., Drobot E.V. Prospects for Digitalization of Agriculture as a Priority Direction of Import Substitution. *Ehkonomicheskie otnosheniya* = Economic Relations. 2018; 8(1):1-18. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18334/eo.8.1.38881>

Submitted 15.02.2021; approved after reviewing 22.03.2021; accepted for publication 31.03.2021.

About the authors:

Nikolay P. Makarkin, President, Head of the Department of Economics and Organization of Production, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3952-5811>, makarkin@mrsu.ru

Alla P. Gorina, Professor, Department of Economics and Organization of Production, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9354-9136>, alla1060@mail.ru

Olga N. Alferina, Associate Professor, Department of Economics and Organization of Production, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2574-9790>, olga.alferina@mail.ru

Contribution of the authors:

N. P. Makarkin – academic supervision; statement of the research problem; development of the basic concept of the research.

A. P. Gorina – choice of research methodology; production of practical recommendations; evaluation of the results; drawing conclusions.

O. N. Alferina – collection, systematization, and structuring of analytical information; critical analysis and revision of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Влияние глобальных экономических кризисов на развитие автомобильной промышленности России

Л. И. Журова^{1*}И. Н. Краковская²

¹ АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка» (г. Самара, Российская Федерация),
* zhurova.li@mail.ru

² ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Российская Федерация)

Введение. Цикличность развития рыночной экономики обуславливает периодическое возникновение кризисных явлений, негативно влияющих на социально-экономическое положение страны и развитие отраслей экономики. Современная автомобильная промышленность, состоящая из глобальных цепочек поставок, демонстрирует высокую чувствительность к воздействию кризисных явлений в экономике. Цель статьи – на основе проведенного исследования оценить влияние глобальных экономических кризисов XXI в. на развитие автомобильной промышленности России, выявить проблемы и риски развития данной отрасли экономики.

Материалы и методы. В процессе исследования использованы официальные материалы национальной статистики, статистические данные международных организаций, материалы аналитических агентств, данные публичной отчетности корпораций автомобилестроения, нормативные документы, регулирующие развитие российской автомобильной промышленности. Применение приемов монографического описания, абстрактно-логического подхода, системного анализа, методов экономико-статистического и сравнительного анализа позволило охарактеризовать динамику и выявить основные тенденции развития российской автомобильной промышленности под влиянием глобальных кризисов 2008–2009 гг. и 2020 г., определить ключевые проблемы и риски развития отрасли в контексте влияния пандемии COVID-19, которые необходимо учитывать при разработке и корректировке стратегических программ и планов развития отрасли.

Результаты исследования. Проанализировано влияние глобальных кризисов 2008–2009 гг. и 2020 г. на автомобильную промышленность России. Изучены динамика и структура производства и продаж автотранспортных средств в России, выявлены

© Журова Л. И., Краковская И. Н., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

причинно-следственные связи изменений показателей работы отрасли автомобилестроения под влиянием экономических кризисов, дана оценка мер государственной поддержки отрасли в кризисные периоды.

Обсуждение и заключение. Текущий глобальный экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, создает новые угрозы для развития автомобилестроения и актуализирует проблематику исследований трансформаций, происходящих в отрасли под воздействием кризиса. Выявленные диспропорции и негативные тенденции развития автомобильной отрасли требуют совершенствования государственного регулирования ее развития, реализации эффективных мер не только для преодоления последствий текущего кризиса, но и для противодействия возможным кризисным явлениям в будущем.

Ключевые слова: экономический кризис, пандемия COVID-19, автомобильная промышленность, глобальные цепочки поставок, автокомпонентная отрасль, государственное регулирование

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Журова, Л. И. Влияние глобальных экономических кризисов на развитие автомобильной промышленности России / Л. И. Журова, И. Н. Краковская. – DOI [10.15507/2413-1407.116.029.202103.541-561](https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.541-561) // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 541–561.

The Impact of Global Economic Crises on the Development of the Automotive Industry in Russia

L. I. Zhurova^{a*}, I. N. Krakovskaya^b

^a *Samara University of Public Administration “International Market Institute” (Samara, Russian Federation),*
^{*} zhurova.li@mail.ru

^b *National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)*

Introduction. The cyclical nature of the development of the market economy causes the periodic occurrence of crisis phenomena that negatively affect the socio-economic situation in the country and the development of economic sectors. The modern automotive industry, composed of global supply chains, is highly sensitive to the impact of economic crises. Based on the research conducted, the article assesses the impact of the global economic crises of the 21st century on the development of the automotive industry in Russia and identifies the problems and risks of the development of this sector of the economy.

Materials and Methods. The study used official national statistics, statistical data from international organizations, data from analytical agencies, public reporting by automotive corporations, as well as regulations governing the development of the Russian automotive industry. The use of the techniques of monographic description, of the abstract and logical approach, system analysis, methods of economic and statistical, comparative analysis made it possible to characterize the dynamics and identify the main trends in the development of the Russian automotive industry under the impact of the global crises of 2008–2009 and 2020, as well as to identify the key problems and risks of the development of the sector in terms of the impact of the COVID-19 pandemic, which are to be taken into account when elaborating and adjusting strategic programs and plans for the development of the sector.

Results. The impact of the global crises of 2008–2009 and 2020 on the Russian automotive industry has been analyzed. The dynamics and structure of production and sales of motor vehicles in Russia have been studied; the cause-and-effect relationships of changes in the performance of the automotive industry under the impact of economic crises have been revealed; an assessment of the measures of state support for the industry in the crisis periods has been given.

Discussion and Conclusion. The current global economic crisis caused by the COVID-19 pandemic has posed new threats to the development of the automotive industry and has made topical the research issues related to the transformations taking place in the sector under the impact of the crisis. The identified imbalances and negative trends in the development of the automotive industry require improving state regulation of its development, as well as implementing effective measures not only to overcome the consequences of the current crisis, but also to counter possible crises in the future.

Keywords: economic crisis, COVID-19 pandemic, automotive industry, global supply chains, auto components industry, state regulation

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Zhurova L.I., Krakovskaya I.N. The Impact of Global Economic Crises on the Development of the Automotive Industry in Russia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(3):541-561. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.541-561>

Введение. Экономические кризисы являются неотъемлемой чертой рыночной системы хозяйствования и приводят к серьезному нарушению экономической деятельности, сопровождаемому разрушением привычных экономических связей, снижением деловой активности, банкротством предприятий, ростом инфляции, сокращением доходов населения.

Глобализация мировой экономики и мировых финансов обуславливает масштабность разрушительных последствий экономических кризисов и актуализирует проблематику исследований комплекса экономических трансформаций, вызванных кризисными явлениями и способствующих определению эффективных мер по преодолению кризисных последствий, адаптированных к условиям конкретной экономической системы и особенностям кризисных явлений.

Современная автомобильная промышленность, основанная на сложных и взаимозависимых глобальных цепочках поставок, демонстрирует высокую чувствительность к воздействию кризисных явлений в экономике.

Цель статьи – на основе проведенного исследования оценить влияние глобальных экономических кризисов XXI в. на развитие автомобильной промышленности России, выявить проблемы и риски развития данной отрасли экономики.

Обзор литературы. В XXI в. мировая экономика столкнулась с двумя глобальными экономическими кризисами: кризисом 2008–2009 гг., явившимся результатом работы самой финансовой системы, и кризисом 2020 г., вызванным пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Многие ученые для

обоснования причин кризисов и прогнозирования их длительности используют современные модификации теории длинных волн Кондратьева (например, Л. Гринин, А. Коротаев, А. Тауш [1], С. В. Дубовский¹, В. Ю. Татузов²). По мнению сторонников теории Н. Д. Кондратьева, с начала кризиса 2008 г. мир вступил в полосу развития, которую для многих стран можно охарактеризовать как кризисно-депрессивную и в целом как период замедленного экономического развития мировой экономики. Ухудшение ситуации в 2020 г. (связанное не только с коронавирусом, но и с нестабильностью экономического роста, наблюдаемой в последние годы во многих странах, в том числе и в России), вероятно, является признаком заключительной фазы жизненного цикла доминирующей технологической модели и необходимости структурной перестройки мировой экономики и образа жизни в целом [2; 3].

Анализу последствий кризиса 2008–2009 гг., оценке рисков, связанных с ситуацией, вызванной пандемией COVID-19, для разных стран и секторов экономики посвящено значительное количество работ. Ученые проводят сравнения между кризисами 2008–2009 гг. и 2020 г. (например, А. Гилен [4], М. Яги, С. Менаги [5] и другие [6; 7]). Исследования показывают, что кризисы имеют разные инкубационные периоды и фазы развития, масштабы экономических последствий и сильно различаются по своему влиянию на экономику стран. Причем кризис 2020 г. имеет более дифференцированное воздействие, чем кризис 2008–2009 гг. Влияние пандемии COVID-19 на экономику европейских стран исследовали Л. Торок [8], К. Уильямс, А. Каяогли [9], США – С. Р. Бейкер, Н. Блум, С. Дж. Дэвис, С. Дж. Терри [10], Японии – М. Андо, Ч. Фурукава, Д. Наката, К. Самия [11], Австралии – С. Хиггинсон, К. Милованович, Дж. Гиллесли и др. [12], стран БРИКС – С. Бобылев, Л. Григорьев [13] и другие ученые [14; 15]. Изучению влияния пандемии на экономику России посвящены работы таких авторов, как Е. А. Коломак [16], В. А. Мау [17], Б. Козицкий, М. Горникевич, М. Валковьяк [18]. Анализ вышеназванных публикаций позволил сделать вывод, что кризис, вызванный COVID-19, поразному повлиял на экономические показатели стран в зависимости от интенсивности распространения пандемии в стране, экономической ситуации до начала пандемии, отраслевой структуры экономики, мер государственной политики, призванных смягчить воздействие кризиса на экономики стран. Структурные диспропорции российской экономики обуславливают высокую зависимость российской экономики от воздействия внешних макроэкономических факторов и повышают уязвимость к кризису.

¹ Дубовский С. В. Моделирование циклов Кондратьева и прогнозирование кризисов // Альманах «Кондратьевские волны. Аспекты и перспективы». Волгоград: Учитель, 2012. С. 179–188.

² Татузов В. Ю. О некоторых фундаментальных глобальных процессах // Сборник тезисов докладов и выступлений участников X Международной Кондратьевской конференции «Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность», посвященной 125-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева. Москва; Волгоград: Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева, Изд-во «Учитель», 2017. С. 365–369.

Автомобильная промышленность оказалась одним из секторов экономики, наиболее сильно пострадавших в результате финансового кризиса 2008–2009 гг. и кризиса 2020 г.

Исследованию влияния кризиса 2008–2009 гг. на развитие мировой автомобильной промышленности, воздействия мер государственной поддержки на отрасль посвящены работы таких авторов, как Т. Клиер, Дж. Рубинштейн [19], Т. Дж. Стерджен, Й. Ван Бизебрук [20], П. Павлинек [21], Э. Д. Мадугба, С. М. Хамза, А. Басит [22]. Анализ последствий влияния кризиса на развитие автомобильной промышленности России представлен в работах В. Спицина, А. Михальчука, Л. Спициной, Д. Б. Вуковича [23], Н. О. Старковой, А. З. Толстовой [24], Р. Трауб-Мерца [25]. Кризис обострил проблему избыточных производственных мощностей в развитых странах, усилил процессы интеграции в отрасли, существенно изменив позиции мировых автопроизводителей на глобальном рынке, способствовал смещению автомобильного производства в развивающиеся страны с ненасыщенными внутренними рынками.

В отличие от кризиса 2008–2009 гг., кризис 2020 г. реализовался в условиях сокращающегося мирового спроса на новые автомобили. Сбои в цепочках поставок в начале пандемии, а затем и резкое снижение спроса привели к падению объемов производства, сокращению занятости, проблемам с ликвидностью и банкротствам компаний отрасли.

В этой связи ретроспективный анализ предыдущего глобального кризиса, выявление особенностей текущего экономического кризиса, учет тенденций развития мировой и российской автомобильной промышленности позволяет определить ключевые направления развития российского автомобилестроения.

Материалы и методы. Объектом исследования является автомобильная промышленность России, предметом исследования – влияние глобальных экономических кризисов на состояние и динамику развития данной отрасли российской экономики.

В качестве материалов исследования использовались публикации российских и зарубежных ученых по анализируемой проблеме, официальные материалы национального статистического ведомства, статистические данные международных организаций, специализированных отраслевых организаций, материалы и отчеты рейтинговых и аналитических агентств, данные публичной отчетности корпораций автомобилестроения, нормативные документы, регулирующие развитие автомобильной промышленности в России.

Для анализа состояния и выявления тенденций развития мировой и российской автомобильной промышленности использованы статистические данные Международной организации производителей автомобилей (OICA) о динамике производства и продаж автотранспортных средств, прогнозы продаж автомобилей на мировом и российском рынках, опубликованные Moody's и комитетом автопроизводителей Ассоциации европейского бизнеса.

Оценка структуры производства автотранспортных средств в России основана на статистических данных аналитической компании «АСМ-холдинг». Для анализа уровня использования производственных мощностей по выпуску автотранспортных средств в России и оценки экспортного потенциала российской автомобильной отрасли использованы данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). Расчет показателей рентабельности отечественных корпораций автомобилестроения основан на данных их публичной финансовой отчетности.

Исследование направлено не только на изучение последствий влияния экономических кризисов на развитие российской автомобильной промышленности, но и тенденции развития данной отрасли до наступления кризисов. Исследование охватывает период с 2005 по 2020 г., динамика ряда показателей представлена с 2000 по 2020 г. Отметим, что не все автомобильные корпорации публиковали финансовую отчетность за весь исследуемый период, тем не менее это не искажает выявленные тенденции развития отрасли.

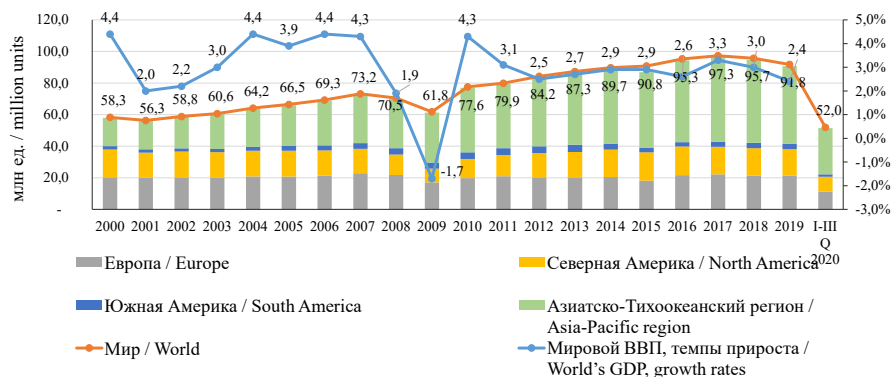
Анализ эмпирического материала проведен с использованием методов экономико-статистического и сравнительного анализа. В процессе изучения мнений ученых и при формулировании точки зрения, выводов и рекомендаций использованы приемы монографического описания, абстрактно-логический метод и системный анализ.

Примененные методы исследования позволили провести анализ состояния и тенденций развития мировой и российской автомобильной промышленности в преддверии глобальных кризисов 2008–2009 гг. и 2020 г., оценить экономические последствия кризисов для автомобилестроения, определить проблемы и риски развития российской отрасли автомобилестроения в контексте влияния экономических кризисов и процессов трансформации мировой автомобильной промышленности.

Результаты исследования. Российская автомобильная промышленность интегрирована в мировую автомобильную промышленность и зависит от развития ведущих мировых автопроизводителей, поэтому сначала представим оценку влияния глобальных кризисов 2008–2009 гг. и 2020 г. на мировую автомобильную промышленность.

На рисунке 1 отражены темпы прироста мирового ВВП и динамика мирового производства автотранспортных средств всех типов.

В преддверии глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. мировая экономика характеризовалась высокими темпами роста, в 2001–2007 гг. среднегодовой прирост мирового ВВП составил 3,6 %. Кризис привел к резкому снижению ВВП в 2009 г. на 1,7 % по отношению к предыдущему году. Экономическая активность снизилась не во всех странах мира, ВВП развивающихся стран в 2009 г. увеличился в основном за счет роста экономик Китая и Индии, которые кризис затронул в меньшей степени вследствие относительной закрытости финансовых систем и высокого внутреннего спроса.

Р и с. 1. Динамика мирового ВВП и мирового производства автотранспортных средств³

Fig. 1. Dynamics of the world's GDP and world motor vehicle production

Глобальный кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, затронул все страны и все отрасли экономики. Кроме того, в период, предшествующий кризисному, мировая экономика характеризовалась замедлением темпов роста, нарастанием экономической конфронтации между США и Китаем, сокращением объемов инвестиций, ростом государственных долгов. Несмотря на активные меры государственной поддержки национальных экономик, Международный валютный фонд спрогнозировал сокращение мирового ВВП по итогам 2020 г. на уровне 4,4 %⁴.

Экономические кризисы негативно отражаются на автомобильной промышленности. За 2009 г. мировой объем производства автотранспортных средств сократился на 12,4 % по сравнению с 2008 г., при этом в Азиатско-Тихоокеанском регионе рост производства составил 1,6 % за счет Китая и Индии. После кризиса мировая автомобильная промышленность достаточно быстро восстановилась, период с 2010 по 2017 г. характеризуется непрерывным ростом производства.

Неравномерность влияния кризиса 2008–2009 гг. на экономику разных стран, наличие избыточных производственных мощностей в развитых странах способствовали формированию новых центров автомобильного

³ Составлено по данным Международной организации производителей автомобилей (<https://www.oica.net/production-statistics>) и Всемирного банка (<https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.KD.ZG&country=RUS>).

⁴ World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent [Электронный ресурс] / International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (дата обращения: 18.12.2020).

производства в развивающихся странах с высокой емкостью внутренних рынков, в первую очередь, в странах БРИКС и Восточной Европы [26–28].

Экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, создает новые угрозы для автомобильной промышленности. Пандемия продемонстрировала уязвимость глобализированных систем производства, основанных на сложных и взаимозависимых цепочках поставок [29; 30]. Продолжительное закрытие заводов в г. Ухань в Китае в связи с карантинными мерами обусловило возникновение дефицита автокомпонентов и сбои в цепочке поставок на глобальном уровне.

Кроме того, текущий кризис реализовался в условиях сокращающегося мирового спроса на новые автомобили (в связи с чем мировое производство автотранспортных средств также сокращалось: на 1,6 % – в 2018 г. и на 4,1 % – в 2019 г. по отношению к предыдущему году), что создало более серьезные проблемы для автомобильной промышленности, чем в условиях кризиса 2008–2009 гг. За три квартала 2020 г. объем мирового производства автотранспортных средств сократился на 22,9 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., причем сокращение производства произошло во всех регионах мира⁵.

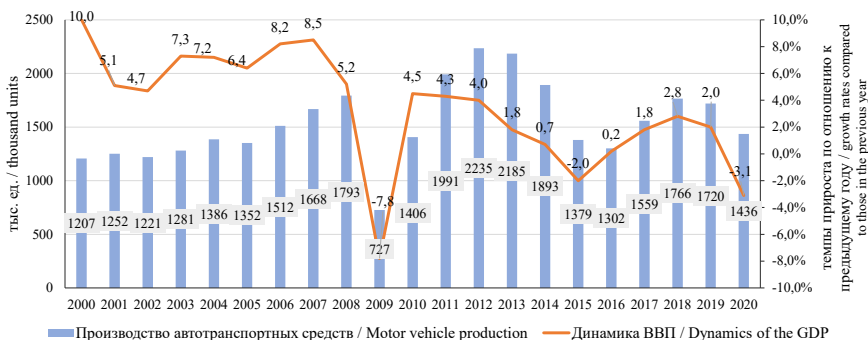
Эксперты прогнозируют медленное восстановление автомобильного рынка, до середины десятилетия объемы продаж автомобилей не достигнут докризисного уровня⁶.

Проведем анализ влияния экономических кризисов XXI в. на российскую автомобильную промышленность. На рисунке 2 отражена динамика ВВП и производства автотранспортных средств в России.

В преддверии глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. российская экономика характеризовалась высокими темпами роста, в 2001–2007 гг. среднегодовой прирост ВВП составил 7,2 %. В 2009 г. падение ВВП России было одним из самых ощутимых по сравнению с развитыми странами и другими странами БРИКС. Ключевая причина уязвимости национальной экономики обусловлена структурными диспропорциями. В 2010 г. экономическая ситуация в стране улучшилась, но темпы экономического роста не достигли докризисного уровня. Экономический кризис 2014–2015 гг. носил локальный характер, затронув преимущественно экономику России. В отличие от предыдущего кризиса быстрого восстановления экономики не случилось, в 2016–2019 гг. экономический рост оставался слабым, темпы роста российского ВВП были ниже, чем мирового.

⁵ Рассчитано по данным Международной организации производителей автомобилей (OICA): Production Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oica.net/production-statistics/> (дата обращения: 15.01.2021).

⁶ Outlook for Global Automotive Industry Changed to Stable on Expected Recovery in Sales [Электронный ресурс] / Moody's. URL: https://www.moody's.com/research/Moodys-Outlook-for-global-automotive-industry-changed-to-stable-on-PBC_1244319 (дата обращения: 18.12.2020).

Р и с. 2. Динамика ВВП и производства автотранспортных средств в России⁷

F i g. 2. Dynamics of the GDP and motor vehicle production in Russia

Экономический кризис 2020 г., вызванный пандемией коронавируса, как и предыдущие кризисы, привел к снижению мировых цен на нефть, девальвации рубля, сокращению реальных доходов, социальной и экономической нестабильности. Кризис еще раз продемонстрировал риск высокой зависимости российской экономики от внешних факторов. Объем реального ВВП в России в 2020 г. сократился на 3,1 %. По прогнозам Международного валютного фонда, в 2021 г. прирост ВВП должен составить 2,8 %⁸.

Динамики ВВП и объемов производства автотранспортных средств сильно коррелируют. Отрасль автомобилестроения остро реагирует на кризисные ситуации в экономике: снижение экономической активности в стране и сокращение покупательской способности приводит к быстрому падению спроса, а затем и объемов производства автотранспортных средств, как это наглядно проиллюстрировано на рисунке 2.

С начала 2000-х гг. до кризиса 2008–2009 гг. рост потребительского спроса и недостаток внутреннего производства для его удовлетворения сделали российский автомобильный рынок одним из самых привлекательных для мировых автопроизводителей. Введенный в 2005 г. Правительством Российской

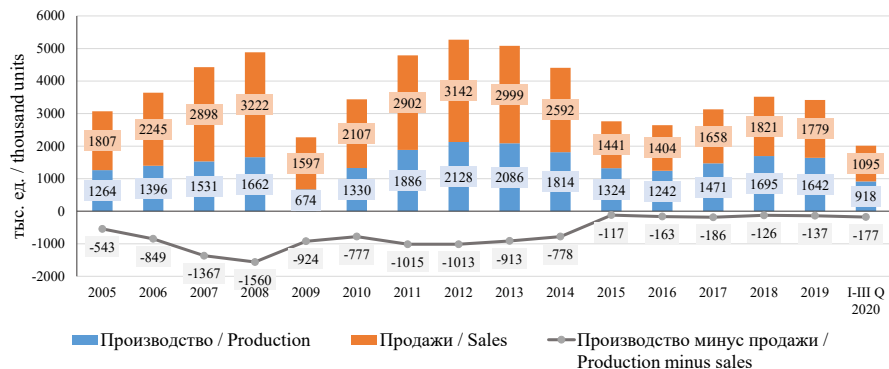
⁷ Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации: Производство отдельных видов товаров: с 2000 по 2009 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/natura38g.htm; Индексы физического объема валового внутреннего продукта [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DtjYaY3f/tab3.htm>; ЕМИСС: Производство с 2010 по 2016 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40636>; Производство с 2017 по 2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57783> (дата обращения: 14.02.2021).

⁸ World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent [Электронный ресурс] / International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (дата обращения: 10.12.2020).

Федерации режим «промышленной сборки» автомобилей позволил иностранным автопроизводителям ввозить комплектующие по льготным ставкам (при условии создания сборочных предприятий на территории России мощностью не менее 25 тыс. автомобилей в год и локализации производства на уровне 30 %⁹), что способствовало привлечению иностранных инвестиций в страну, созданию совместных предприятий с российскими партнерами, открытию сборочных заводов по производству автомобилей иностранных брендов и, как следствие, привело к сокращению импорта автомобилей (рис. 3).

Кризис 2008–2009 гг. повлиял на снижение потребительского спроса. Объем производства автотранспортных средств всех типов в 2009 г. сократился на 59,5 % по сравнению с 2008 г., что привело к снижению уровня загрузки производственных мощностей по выпуску автотранспортных средств (рис. 2 и табл. 1).

Реализация государственных мер поддержки автомобильной промышленности, восстановление экономики страны в посткризисный период, вступление России в ВТО в 2012 г. привели к увеличению объемов производства автотранспортных средств внутри страны, а также ее импорта.

Р и с. 3. Баланс производства и продаж новых легковых и легких коммерческих автомобилей в России¹⁰

F i g. 3. Balance of production and sales of new passenger cars and light commercial vehicles in Russia

⁹ О внесении изменений в Таможенный тариф Российской Федерации в отношении автокомпонентов, ввозимых для промышленной сборки: Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2005 № 166 (ред. от 24.03.2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52683/ (дата обращения: 12.12.2020).

¹⁰ Составлено по данным OICA: Sales Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oica.net/category/sales-statistics/>; Production Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oica.net/production-statistics/> (дата обращения: 15.01.2021). Объем продаж автомобилей за I–III кв. 2020 г. – данные Комитета автопроизводителей Ассоциации европейского бизнеса (АЕБ): Пресс-релиз, 6 октября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://aeb.ru.ru/upload/iblock/76c/RUS-Car-Sales-in-Q3-and-in-September-2020.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).

Т а б л и ц а 1. Объемы производства автотранспортных средств и уровень использования среднегодовой производственной мощности по выпуску автотранспортных средств в России¹¹

Т а б л и ц а 1. Motor vehicle production volumes and the level of use of the average annual production capacity for motor vehicle production in Russia

Типы автотранспортных средств / Types of motor vehicles	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
<i>Объемы производства автотранспортных средств, тыс. ед. / Motor vehicle production volumes, thousand units</i>								
Легковые автомобили / Passenger cars	1 069,0	1 178,0	1 294,0	1 471,0	600,0	1 210,0	1 740,0	1 964,0
Автомобили грузовые / Trucks	205,0	245,0	285,0	256,0	91,7	155,0	207,0	212,0
Автобусы / Buses	78,2	88,7	88,9	66,0	35,5	40,9	44,2	58,6
Легковые автомобили / Passenger cars	1 925,0	1 696,0	1 215,0	1 120,0	1 355,0	1 564,0	1 525,0	1 259,0
Автомобили грузовые / Trucks	207,0	153,0	128,0	139,0	163,0	157,0	156,0	142,0
Автобусы / Buses	53,2	44,0	36,4	42,9	40,8	45,1	38,9	35,0
Типы автотранспортных средств / Types of motor vehicles	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
<i>Уровень использования среднегодовой производственной мощности, % / The level of use of the average annual production capacity, %</i>								
Легковые автомобили / Passenger cars	68	76	77	73	30	57	72	80
Автомобили грузовые / Trucks	48	55	69	55	17	31	42	47
Автобусы / Buses	73	70	85	55	26	29	40	50
Легковые автомобили / Passenger cars	68	59	43	41	47	55	56	н. д. / not data
Автомобили грузовые / Trucks	45	39	34	35	41	44	48	н. д. / not data
Автобусы / Buses	44	35	34	38	20	28	22	н. д. / not data

¹¹ Составлено по данным Росстата: Уровень использования среднегодовой производственной мощности по выпуску автотранспортных средств в России [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial; Производство отдельных видов товаров с 2000 по 2009 годы [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/natura38g.htm (дата обращения: 18.01.2021), и ЕМИСС: Производство с 2010 по 2016 годы. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40636>; Производство с 2017 по 2020 годы [Электронный ресурс] <https://www.fedstat.ru/indicator/57783> (дата обращения: 14.02.2021).

В 2011 г. были утверждены новые условия «промышленной сборки» в России, предусматривающие уменьшение выпуска автомобилей методом крупноузловой сборки и создания новых (или модернизации существующих) производственных мощностей, обеспечивающие производство не менее 300 тыс. (в случае модернизации – 350 тыс.) машин в год, углубления уровня локализации производства до 60 %, создания собственных научно-технических центров¹². Решение данной задачи активизировало интеграционные процессы в автомобильной промышленности, зарубежные корпорации создавали совместные предприятия с российскими автопроизводителями, заключали соглашения о контрактной сборке иностранных моделей автомобилей и автокомпонентов на мощностях российских автопроизводителей.

Отметим, что существенного прогресса в реализации планов локализации производства достичь не удалось. Очередной кризис (2014–2015 гг.) привел к падению спроса на автомобильную технику и, как следствие, к сокращению объемов производства. Многие автомобильные концерны не смогли выполнить требования локализации, Правительство не стало лишать их льгот, однако дальнейшее углубление производственных циклов фактически остановилось.

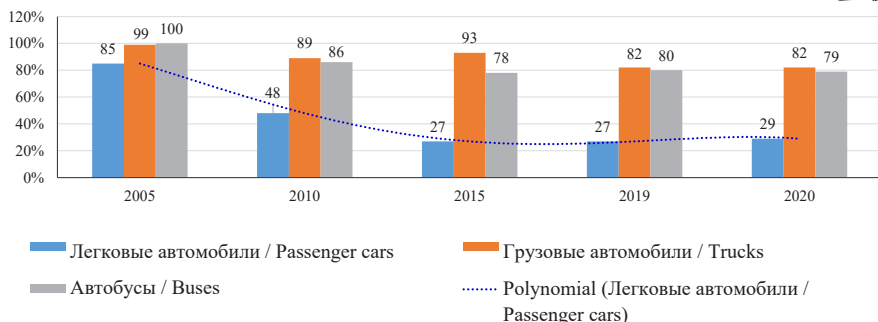
Результатом реализации государственной политики «промышленной сборки» явилось создание избыточных автосборочных мощностей (в частности, уровень загрузки мощностей по выпуску легковых автомобилей сократился с 68 % в 2005 г. до 56 % в 2019 г.), а также сокращение объемов производства автомобилей отечественных марок. В наибольшей степени сократилась доля производства легковых автомобилей отечественных марок: с 85 % в 2005 г. до 29 % в 2020 г. (рис. 4).

В настоящее время легковые и легкие коммерческие автомобили иностранных брендов производятся на заводах Hyundai, Nissan, Toyota в Санкт-Петербурге, «Автотор» в Калининграде, Renault в Москве, Volkswagen в Калуге, «АВТОВАЗ» в Тольятти (контрактная сборка), Mazda Sollers во Владивостоке и ряде других.

Анализ реализации основных проектов мировых автомобильных корпораций по производству автомобилей на территории России, в частности, представлен в работах Ю. Барониной [31].

Сокращение выпуска автомобилей отечественных марок привело к уменьшению спроса на продукцию российской автокомпонентной отрасли. Итогом является достаточно низкий уровень локализации в легковом автомобилестроении.

¹² Приказ Минэкономразвития России № 678, Минпромторга России № 1289, Минфина России № 184н от 24.12.2010 «О внесении изменений в порядок, определяющий понятие “промышленная сборка” моторных транспортных средств и устанавливающий применение данного понятия при ввозе на территорию Российской Федерации автокомпонентов для производства моторных транспортных средств товарных позиций 8701–8705 ТН ВЭД, их узлов и агрегатов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110023/ (дата обращения: 14.12.2020).

Р и с. 4. Доля отечественных моделей в объеме производства автотранспортных средств в России¹³

F i g. 4. The share of domestic models in the motor vehicle production volume in Russia

Иностранные автопроизводители рассматривают Россию прежде всего как рынок сбыта и не ставят задач по локализации, экспорту автомобилей и автокомпонентов, развитию новых технологий.

Объемы поставок автомобилей на экспорт незначительны (экспорт легковых автомобилей по итогам 2019 г. составил 9,5 %, а грузовых автомобилей – 7,2 % от их общего объема производства) (рис. 5).

В натуральном выражении экспорт легковых автомобилей сократился с 131 тыс. ед. в 2005 г. до 110 тыс. ед. в 2019 г., экспорт грузовых автомобилей за данный период сократился с 49 тыс. ед. до 15 тыс. ед.

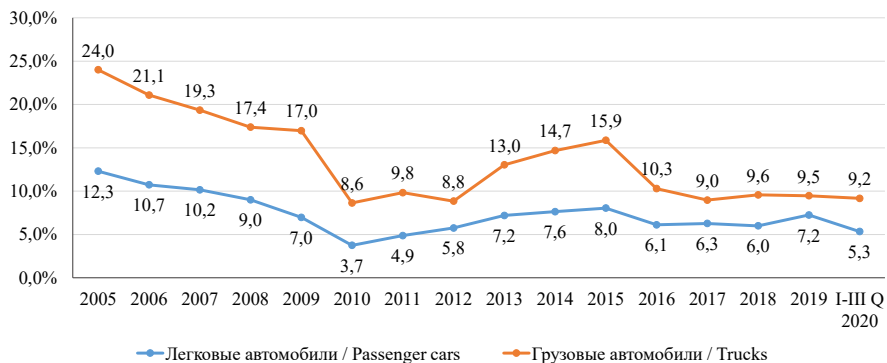
Следствием текущего кризиса также явилось падение объемов продаж и производства автомобилей. Продажи новых легковых и легких коммерческих автомобилей в России за три квартала 2020 г. сократились на 13,9 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года¹⁴, по итогам года сокращение составило 9,1 %¹⁵. Продажи автотранспортных средств всех типов по итогам 2020 г. сократились на 8,3 % по сравнению с 2019 г.¹⁶.

¹³ Рассчитано и составлено по данным аналитической компании «АСМ-холдинг»: Автомобильная промышленность России в 2005 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.avtomash.ru/guravto/2006/20060301.htm>; Производство автомобильной техники в Российской Федерации в 2009–2014 годах [Электронный ресурс]. URL: <http://oar-info.ru/index.php?id=346>; Производство автомобильной техники в Российской Федерации в 2015–2020 годах [Электронный ресурс]. URL: <http://oar-info.ru/index.php?id=483> (дата обращения: 12.02.2021).

¹⁴ Продажи новых автомобилей снизились на 13,9 % за 3 квартала 2020 г. и выросли на 3,4 % в сентябре 2020 г.: пресс-релиз [Электронный ресурс] / Комитет автопроизводителей Ассоциации Европейского бизнеса (АЕБ). 6 октября 2020 г. URL: <https://aeb.ru/upload/iblock/76c/RUS-Car-Sales-in-Q3-and-in-September-2020.pdf> (дата обращения: 14.01.2021).

¹⁵ Автомобильный рынок в 2020 г. сократился на 9,1 %: пресс-релиз [Электронный ресурс] / Комитет автопроизводителей Ассоциации Европейского бизнеса (АЕБ). 14 января 2021 г. URL: <https://aeb.ru/upload/iblock/c2d/RUS-Car-Sales-in-December-2020.pdf> (дата обращения: 22.01.2021).

¹⁶ Автомобильный рынок России в декабре и январе – декабре 2020 г.: пресс-релиз [Электронный ресурс] / АСМ-Холдинг. 20 января 2021 г. URL: <https://cloud.mail.ru/public/H16a/ehFcZW36v> (дата обращения: 22.01.2021).

Р и с. 5. Доля экспорта в объемах производства автотранспортных средств в России, %¹⁷

F i g. 5. The share of exports in the motor vehicle production volumes in Russia, %

На динамику рынка оказала воздействие реализация программ стимулирования спроса на продукцию отрасли (льготное автокредитование, закупки автомобильной техники федеральными и региональными органами исполнительной власти и др.).

Объем производства автотранспортных средств в России по итогам 2020 г. сократился на 16,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. (см. рис. 2). В целом индекс промышленного производства в секторе «Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов» по итогам 2020 г. составил 87,3 % по отношению к 2019 г.¹⁸

Аналитики Европейской ассоциации бизнеса (АЕБ) прогнозируют незначительный рост российского автомобильного рынка в 2021 г. в размере 2,1 %, т. е. будет продано всего на 33 тыс. больше новых легковых и легких коммерческих автомобилей, или в совокупности 1 632 тыс. ед.¹⁹. В этой связи ожидается дальнейшее ужесточение конкурентной борьбы на российском автомобильном рынке.

¹⁷ Рассчитано и составлено по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации: Производство отдельных видов товаров: с 2000 по 2009 годы [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/natura38g.htm; Единой межведомственной информационно-статистической системы: Производство с 2010 по 2016 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40636>; Производство с 2017 по 2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57783>; Экспорт отдельных товаров [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/37393> (дата обращения: 16.02.2021).

¹⁸ О промышленном производстве в 2020 году [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: https://gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d02/8.htm (дата обращения: 19.01.2021).

¹⁹ Автомобильный рынок в 2020 г. сократился на 9,1 %. URL: <https://aebrus.ru/upload/iblock/c2d/RUS-Car-Sales-in-December-2020.pdf>.

Экономические последствия кризисов для автомобильных корпораций весьма серьезны. Падение спроса и недозагруженность производственных мощностей отрицательно сказываются на финансовых результатах автопроизводителей. В таблице 2 представлена динамика показателей рентабельности продаж по чистой прибыли корпораций.

Отрицательные значения показателей обусловлены полученными чистыми убытками. Наибольшие убытки в кризисные периоды были у «АВТОВАЗа». В 2009 г. продажи автомобилей Lada сократились на 43,8 %, объем производства – на 63,0 % по сравнению с 2008 г., в течение года было уволено около 27 тыс. сотрудников²⁰. В 2009 г. Госкорпорация «Ростехнологии» и Renault (уже владеющая 25 % акций ОАО «АВТОВАЗ») подписали соглашение о сотрудничестве в рекапитализации ОАО «АВТОВАЗ», предусматривающее финансовую помощь предприятию со стороны Российской Федерации в обмен на помощь Renault в использовании технологий Renault и Nissan. В конце 2018 г. доля участия Renault в уставном капитале ОАО «АВТОВАЗ» достигла 67,61 %.

По итогам первого полугодия 2020 г. продажи автомобилей Lada АО «АВТОВАЗ» сократились на 23,3 %²¹, продажи автомобилей УАЗ ПАО «СОЛЛЕРС» – на 29,9 %²², автомобильные корпорации получили убытки.

В целом сальдированный финансовый результат организаций в секторе «Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов» в сентябре 2020 г. составил -2,8 млрд руб., за январь – ноябрь 2020 г. получено положительное сальдо в размере 13 млрд руб. (13,1 % к аналогичному периоду 2019 г.). Доля убыточных организаций увеличилась с 22,3 % за январь – ноябрь 2019 г. до 35,9 % за аналогичный период 2020 г. Число замещенных мест в данном секторе экономики в ноябре 2020 г. составило 247,9 тыс. чел., что на 5,4 % меньше аналогичного периода прошлого года²³.

Обсуждение и заключение. В результате исследования были выявлены тенденции развития автомобильной промышленности России под влиянием экономических кризисов 2008–2009 гг. и 2020 г., определены проблемы и риски развития отрасли в контексте влияния пандемии COVID-19.

²⁰ Годовой отчет ОАО «АВТОВАЗ» за 2009 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.lada.ru/images/annuals/annual_2009.pdf (дата обращения: 11.12.2020).

²¹ Group Renault. Rapport D'Activite – S1 – 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://group.renault.com/finance/informations-financieres/documents-et-publications/> (дата обращения: 11.12.2020).

²² Группа СОЛЛЕРС объявляет финансовые результаты по МСФО за I полугодие 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://sollers-auto.com/ru/press-center/news/index.php?id35=1017> (дата обращения: 21.12.2020).

²³ Социально-экономическое положение России – 2020 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_01/Main.htm; Социально-экономическое положение России – 2019 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_01/Main.htm (дата обращения: 16.02.2021).

Т а б л и ц а 2. Динамика рентабельности продаж по чистой прибыли корпораций автомобилестроения, %²⁴
 Table 2. Dynamics of profitability of sales by net profit of automotive corporations, %

Показатель / Indicator	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
АВТОВАЗ / AVTOVAZ Group	2,0	2,0	-12,8	-57,5	2,5	3,8	15,4	-4,5
ГАЗ / GAZ Group	н. д. / not data	н. д. / not data	н. д. / not data	-16,2	2,2	6,4	6,9	2,8
СОЛЛЕПС / SOLLERS Group	7,4	6,9	-0,6	-14,4	-2,2	6,8	9,0	5,8
КАМАЗ / KAMAZ Group	н. д. / not data	н. д. / not data	н. д. / not data	-4,2	-1,2	1,7	4,9	3,7
Показатель / Indicator	2014	2015	2016	2017	2018	2019	1-е полугодие 2020 г. / 1st half of 2020	
АВТОВАЗ / AVTOVAZ Group	-14,6	-41,8	-24,2	-4,3	2,1	2,3	-29,0	
ГАЗ / GAZ Group	-1,7	-1,6	0,7	2,1	н. д. / not data	н. д. / not data	н. д. / not data	
СОЛЛЕПС / SOLLERS Group	-7,8	8,1	4,5	2,8	0,1	2,3	-4,6	
КАМАЗ / KAMAZ Group	0,2	-2,4	0,5	2,2	0,9	-1,0	0,04	

²⁴ Рассчитано и составлено по данным консолидированных финансовых отчетов АО «АВТОВАЗ»: URL: http://info.avtoVAZ.ru/pages/section_7/307.html (данные за 2019–2020 гг. отражаются в консолидированной финансовой отчетности Renault Group: <https://group.renault.com/en/finance-2/financial-information/documents-and-publications/>); ПАО «СОЛЛЕПС»: URL: http://sollers-auto.com/ru/investors/figures/financial_statements/; ПАО «КАМАЗ»: URL: <https://kamaz.ru/investors-and-shareholders/financial-statements/ifrs/>; ПАО «ГАЗ», размещенных на сайте Центра раскрытия корпоративной информации «Интерфакс»: URL: <https://e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=859> (дата обращения: 16.02.2021).

В преддверии мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. российский автомобильный рынок характеризовался высокими темпами роста, потребительский спрос удовлетворялся за счет автомобильной продукции отечественных и иностранных брендов, произведенной на территории России, и импорта. Быстрое восстановление экономики страны в посткризисный период и либеральная государственная политика регулирования деятельности зарубежных автомобильных корпораций в России способствовали притоку иностранных инвестиций в отрасль и увеличению внутреннего производства автомобильной техники. Однако результатом реализации режима «промышленной сборки» явилось создание избыточных автосборочных мощностей и сокращение доли производства автомобилей отечественных марок, что, в свою очередь, привело к сокращению спроса на продукцию российской автокомпонентной отрасли и низкому уровню локализации в автомобилестроении.

Кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, в отличие от кризиса 2008–2009 гг. реализовался в условиях сокращающегося спроса на новые автомобили. Низкий уровень локализации производства и импортозависимость по критически значимым автокомпонентам сделали отрасль особенно чувствительной к изменениям внешних макроэкономических факторов. Дисбаланс между созданными мощностями и перспективным спросом на автомобильную технику, низкий экспортный потенциал отрасли, высокая зависимость от зарубежных производителей автомобилей и автокомпонентов создали более серьезные проблемы для автомобильной промышленности, чем в условиях предыдущего кризиса.

Проблемы, связанные с коронавирусом и последующей рецессией, вызванной пандемией, также усугубляются происходящими в автомобильной промышленности технологическими изменениями. Тенденции развития технологий CASE (подключенные, автономные, совместные, электрифицированные автомобили) слабо влияют на развитие российской автомобильной промышленности. Российский автомобильный рынок в долгосрочной перспективе будет рассматриваться как рынок сбыта автомобилей с бензиновыми и дизельными двигателями. В этой связи приоритетными направлениями развития автомобильной промышленности России являются углубление локализации производства, поддержка развития отечественной автокомпонентной отрасли, стимулирование проведения прикладных и перспективных НИОКР в отрасли.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности использования полученных результатов и предложений при разработке и корректировке стратегических программ и планов развития автомобильной промышленности. Кроме того, статья будет полезна представителям научного и бизнес-сообщества, а также всем интересующимся вопросами развития отрасли автомобилестроения.

REFERENCES

1. Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery. Springer International Publishing AG Switzerland; 2016. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-41262-7>
2. Grinin L., Korotayev A. COVID-19 Pandemic, Geopolitics and Recession. International Center for Education and Social and Humanitarian Studies. Working Paper. 2020; (4). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13998.54089>
3. Tatuzov V. Contemporary Global Economic Crisis: Some Conclusions for Russia and BRICS (Taking into Account Kondratieff Long Waves). *BRICS Journal of Economics*. 2020; 1(2):25-40. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-8>
4. Guillén A. Coronavirus Crisis or a New Stage of the Global Crisis of Capitalism? *Agrarian South: Journal of Political Economy*. 2020; 9(3):356-367. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/2277976020970040>
5. Yagi M., Managi S. Global Supply Constraints from the 2008 and COVID-19 Crises. *Economic Analysis and Policy*. 2021; 69:514-528. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.01.008>
6. Estrada M.A.R. The Difference between the Worldwide Pandemic Economic Crisis (COVID-19) and the Global Financial Crisis (Year 2008). Preprint from SSRN. 2020. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.19620.91521/1>
7. Oravský R., Toth P., Bánociová A. The Ability of Selected European Countries to Face the Impending Economic Crisis Caused by COVID-19 in the Context of the Global Economic Crisis of 2008. *Journal of Risk and Financial Management*. 2020; 13(8). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/jrfm13080179>
8. Török L. The Link between Car Sales and the Economic Crisis in the European Union at the Time of the COVID-19 Epidemic. *International Journal of Economics and Business Administration*. 2020; 8(4):1033-1042. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.35808/ijeab/648>
9. Williams C.C., Kayaoglu A. The Coronavirus Pandemic and Europe's Undeclared Economy: Impacts and a Policy Proposal. *South East European Journal of Economics and Business*. 2020; 15(1):80-92. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.2478/jeb-2020-0007>
10. Baker S.R., Bloom N., Davis S.J., Terry S.J. Covid-Induced Economic Uncertainty. National Bureau of Economic Research. Working Paper No. 26983. 2020. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w26983/w26983.pdf (accessed 21.12.2020). (In Eng.)
11. Ando M., Furukawa Ch., Nakata D., Sumiya K. Fiscal Responses to the COVID-19 Crisis in Japan: The First Six Months. *National Tax Journal*. 2020; 73(3):901-926. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17310/ntj.2020.3.12>
12. Higginson S., Milovanovic K., Gillespie J., Matthews A., Williams C., Wall L., et al. COVID-19: The Need for an Australian Economic Pandemic Response Plan. *Health Policy and Technology*. 2020; 9(4):488-502. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.hlpt.2020.08.017>
13. Bobylev S., Grigoryev L. In Search of the Contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The Case of BRICS. *BRICS Journal of Economics*. 2020; 1(2):4-24. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-7>

14. Dhar B.K. Impact of COVID-19 on Chinese Economy. *Economic Affairs*. 2020; 9(3/4):23-26. Available at: https://www.researchgate.net/publication/341177443_Impact_of_COVID-19_on_Chinese_Economy (accessed 22.01.2021). (In Eng.)
15. Chaudhary M., Sodani P.R., Das S. Effect of COVID-19 on Economy in India: Some Reflections for Policy and Programme. *Journal of Health Management*. 2020; 22(2):169-180. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0972063420935541>
16. Kolomak E.A. Economic Effects of Pandemic-Related Restrictions in Russia and their Spatial Heterogeneity. *R-Economy*. 2020; 6(3):154-161. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.013>
17. Mau V.A. Economics and Politics in Russia: On the Eve of an Acute Crisis. *Russian Journal of Economics*. 2020; 6(2):91-113. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.55867>
18. Kozicki B., Gornikiewicz M., Walkowiak M. The Impact of COVID-19 Pandemic on the Economic Security of Russia and European Countries. *European Research Studies Journal*. 2020; 23(3):324-338. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.35808/ersj/1886>
19. Klier T.H., Rubenstein J. Detroit Back from the Brink? Auto Industry Crisis and Restructuring, 2008–11. *Economic Perspectives*. 2012; 2:35-54, Available at: https://www.researchgate.net/publication/254415982_Detroit_Back_from_the_Brink_Auto_Industry_Crisis_and_Restructuring_2008-11 (accessed 14.12.2020). (In Eng.)
20. Sturgeon T.J., Van Biesebroeck J. Effects of the Crisis on the Automotive Industry in Developing Countries: A Global Value Chain Perspective. Policy Research Working Paper. WPS 5330. World Bank. 2010. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/3815> (accessed 19.11.2020). (In Eng.)
21. Pavlínek P. The Impact of the 2008-2009 Crisis on the Automotive Industry: Global Trends and Firm-Level Effects in Central Europe. *European Urban and Regional Studies*. 2015; 22:20-40. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0969776412460534>
22. Madugba E.D., Hamza S.M., Basit A. Impacts of the 2008 Global Financial Crisis on the Automotive Industry: A Global Perspective. *International Journal of Accounting & Business Management*. 2016; 4(2):216-226. Available at: https://www.researchgate.net/publication/320555044_Impacts_of_the_2008_Global_Financial_Crisis_on_the_Automotive_Industry_A_Global_Perspective (accessed 22.01.2021). (In Eng.)
23. Spitsin V., Mikhalechuk A., Spitsina L., Vukovic D.B. Foreign-Owned Companies in Countries with an Unstable Economy: The Case of the Automotive Industry in Russia. *Journal of International Studies*. 2018; 11(3):57-69. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2018/11-3/5>
24. Starkova N.O., Tolstova A.Z. Automotive Market of Russia in the Modern Conditions. *Ekonomika: teoriya i praktika* = Economics: Theory Practice. 2015; 4(40): 46-53. Available at: http://econ.kubsu.ru/images/4_2015.pdf (accessed 22.11.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
25. Traub-Merz R. Automotive Industry in Russia. Between Growth and Decline. In: The Automotive Sector in Emerging Economies: Industrial Policies, Market Dynamics and Trade Unions. Trends & Perspectives in Brazil, China, India, Mexico and Russia / R. Traub-Merz (ed.). Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung; 2017. p. 127-147. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/13154.pdf> (accessed 21.11.2020). (In Eng.)
26. Oh S.-Y. Shifting Gears: Industrial Policy and Automotive Industry after the 2008 Financial Crisis. *Business and Politics*. 2014; 16(4):641-665. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1515/bap-2014-0015>

27. Vošta M., Kocourek A. Automotive Industry in the European Union and Its Competitiveness in the World. *ACC Journal*. 2015; 21(2):40-51. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15240/tul/004/2015-2-004>
28. Wójtowicz M., Rachwał T. Globalization and New Centers of Automotive Manufacturing – the Case of Brazil, Mexico, and Central Europe. *The Central European Journal of Social Sciences and Humanities*. 2014; 25:81-107. Available at: <http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-2a4e839b-f1b0-4f1f-97f1-c8115b5dc24d> (accessed 14.12.2020). (In Eng.)
29. Belhadi A., Kamble S., Jabbour C.J.C., Gunasekaran A., Ndubisi N.O., Venkatesh M. Manufacturing and Service Supply Chain Resilience to the COVID-19 Outbreak: Lessons Learned from the Automobile and Airline Industries. *Technological Forecasting & Social Change*. 2021; 163. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120447>
30. Ibn-Mohammed T., Mustapha K.B., Godsell J., Adamu Z., Babatunde K.A., Akintade D.D., et al. A Critical Analysis of the Impacts of COVID-19 on the Global Economy and Ecosystems and Opportunities for Circular Economy Strategies. *Resources, conservation, and recycling*. 2021; 164. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2020.105169>
31. Baronina Yu.A. Transformation of European Automobile TNCs' Strategies on the Russian Market. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2020; 64(5):93-100. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-93-100>

Поступила 26.02.2021; одобрена после рецензирования 15.04.2021; принята к публикации 21.04.2021.

Submitted 26.02.2021; approved after reviewing 15.04.2021; accepted for publication 21.04.2021.

Об авторах:

Журова Людмила Ивановна, доцент кафедры менеджмента АНО ВО Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка» (443030, Российская Федерация, г. Самара, ул. Г. С. Аксакова, д. 21), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0522-9456>, zhurova.li@mail.ru

Краковская Ирина Николаевна, заведующий кафедрой менеджмента ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3332-2332>, Researcher ID: AAP-5301-2020, Scopus ID: 57191500142, krakovskayain@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Л. И. Журова – сбор и систематизация аналитической информации; графическое оформление; формулирование выводов.

И. Н. Краковская – постановка научной проблемы; разработка основной концепции исследования; определение методологии исследования; интерпретация полученных результатов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the authors:

Lyudmila I. Zhurova, Associate Professor, Department of Management, Samara University of Public Administration “International Market Institute” (21 G. S. Aksacova St., Samara 443030, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0522-9456>, zhurova.li@mail.ru

Irina N. Krakovskaya, Head of the Department of Management, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3332-2332>, Researcher ID: AAP-5301-2020, Scopus ID: 57191500142, krakovskayain@mail.ru

Contribution of the authors:

L. I. Zhurova – collection and systematization of analytical information; graphic design; drawing conclusions.

I. N. Krakovskaya – statement of the research problem; development of the basic concept of the research; choice of research methodology; interpretation of the results.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Природные ресурсы как фактор производства регионального туристского продукта и формирования туристских направлений

А. А. Сарян

*ФГБУН «Федеральный исследовательский центр
«Субтропический научный центр Российской академии
наук» (г. Сочи, Российская Федерация),
akopsar@rambler.ru*

Введение. Географическое расположение природных ресурсов является детерминантом локализации туризма. Цель статьи – на основе результатов проведенного исследования изучить теоретические и практические аспекты трансформации природных ресурсов в фактор производства и потребления туристского продукта и формирования направлений потока туристов.

Материалы и методы. Информационной базой исследования являются материалы опросов потенциальных туристов, проведенных независимыми исследовательскими фирмами; российские и зарубежные научные публикации и экспертные оценки; результаты исследований автора статьи. Для оценки роли и места природных ресурсов в производстве и потреблении туристского продукта использованы контент-анализ и структурно-функциональный анализ. С помощью методов логической интерпретации, статистической обработки данных, табличного и графического методов определены схема трансформации природных ресурсов в фактор производства и потребления туристского продукта и степень потребительского предпочтения туристского направления.

Результаты исследования. Выявлены проблемные аспекты использования природных ресурсов в туризме, один из которых – недооценка этих ресурсов как базового фактора производства и потребления туристского продукта, что негативно сказывается на уровне экономической обоснованности программ развития туризма. Определена роль природных ресурсов в формировании туристских потребностей и направлений потока туристов. Сделаны выводы о возрастании потребности в туризме с преобладанием природной составляющей туристского продукта и о постепенном создании условий для образования локальных проявлений овертуризма и туризмфобии, в частности на курортах Юга России. Сформулированы предложения по повышению экономической обоснованности программ развития внутреннего туризма.

Обсуждение и заключение. Наличие природных ресурсов является первичным базовым условием организации производства и потребления туристского продукта. Значительные затраты на их преобразование в туристские блага повышают требования

© Сарян А. А., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

к уровню обоснованности управленческих решений. Результаты исследования могут найти применение в стратегическом и среднесрочном планировании развития внутреннего туризма российских регионов на базе их природного потенциала.

Ключевые слова: внутренний туризм, рациональное природопользование, природный ресурс, трансформация ресурса, фактор производства, технология производства и потребления туристского продукта, туристский поток, окружающая среда, овертуризм

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Федерального исследовательского центра «Субтропический научный центр Российской академии наук» по теме № 0492-2021-0013 «Стратегическое управление социально-экономическим развитием территории на основе принципов устойчивого развития».

Благодарности. Автор статьи выражает благодарность редакции журнала «Регионология» и рецензентам, чьи комментарии позволили улучшить качество текста.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сарян, А. А. Природные ресурсы как фактор производства регионального туристского продукта и формирования туристских направлений / А. А. Сарян. – DOI 10.15507/2413-1407.116.029.202103.562-587 // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 562–587.

Natural Resources as a Factor in Production of a Regional Tourist Product and in Creation of Tourist Destinations

A. A. Saryan

*Federal Research Centre "Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences" (Sochi, Russian Federation),
akopsar@rambler.ru*

Introduction. Geographical location of natural resources is a determinant of localization of tourism. Based on the results of the research conducted, the article studies the theoretical and practical aspects of transformation of natural resources into a factor in production and consumption of a tourist product, as well as those of formation of directions for the flow of tourists.

Materials and Methods. Materials of surveys of potential tourists conducted by independent research firms, Russian and foreign scientific publications and expert assessments, as well as the results of research carried out by the author of the article were used as the information base of the study. To assess the role and place of natural resources in the production and consumption of a tourist product, content analysis, as well as structural and functional analysis were employed. Using the methods of logical interpretation, statistical data processing, tabular and graphical methods, a scheme of transformation of natural resources into a factor in production and consumption of a tourist product has been devised and the degree of consumer preference for a tourist destination has been identified.

Results. The study has identified problematic aspects of the use of natural resources in tourism, one of which is the underestimation of such resources as a basic factor in production and consumption of a tourist product, which negatively affects the level of economic

feasibility of tourism development programs. The role of natural resources in formation of tourist needs and directions of the flow of tourists has been revealed. Conclusions have been drawn about the growing need for tourism with the predominance of the natural component of the tourist product and about the gradual formation of preconditions for local manifestations of overtourism and tourism phobia, in particular in the resorts in the South of Russia. The author has formulated proposals aimed at improving the economic feasibility of domestic tourism development programs.

Discussion and Conclusion. Availability of natural resources is the primary basic condition for production and consumption of a tourist product. Significant costs for their transformation into tourist goods increase the requirements for the level of reasonableness of managerial decisions. The research results can be applied in strategic and medium-term planning of the development of domestic tourism in Russian regions on the basis of their natural potential.

Keywords: domestic tourism, rational nature management, natural resource, resource transformation, production factor, technology of production and consumption of a tourist product, tourist flow, environment, overtourism

Funding. The article was done as part of the implementation of the government assignment to the Federal Research Centre “Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences” on the topic No. 0492-2021-0013 “Strategic Management of Socio-Economic Development of the Territory Based on the Principles of Sustainable Development”.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the editorial board of the Russian Journal of Regional Studies (Regionology) and to the reviewers whose comments helped to improve the quality of the text.

The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Saryan A.A. Natural Resources as a Factor in Production of a Regional Tourist Product and in Creation of Tourist Destinations. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(3):562-587. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.562-587>

Введение. Природные ресурсы определяющим образом формируют туристское пространство регионов. Однако бесконтрольное и чрезмерное их использование в туристских целях способно привести к экономическому, экологическому, физическому их истощению, а в худшем случае – к деградации. В ситуации овертуризма, который стал локально проявляться на курортах Юга России, природные ресурсы могут испытывать его негативное воздействие, повышать риски ухудшения их качества. В этой связи возникает необходимость рационального использования природных ресурсов, повышения социально-экономической ответственности регулятора и туристского предпринимательства, ограничения туристского спроса. В противном случае проявляются отрицательные внешние эффекты в форме истощения и деградации ресурсов, использование которых в туристских целях ухудшит качество туристского продукта [1].

Природные ресурсы, пригодные для организации производства и потребления различных видов туристских продуктов, располагаются во всех

субъектах Российской Федерации. Их наличие в естественной форме является необходимым, но не достаточным условием для организации производства и потребления туристского продукта. Предварительно природные ресурсы следует соответствующим образом трансформировать в фактор его производства, т. е. приспособить к организационным и технологическим требованиям. Этот этап трансформации ресурса в фактор является наиболее капиталоемким. Эффективность его реализации во многом определяет уровень общей рентабельности всего проекта по созданию технологии производства и потребления нового или существенно обновленного туристского продукта. Для реализации проекта, кроме природного ресурса (фактора), как минимум, необходимы еще капитальные, трудовые, информационные ресурсы (факторы), которые в определенном сочетании организуют туристскую технологию. Более конкурентоспособной является технология, которая способна предложить рынку туристский продукт с высокой степенью аттрактивности его природной компоненты и оптимальным соотношением стоимости потребления и качества туристского продукта.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить особенности приспособления разнообразных природных ресурсов к требованиям производства и потребления туристских благ и формирования туристских направлений. Объектом исследования является трансформация природных ресурсов в производственный и потребительский фактор.

Обзор литературы. Вопросы обеспечения туризма природными ресурсами и их участие в формировании туристских потоков всегда были во внимании российских и зарубежных исследователей. Сейчас они актуализируются с новой силой в контексте политики приоритетно-устойчивого развития внутреннего и въездного туризма. Эффективная реализация этой политики во многом базируется на положении, что расширенное производство туристского продукта должно осуществляться на основе рационального природопользования, не приводящего к невосполнимому истощению этого ресурса и нарушению равновесия окружающей среды.

Контент-анализ научных публикаций и экспертных оценок ресурсного обеспечения туризма показывает, что тема во многих аспектах стала активно обсуждаться в научном и экспертном сообществах. Консолидированное мнение состоит в том, что невозможно организовать туризм без ценных природных ресурсов [2].

В. С. Орлова, рассматривая еще не освоенный в полную силу туристский потенциал Европейского Севера России, считает, что формирование направлений туризма, а значит, и определение его видов и целей, зависят от ресурсного потенциала региона, от объектов туристской привлекательности, основными из которых в регионе являются объекты природного наследия Севера [3]. Аналогичного мнения придерживаются Е. А. Пендюрин, С. А. Ряднова, О. Н. Гененко, Е. В. Харьковская [4]. По их мнению, ресурсы

природы – один из важных факторов, предопределяющих ее использование (какие виды туризма и какую его инфраструктуру необходимо развивать).

Рассматривая место природных ресурсов в производстве и потреблении туристского продукта, А. В. Ефремов отмечает, что естественные природные условия предстают материальным источником образования потребительских стоимостей, составляющих в совокупности туристические услуги (туристский продукт) [5]. С. С. Хлебников считает, что основным условием функционирования туристско-рекреационного комплекса территории является ее ресурсный потенциал. Выделяя природно-рекреационные ресурсы территории, он относит их к категории стабильных ресурсов для производства туристского продукта¹. Такая их характеристика справедлива только отчасти: в средне- и долгосрочной перспективе некоторые природные ресурсы могут преждевременно истощаться при возрастании их бесконтрольного и интенсивного использования, несоблюдения требований рационального природопользования, без должного амортизационного восстановления.

Особое внимание уделяется вопросам рационального природопользования и экологизации туризма. Н. А. Левочкина поддерживает точку зрения, что туристский спрос должен удовлетворяться при рациональном использовании туристских ресурсов, соединенных в эффективные комбинации, образуя технологии по оказанию туристских услуг, обеспечивающих туристские потоки. При этом она справедливо отмечает первостепенное значение в решении этой задачи природно-ресурсного потенциала территории².

По мере наращивания внутренних туристских потоков степень воздействия туристской деятельности на окружающую природную среду может увеличиться, также ускорится антропогенное воздействие на природные ресурсы и их потребление [6]. Чтобы это не привело к отрицательным результатам, необходимо внедрение новых эффективных туристских технологий и оптимальное регулирование процессами воздействия на природные ресурсы. На этом акцентируют свое внимание Дж. Кхетту и А. Д. Разин [7]. Их точка зрения состоит в том, что в отношении прибрежных курортов сохранение природных ресурсов и биоразнообразия является задачей, которую необходимо ставить еще на стадии разработки стратегии развития туризма и проектирования различных типов туристских объектов и курортов. Эта позиция актуальна и для российской практики создания туристских центров. В исследовании этих авторов рассматриваются стратегии развития туризма, роль проектирования различных типов туристических объектов и курортов для развития данной индустрии в прибрежных районах Алжира с учетом сохранения природных ресурсов и биоразнообразия. Другие исследователи

¹ Хлебников С. С. Формирование ресурсного потенциала туристской территории: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 23.12.13. Сочи, 2013. С. 27.

² Левочкина Н. А. Формирование ресурсного обеспечения сферы туризма (на примере Омского региона): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 16.03.07. Москва, 2007. С. 22.

отмечают, что при чрезмерной нагрузке на природные ресурсы типичным ответом на это является принятие мер регулирования режима доступа в зоны для посетителей [8]. В этом контексте Б. И. Кочуров предлагает снизить антропогенную нагрузку на природу и сохранить приемлемое качество окружающей среды³.

Безусловно, это разумный и ответственный подход, когда действительно имеет место деградация природных ресурсов и окружающей среды в целом [9]. Однако возникает вопрос: как при этом соблюсти экономические интересы инвесторов и предпринимателей в получении максимальной прибыли при минимальных затратах? Эту проблему необходимо преодолевать в каждом конкретном случае на этапе планирования и реализации бизнеса всеми заинтересованными сторонами. Она может усложниться еще и тем, что часто вопросы использования природных ресурсов, вовлекаемых в туристские технологии, не могут быть решены в пределах одного региона. Эту точку зрения высказывает Р. Р. Чотчаева, которая замечает, что иногда эти регионы являются приграничными, и реализация задач рационального природопользования требует международного согласования⁴.

Некоторые зарубежные авторы обращают внимание на природные ресурсы и туризм во взаимосвязи с энергетическим ростом и превышением норм содержания углекислого газа в воздухе и развитии возобновляемых источников энергии [10; 11]. Этот аспект приобретает особую актуальность в том числе в связи с пиковыми нагрузками на энергетические сети в разгар туристского сезона и формированием чрезмерных туристских потоков, а сверхнормативные выбросы CO₂ не улучшают естественные условия оздоровления.

О. А. Артемьева обращает внимание на усиление дифференциации туристских ресурсов [12]. Этому, по нашему мнению, способствует реализация концепции пространственного развития туризма. Она предусматривает вовлечение в туристское производство новых ресурсов, обладающих высокой туристской аттрактивностью⁵. Ускорение процесса дифференциации природных ресурсов происходит в результате поиска новых видов туризма и разработки инновационных технологий. Они формируют новые или увеличивают действующие потоки туристов.

Многие авторы уделяют внимание классификации туристских ресурсов и ее природной составляющей. Однако современных публикаций на эту тему немного, можно сказать, единицы [13]. Более поздние разработки явно не соответствуют современным требованиям, учитывая переориентацию

³ Кочуров Б. И. Конвергентные факторы эколого-хозяйственного и ноосферного развития Северного Кавказа // Актуальные направления сбалансированного развития горных территорий в контексте междисциплинарного подхода: материалы I Междунар. науч. конф. (27–29 сентября 2019 г.). Карачаевск: КЧГУ, 2019. С. 4.

⁴ Чотчаева Р. Р. Экология в современном мире // Там же. С. 164–167.

⁵ Сарян А. А. Пространственное развитие туризма как направление его экстенсивного развития // Там же. С. 271–275.

туристских потоков в условиях кризиса на поездки в направлении российских курортов и туристических центров, и возрастание значения новых природных ресурсов, вовлекаемых в развитие внутреннего туризма.

Некоторые из авторов отмечают лидирующую роль как природных ресурсов региона, так и отдельных привлекательных его элементов в организации туризма. Так, Н. В. Сычева полагает, что люди едут в туристскую поездку, чтобы удовлетворить свою приоритетную потребность в общении с природой, обладающей высокой аттрактивностью [14]. Некоторые авторы, выделяют виды туризма, для которых природный ресурс является основой туристской специализации территории. Например, М. С. Оборин, подчеркивая роль природных лечебных факторов, отмечает, что они являются базисом для территории любой курортно-рекреационной местности, специализированной на лечебном оздоровлении [15].

А. Д. Чудновский и М. А. Жукова пишут, что «туристские ресурсы являются предпосылкой для строительства и эксплуатации туристских центров, создают возможность для формирования туристских программ и продуктов по различным видам туризма»⁶. Авторы указывают на существование тесной взаимосвязи видов туризма и характеристик местности региона (природных условий и ресурсов). Эти ресурсы представляют собой один из составляющих окружающей среды, поэтому ухудшение их состояния негативно сказывается и на состоянии этой среды в целом. К примеру, объекты показа природного происхождения, заповедные территории и туристские маршруты обостренно восприимчивы к предельным нагрузкам чрезмерных туристских потоков, превышающих их пропускную способность [16–18]. В этой связи продолжает оставаться актуальной проблема определения допустимых рекреационных нагрузок на туристские территории, особенно на особо охраняемые природные территории (ООПТ), для которых необходимо рассчитать максимальные значения туристских потоков на единицу площади, не причиняющих ущерб природной среде [19].

При исследовании природных ресурсов некоторые авторы анализируют взаимосвязь экологии больших городов и городского туризма [20]. Хорошая экология вместе с другими их природными объектами (парками, зелеными скверами, пешеходными зонами, фонтанами и т. д.) способна создать ресурсно-ориентированные города, не лишенные природной аттрактивности.

Известно, что Россия находится в нижних рядах международного рейтинга по развитию экологического туризма на базе использования природно-климатических ресурсов, в том числе ООПТ. На это обращают внимание С. А. Лебедева, Е. В. Паткина [21]. Авторы определили 6 основных факторов, сдерживающих это развитие в России – стране со значительными по

⁶ Чудновский А. Д., Жукова М. А. Управление потребительскими предпочтениями в сфере отечественного туризма и гостеприимства и основные направления реализации туристского продукта: учеб. пособие. М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. С. 55.

масштабу и качеству природными ресурсами. Н. В. Вишняков, О. Ю. Зеленская пишут о необходимости мониторинга туристской деятельности ООПТ с целью исключения чрезмерных туристских потоков, превышающих допустимую рекреационную емкость национальных парков [22].

Отдельные авторы анализируют связь между ростом численности туристских поездок и состоянием окружающей среды. Д. Майсурадзе полагает, что чрезмерный рост потока туристов ухудшает состояние окружающей среды, приводит к нерациональному потреблению уже освоенных природных ресурсов и чрезмерной нагрузке на них, недопустимой с учетом их предельной емкости⁷. Чтобы восполнить потери и придать туризму устойчивость, рекомендуется вовлечь в туристские технологии новые природные ресурсы новых территорий. Такой подход по своему замыслу предполагает достижение экономического роста не только путем создания новых хозяйственных объектов, но и оптимизации схем их дислокации на туристской территории. Простое экстенсивное наращивание размеров текущего производственного потребления природных ресурсов способно привести к отрицательным внешним эффектам по отношению к окружающей среде, самим ресурсам, туристской привлекательности территорий и потокам туристов. Достижение экономического роста, связанного с получением максимальной выгоды от использования природных ресурсов с ущербом для них, в настоящее время считается неприемлемым решением. К сожалению, существуют хозяйствующие субъекты, которые еще не осознали эту проблему, увеличивая производство туристского продукта экстенсивным путем, стремясь максимизировать прибыль, не придерживаясь рационального природопользования. Об этой проблеме считают нужным напомнить в своей публикации Е. В. Субботина и В. П. Самарина [23].

О. С. Шимова обращает внимание на тесную связь рационального природопользования с устойчивым развитием туризма, отмеченную на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию в г. Йоханнесбурге (ЮАР) в 2002 г.⁸. Она рассматривает устойчивый туризм как форму организации рационального природопользования, считая эти две категории органично едиными. В некоторых случаях требование о соблюдении бережного отношения к природным ресурсам могут ограничивать туристские потоки. Вопрос решается путем переговоров, в рамках приемлемых решений необходимо сбалансировать экономические интересы туристских предприятий с другими заинтересованными сторонами.

В современных условиях сформировался устойчивый тренд вовлечения в туризм новых видов природных ресурсов. А. В. Афанасьева вносит предложение развивать внутренний туризм и экскурсионную деятельность на базе утерянных географических объектов и объектов природного наследия [24].

⁷ Майсурадзе Д. Исследование ресурсного потенциала экологического туризма: дис. ... д-ра философии в общественной географии. Тбилиси, 2009. 53 с.

⁸ Шимова О. С. Основы устойчивого туризма: учеб. пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. 190 с.

Г. Эррера-Франко с соавторами предлагает активно развивать туризм на базе георесурсов, сформировать в этом направлении массовые туристские потоки [25]. Этот вид туризма имеет значительный потенциал развития и в России, которая обладает на своей территории множеством природных систем и объектов уникального характера.

Анализ научных публикаций о ресурсном обеспечении индустрии туризма показал, что эта тема актуальная, разноаспектная и сложная. Многими авторами признается, что природные ресурсы играют значительную роль в развитии туризма; поддерживается единый подход к освоению природных ресурсов в туристских целях в соответствии с принципами рационального природопользования; заключается, что туризм невозможен без ценных природных ресурсов, обладающих аттрактивностью для потенциальных его потребителей. Однако российские ученые в своих публикациях по исследуемой проблематике во многом обходят стороной вопросы трансформации природных ресурсов в фактор производства и потребления туристского продукта и формирования ими новых туристских направлений. Этот аспект туристической деятельности чрезвычайно важен в условиях государственной политики приоритетного развития внутреннего и въездного туризма, реализуемой во время кризиса туристской индустрии. В этой связи усиливается необходимость актуальных научно-исследовательских работ в этой области.

Материалы и методы. Источниками информации для исследования явились публикации российских и зарубежных авторов, данные Росстата и Ростуризма, аналитические материалы независимых исследовательских групп (ВЦИОМ, Центра развития региональной политики (ЦРРП), Аналитической службы АТОР, Аналитического центра НАФИ). В работе также использовались материалы исследования автора статьи, полученные в рамках реализации государственного задания Федерального исследовательского центра «Субтропический научный центр Российской академии наук» по теме «Стратегическое управление социально-экономическим развитием территории на основе принципов устойчивого развития» (№ 0492-2021-0013).

В соответствии с логикой исследования на первом его этапе были синтезированы и проанализированы накопленные научные знания по тематике исследования, на втором этапе на основе полученных результатов была раскрыта сущностная сторона проблемы трансформации природных ресурсов в фактор производства, потребления и формирования новых туристских направлений, актуализированы основные ее составляющие, далее определены возможные пути решения проблемы трансформации природных ресурсов в фактор производства и потребления комплексного туристского продукта.

Анализ и обобщения этих материалов позволили изучить проблемные аспекты исследуемой темы, выявить возможные пути их решения. В частности, была актуализирована тема трансформации природных ресурсов в фактор производства туристского продукта, определена поэтапная концептуальная схема создания и потребления туристского продукта с использованием

природных ресурсов, выявлен тренд на новые туристские направления, определяемый высокой привлекательностью природных ресурсов.

Исследование было проведено на основе системного и комплексного подходов. С помощью контент-анализа и структурно-функционального анализа выявлены роль и место природных ресурсов в производстве и потреблении туристского продукта. Методы логической интерпретации, сравнения, табличного и графического представления данных позволили определить вариант концептуальной схемы трансформации природных ресурсов в фактор производства и потребления комплексного туристского продукта, а также потребительские предпочтения, формирующие новые туристские направления с преобладанием его природной компоненты.

Результаты исследования. Технологии производства и потребления туристского продукта организуются с использованием множества природных факторов. В экономической теории последние рассматриваются как единая категория ресурсов под синтетическим названием «земля». Вовлечение этого ресурса в технологии производства туристского продукта во многих случаях является ключевым фактором, генерирующим туристские потоки определенного направления. Трансформация природного ресурса в фактор производства туристского продукта требует проведения комплекса работ по преобразованию этого ресурса и определенных затрат, чтобы сделать его пригодным для этого производства.

Рассмотрим трансформацию природного ресурса в фактор производства и потребления туристского продукта на примере превращения естественно-морского побережья в лечебный пляж для детей. Трансформация этого природного ресурса в виде участка морского берега должна осуществляться путем его преобразования и оборудования в соответствии с общими требованиями Национального стандарта Российской Федерации «Туристские услуги» (Услуги пляжей, ГОСТ Р 55698-2013) и Санитарных правил и норм (СанПиН 4060-85, Лечебные пляжи. Санитарные правила и нормы устройства, содержания и эксплуатации).

Преобразование и оборудование естественного природного объекта – участка морского берега – превращает его собственно в морской пляж, пригодный для лечения (оздоровления) детей. Рассматриваемый пляж характеризуется как морской, тип его береговой зоны – мелко-галечный. Форма собственности пляжа – ведомственная, он находится в городской черте и является специализированным. Пляж предназначен для лечения детей в возрасте от 7 до 14 лет, расположен недалеко от санатория, в котором проживают дети. Единственно на пляже могут разместиться максимум 50 детей, степень благоустройства, насыщенность оборудованием и природные условия соответствуют требованиям к такому виду рекреационного объекта. В таблице 1 представлены виды работ по приспособлению участка естественного морского берега в лечебный детский пляж, также в условных единицах по видам работ указана их стоимость.

Т а б л и ц а 1. Виды работ, выполнение которых трансформирует участок естественного морского берега в благоустроенный морской пляж для детей в возрасте от 7 до 14 лет

Table 1. Types of work, the implementation of which transforms a section of a natural sea coast into a comfortable sea beach for children aged 7 to 14

Виды работ по благоустройству и оборудованию пляжа / Types of work on the improvement and equipment of a beach	Стоимость работ по благоустройству и оборудованию пляжа (условных единиц) / Value of works on the improvement and equipment of a beach (conventional units)
1	2
Проведение берегозащитных, противооползневых и других защитных мероприятий / Coastal protection, anti-landslide and other protective measures	100
Оснащение инженерным оборудованием для подключения к централизованным городским сетям / Provision of engineering equipment for connection to centralized city networks	50
Очистка дна акватории и территории пляжа от опасных предметов, подсыпка пляжа песком, галькой и другим материалом / Cleaning the bottom of the water area and the beach area from dangerous objects, backfilling the beach with sand, pebbles and other materials	15
Функциональное зонирование береговой зоны и акватории пляжа / Functional zoning of the coastal zone and the water area of the beach	20
Приобретение и размещение на пляже инвентаря / Purchase and placement of equipment on the beach	15
Оборудование спортивной зоны / Sports area equipment	30
Оборудование зоны для детей с ограниченными физическими возможностями / Equipment of the area for children with disabilities	25
Оборудование зоны для купания детей, не умеющих плавать и с ограниченными физическими возможностями / Equipment of the bathing area for children who cannot swim and those with disabilities	35
Создание подъездных путей, пешеходных подходов и спусков / Building access roads, pedestrian approaches and descents	45
Ограждение зоны купания линией поплавков, буями и иными безопасными ограждениями / Fencing the bathing area with a line of floats, buoys and other safety barriers	5

1	2
Создание разветвленной информационно-коммуникационной системы / Building an extensive information and communication system	15
Создание спасательной службы / Creating a rescue service	15
Создание медицинского пункта / Creating a medical center	20
Создание пункта оказания дополнительных услуг / Creating a point for providing additional services	15
Всего / Total	405

На рисунке 1 представлена общая концептуальная схема этапов создания и потребления туристского продукта с использованием природных ресурсов.

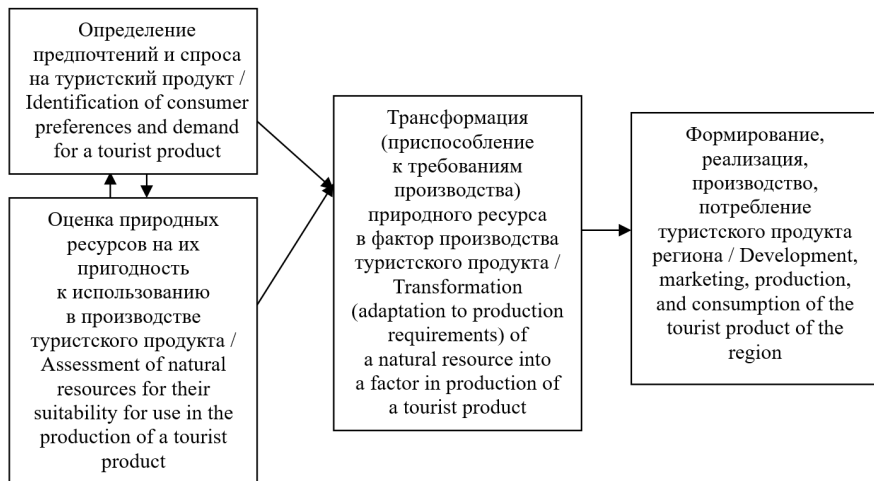

Рис. 1. Концептуальная схема трансформации природных ресурсов в базовый фактор производства и потребления туристского продукта

Fig. 1. Conceptual scheme of transformation of natural resources into a basic factor in production and consumption of a tourist product

Трансформация природных ресурсов в фактор производства осуществляется с учетом результатов изучения предпочтений и спроса потенциальных туристов, количественной и качественной оценки ресурса на предмет пригодности к применению в производстве туристского продукта, пользующегося спросом у потенциальных туристов (рис. 1). Только после этого в идеале

формируется комплексный туристский продукт, который затем реализуется в виде туров (путевок), и складываются туристские потоки и их географические направления. На завершающем этапе туристский продукт производится (оказывается комплексная туристская услуга) и одновременно потребляется туристом. Таким образом, задача по трансформации природных ресурсов в фактор производства является комплексной задачей, которая реализуется последовательно всеми субъектами в разных формах, участвующих в изучении рынка, производстве и удовлетворении потребительского спроса на туристский продукт.

Известно, что в производстве туристского продукта природный фактор используется с другими видами факторов. Их сочетание в отдельных технологиях по видам и направлениям туризма может быть разным. Городские агломерации, мегаполисы, города с миллионным населением и большинство столиц субъектов Российской Федерации располагают преимущественно социально-культурными и историческими ресурсами. Вне крупных городов преобладают виды туризма, специализированные на использовании и/или показе природных объектов и их систем, на оздоровлении природно-климатическими факторами, природная компонента которых является основной. В настоящее время получают развитие туристские направления и маршруты, связанные с освоением редких природных ресурсов. Представим некоторые из этих направлений в таблице 2.

Таблица 2. Туристские направления, определяемые видами ресурсов, и степень потребительского предпочтения к ним потенциальных туристов (2019 г.)⁹

Table 2. Tourist destinations, determined by the types of resources, and the degree of potential tourists' consumer preference for them (2019)

Территория, на которой расположен объект показа / Territory where the place of interest is located	Природный туристский ресурс / Natural tourist resource	Степень предпочтения туристского направления (в %) / Degree of consumer preference for a tourist destination (%)
1	2	3
Сахалин / Sakhalin	Остров Тюлений, термальные источники / Tyuleny Island, thermal springs	64
Шантарские острова / Shantar Islands	Наблюдение китов, косаток, белух / Watching whales, killer whales, belugas (white whales)	60

⁹ Таблица составлена по: Внутренний туризм: курс на расширение! [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vnutrennij-turizm-kurs-na-rasshirenje> (дата обращения: 15.03.2021).

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3
Тыва / Republic of Tuva	«Семь чудес древней земли» / “Seven Wonders of the Ancient Land”	50
Соловецкие острова / Solovetsky Islands	«Белужий мыс» / “Beluga Cape”	48
Калмыкия / Republic of Kalmykia	Цветение тюльпанов, лотосов / Blooming tulips, lotuses	46
Таймыр (Путоранский заповедник) / Taimyr (Putoransky Nature Reserve)	«Горная Арктика» / “Mountainous Arctic Region”	45
Пермский край / Perm Territory	«Кунгурская пещера» / “Kungur Ice Cave”	44
Якутия / Republic of Sakha (Yakutia)	«Ленские столбы» / “Lena Pillars”	41
Марий Эл / Republic of Mari El	Озеро Чуркан, конно-водные туры / Lake Churkan, horse and water tours	40
Воронежская область / Voronezh Region	«Дивногорье – меловые столбы» / “Divnogorye chalk pillars”	39
Башкортостан (Шиханы) / Republic of Bashkortostan (Shikhans)	Окаменелые рифовые массивы / Fossilized reef massifs	39
Кольский полуостров / Kola Peninsula	Тундра и лесотундра / Tundra and forest-tundra	38
Магадан / Magadan	Озеро Джека Лондона / Jack London Lake	36

Содержание таблицы 2 показывает, что отдельные территории выступают в качестве локальных очагов туристского притяжения. Они формируются благодаря высокой степени аттрактивности уникальных природных объектов, отвечающих технологическим требованиям производства отдельных видов туристского продукта.

Некоторые объекты туристского приложения уже осваиваются, так как для этого создана достаточная туристская инфраструктура. Часть объектов показа получили хорошую «маркетинговую раскрутку», интерес к ним проявляют от 50 до 65 % опрошенных респондентов. Другие природные ресурсы находятся на стадии социологической и экспертной оценки. При ее положительных результатах принимаются соответствующие решения по созданию условий для их приспособления к использованию в туристских технологиях. Реализацию

проектных решений по освоению этих ресурсов целесообразно планировать в рамках региональных программ устойчивого развития внутреннего туризма. Развитие внутреннего туризма в соответствии с государственной политикой в этой сфере предполагает вовлечение в туристские технологии ранее не освоенные природные ресурсы регионов, которые еще не сформировали потоки туристов, соразмерные пропускной способности туристских дестинаций и объектов показа, расположенных на их территории. Такой подход соответствует принципам общепризнанной концепции пространственного развития туризма в регионах.

Российская Федерация обладает значительным запасом природного потенциала, чтобы развивать большинство видов туризма на своей территории. По данным Всемирного экономического форума The Travel and Tourism Competitiveness Report 2019, Россия по уровню обеспеченности туризма базовыми природными ресурсами занимает относительно высокое 34 место среди 140 стран мира¹⁰. Поэтому проблема низкого уровня развития внутреннего туризма в сравнении с развитыми странами заключается не в отсутствии туристско-рекреационных ресурсов, а в отсутствии достаточной инфраструктуры общего и туристского пользования. Ее создание требует значительного объема капитальных, трудовых и информационных ресурсов, которыми не располагает большая часть регионов. Эта проблема усиливается дефицитом региональных бюджетов, недооценкой высокой роли туризма в социально-экономическом развитии регионов и другими факторами.

Исторически туризм на российской территории начинал развиваться в местах концентрации естественных природных ресурсов, которые в сочетании с другими ресурсами можно было приспособить и организовать в технологии по оказанию медицинской и оздоровительной помощи.

Таким образом, наличие соответствующих природных ресурсов послужило первичным основанием для создания курортов, формирования территорий с туристской специализацией, объектов показа, региональных и межрегиональных туристских маршрутов.

Широкое географическое расположение разнообразных природных ресурсов, финансовые возможности и другие факторы позволяют развивать туризм на программной основе и реализовывать в рамках этих программ различные инвестиционные проекты с учетом экономической целесообразности и экологических требований, осваивать новые ресурсы, расширять их номенклатуру. Политика создания новых центров туризма на базе освоения еще не используемых для этого природных ресурсов регионов России является основным и долгосрочным направлением политики государства в сфере туризма на долгосрочную перспективу.

¹⁰ The Travel and Tourism Competitiveness Report-2019 Reports [Электронный ресурс]. Published: 4 September 2019. UNWTO (1981). Saturation of Tourist Destinations: Report of the Secretary General, World Tourism Organisation, Madrid. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2019.pdf (дата обращения: 25.04.2021).

На территории Российской Федерации были освоены ресурсы, позволяющие в относительно короткие сроки создать центры рекреации и туристские маршруты для массового оздоровления граждан. Сначала это происходило на южных территориях с субтропическим климатом и Северном Кавказе с изобильными запасами лечебных минеральных вод. На юге использовались оздоровительные технологии с применением факторов субтропического климата, моря, солнца, воздуха, пляжных зон, памятников природы.

В современных условиях с развитием новых видов туризма традиционные направления потока туристов многих курортов продолжают в основном сохраняться. Об этом свидетельствуют данные опроса ВЦИОМ и Центра развития региональной политики (табл. 3). Данные таблицы показывают, как виды природных ресурсов формируют специализацию туристских направлений, курортов и объектов показа. По одним направлениям она уже сложилась (по ним наблюдается высокий уровень потребительских предпочтений), другие – на стадии становления.

Таблица 3. Туристские направления, формируемые с учетом вида туристско-рекреационных ресурсов¹¹

Table 3. Tourist destinations, created taking into account the type of tourism and recreational resources

Цели туризма, определяемые туристско-рекреационными ресурсами / Tourism goals determined by tourism and recreational resources	Регион, город, курорт / Region, city, resort	Предпочтение направления (в %) / Preference for the destination (%)
1	2	3
Отдых и развлечения / Recreation and entertainment	Крым / Crimea	29
Осмотр исторических и культурных объектов показа / Tour of historical and cultural places of interest	Санкт-Петербург / St. Petersburg	58
Осмотр природных объектов показа и животного мира / Tour of natural places of interest and wildlife	Озеро Байкал / Lake Baikal	19
Спортивный отдых / Recreational Sports	Курорт Сочи / The resort of Sochi	21
Курортно-лечебное оздоровление / Spa and medical rehabilitation	Курорт Минеральные воды / The resort of Mineralnye Vody	13

¹¹ Таблица составлена по: Внутренний туризм: курс на расширение! [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vnutrennij-turizm-kurs-na-rasshirenie> (дата обращения: 15.03.2021).

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3
Наиболее интересное туристическое место / The most interesting tourist destination	Санкт-Петербург / St. Petersburg	27
<i>Востребованные туристские направления с высоким, но не реализованным потенциалом / Popular tourist destinations with great, but unfulfilled potential</i>		
Рыбалка, мемориально-исторический, религиоз- ный, рекреационный, этнографический, со- бытийный туризм, автотуризм, речные круизы и другие виды туризма / Fishing, memorial and historical, religious, recreational, ethnographic, event tourism, auto tourism, river cruises and other types of tourism	Волгоградская об- ласть / Volgograd Region	65
Сплавы, рафтинг, предгорный, пешеходный туризм, альпинизм, сноуборд, горные лыжи, ве- лотуризм, спелеология, парашютеризм, виндсер- финг, рыбалка, морской каякинг, дайвинг, ска- лолазание, ледолазание, кайтсерфинг и другие виды туризма / Rafting, foothill, hiking, mountai- neering, snowboarding, alpine skiing, cycling, ca- ving, paragliding, windsurfing, fishing, sea kayak- ing, diving, rock climbing, ice climbing, kitesurfing, and other types of tourism	Остров Сахалин / The island of Sakha- lin	64
Приключенческий, экскурсионный, рыболов- ный туризм / Adventure, excursion, and fishing tourism	Шантарские острова / Shantar Islands	60

Пример курорта Сочи свидетельствует, что диверсификация туристской деятельности способна изменить прежнюю специализацию курорта в результате использования уникальных природных ресурсов, ранее не вовлеченных в туристские технологии. Произошла трансформация курорта в мультивидовой центр туризма, включающий не только развитую курортную инфраструктуру, но и базу спортивного и делового туризма. Курорт Сочи изначально функционировал как оздоровительный центр массового бальнеологического и пляжного туризма. С внедрением на предгорно-горной территории спортивных технологий у части потенциальных туристов он стал ассоциироваться с центром спортивного туризма, что не совсем соответствует действительности (табл. 3).

Значительная часть территории России обладает разнообразными природными ресурсами, действительно привлекательными для туристов. Однако из-за проблем с сервисом, транспортом и инфраструктурой, острой нехватки средств размещения, ярко выраженной сезонностью туризма и из-за неблагоприятного инвестиционного климата там все еще невозможно форми-ровать массовые потоки туристов, как, например, в направлении городских

агломераций, мегаполисов, южных курортов России и Северного Кавказа. Такими территориями являются восточные и северные регионы России.

Вместе с тем это не означает, что по мере устранения имеющихся там проблем нельзя будет создать условия, которые позволят организовать такие же центры для массового туризма, как по названным выше направлениям, а также сформировать разнообразные туры для относительно большого числа малых групп туристов. Результаты мониторинга потенциальных туристов (табл. 2) показывают, что среди них возрастает число групп, предпочитающих несвязанные с курортно-лечебным оздоровлением виды туризма. Они выбирают познавательный, развлекательный, приключенческий, спортивный виды туризма, в которых природная составляющая является существенным фактором формирования туристского спроса. Природные ресурсы, вовлекаемые в соответствующие технологии, как фактор производства, определяют туристскую специализацию территории, виды и цели туризма, особенности туристских технологий, количество и структуру туристского продукта и направление туристских потоков.

При циклическом распространении COVID-19 и воспроизводстве новых его мутаций добиться устойчивого развития туризма за счет привлечения новых природных ресурсов невозможно в силу ограничений на трудовые и финансовые ресурсы. Также невозможен средне- и долгосрочный прогноз динамики туризма, так как саморазвитие коронавируса пока опережает время разработки, апробации и внедрения средств защиты от него. С другой стороны, при всех отрицательных последствиях, кризис, вызванный пандемией COVID-19, приносит эффект: снижение нагрузки туристов на отдельные природные системы и окружающую среду в целом.

Когда распространение коронавирусной инфекции находится в пиковом состоянии и на внутренний туризм введены жесткие ограничения, накапливается неудовлетворенный спрос, отложенный на будущие периоды. Отложенный спрос, наложенный на действительный спрос периода снятия или ослабления ограничений, способен сформировать неуправляемые туристские потоки такой плотности и интенсивности, которые существенным образом увеличивают нагрузку на природную компоненту туристского продукта, окружающую среду, соразмерную масштабу этих потоков, повышая риски возникновения ситуации овертуризма и туризмобии [1; 6; 26; 27]. Такая картина, например, наблюдалась летом 2020 г. в г. Сочи в пик туристского сезона, во время новогодних праздников и в феврале – марте 2021 г.¹² Ситуация

¹² Что происходит в заполненном туристами Сочи [Электронный ресурс]. URL: <https://travel.rambler.ru/local/45604774-chto-proishodit-v-zapolnennom-turistami-sochi/>; В переполненном туристами Сочи начали продавать места в очередях [Электронный ресурс]. URL: <https://travel.rambler.ru/news/45348711-v-perepolnennom-turistami-sochi-nachali-prodavat-mesta-v-ocheredyah/>; Сочи раздуло от многокилометровых очередей из туристов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/social/2021/01/03/sochi-razdulo-ot-mnogokilometrovyykh-ocheredey-iz-turistov.html> (дата обращения: 16.03.2021).

становилась похожей на овертуризм начальной стадии. Поток туристов превышал пропускную способность отдельных объектов инфраструктуры горного кластера курорта, росла нагрузка на окружающую природную среду, проявилось недовольство местных жителей, обслуживающего персонала и самих туристов¹³. В период овертуризма наращивание трансформации природных ресурсов в фактор производства приостанавливается административными и финансовыми ограничениями с целью реструктуризации туристского спроса или его территориального перераспределения.

Регулятору следует учитывать, что проявления овертуризма носят еще локальный характер. Однако в стратегическом плане оценку природных ресурсов необходимо проводить независимо от текущего состояния рынка в расчете, что его кризисный цикл через некоторое время завершится и согласно закону циклического развития в последующем неизбежно наступит фаза подъема.

В оценке природных ресурсов важнейшей задачей является определение затрат на приспособление природных ресурсов к требованиям производства туристского продукта. Результаты этой работы необходимы для экономического обоснования целесообразности их использования в производстве туристских продуктов.

Практика разработки и реализации среднесрочных программ развития регионального туризма не предполагает постановку задачи оценки финансовых затрат на трансформацию природных ресурсов в фактор производства туристского продукта данного региона или отдельной территории.

Обсуждение и заключение. Ресурсное обеспечение туризма является объектом пристального внимания исследователей и экспертов. Природные условия рассматриваются ими как материальный источник образования потребительской стоимости туристского продукта, который должен соответствовать его качеству. С другой стороны, наличие природных ресурсов, выступающих одновременно в качестве не только фактора производства туристского продукта, но и его потребления, так как они осуществляются одновременно в силу специфики этого продукта, является необходимым условием функционирования туристско-рекреационных комплексов.

Использование природных ресурсов в туризме необходимо осуществлять на основе принципов рационального природопользования как формы его устойчивого состояния и развития. Решение этой задачи требует внедрения эффективных новых технологий и систем регулирования воздействия на природные ресурсы, снижение антропогенной нагрузки на природную среду в целях сохранения ее качества. Отдельными авторами отмечается, что природные ресурсы, вовлекаемые в туристские технологии, занимают первое

¹³ UNWTO определяет пропускную способность как максимальное количество людей, одновременно посещающих туристскую дестинацию, которое не вызывает отрицательных внешних эффектов.

групповое место в классификации туристских ресурсов и служат фактором, определяющим направления и размеры туристских потоков. Также необходимо отметить, что у городских агломераций, мегаполисов и городов с миллионным населением основными ресурсами, которые формируют большую часть туристских потоков, являются культурно-исторические ресурсы.

Немало хозяйствующих субъектов развивают туризм экстенсивным путем, не считаясь с требованиями рационального природопользования. Практически не рассматриваются вопросы собственно трансформации природных ресурсов в фактор производства и потребления туристского продукта как сложного капиталоемкого процесса их вовлечения, по сути, в хозяйственный оборот при условии устойчивого туристского спроса.

Производство и потребление туристского продукта в силу своей специфики осуществляется одновременно по единой технологической цепочке. В своей основе туристские технологии организуются на комбинационном сочетании нескольких факторов производства, полученных в результате приспособления соответствующих ресурсов к технологическим особенностям производства и потребления туристского продукта. Ресурсы природного происхождения как первичный базовый фактор производства являются его несущей конструкцией. В конечном итоге они определяют дислокацию центров туризма, направления туристских потоков, схемы построения технологий, специализированных на выпуске определенных видов туристского продукта.

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, и государственная политика в связи с этим сформировали несколько тенденций. К ним относятся расширение географии внутреннего туризма, перераспределение направлений потока туристов, локальное повышение антропогенного воздействия на природную среду, увеличение потребности на туристский продукт, в котором преобладает его природная компонента. Кризис придал состоянию туризма неустойчивый характер, в определенной степени сделав таким и процесс трансформации природных ресурсов в фактор туристского производства.

Следует признать, что в научной литературе этому процессу не уделяется должного внимания, несмотря на признание отдельными авторами и региональным законодательством ключевой и решающей роли природных ресурсов в создании туристского продукта. По сути, теория факторов производства из общей экономической теории не получила должного прикладного приложения в области производства и потребления туристского продукта, учитывая, что эти два этапа осуществляются одновременно.

Отметим некоторые аспекты этого вопроса. Известно, что природные ресурсы в процессе организации производства туристского продукта необходимо трансформировать в его технологический фактор, который в сочетании, как минимум, с трудом, капиталом, предпринимательскими способностями и информацией образует технологию производства и потребления туристских продуктов. Научный подход в организации туристского производства

предполагает четкое разделение понятий «ресурс» и «фактор» на сущностном уровне. Природный ресурс, обладая туристской привлекательностью, непосредственно не используется в производстве туристского продукта. Для этого необходимо его в буквальном смысле превратить (трансформировать) в фактор производства, т. е. преобразовать таким образом, чтобы этот ресурс отвечал технологическим особенностям производства и оказания туристских услуг. Этот процесс является одним из капиталоемких в структуре общих затрат на реализацию туристского проекта.

В российских публикациях некоторые из авторов не демонстрируют понимание сущностной разницы между ресурсом и фактором производства туристского продукта, в некоторых случаях допускается подмена этих понятий, уделяется поверхностное внимание значению природных ресурсов как базового ресурса производства туристского продукта. Недостаточно внимания уделяется роли природных ресурсов в формировании географических направлений туристских потоков и проблемам, которые связаны собственно с трансформацией природных ресурсов в фактор туристского производства и потребления. Трансформация в данной статье понимается как целенаправленное воздействие на ресурс с целью его приспособления к требованиям производства и потребления определенного вида туристского продукта. Дефицит внимания к этим вопросам снижает уровень экономического обоснования программ развития туризма, приводит к частой корректировке значений плановых показателей этих программ или к невыполнению плановых заданий.

Сегодня существует потребность в определенном научном переосмыслении подходов в разработке концепций, стратегий и программ устойчивого развития внутреннего туризма. Предлагается, чтобы их разработка осуществлялась с учетом следующих рекомендаций:

- концептуальные, стратегические и программные решения необходимо принимать строго на основе достоверных прогнозных оценок туристского спроса на туристский продукт и реальным ресурсным обеспечением его производства и потребления, особенно природного происхождения как базового ресурса выпуска многих видов туристского продукта, определяющего также направление и размер региональных туристских потоков;
- концептуальные положения, цели и задачи стратегии развития регионального туризма и программные мероприятия должны быть в высшей степени обоснованными с точки зрения полной обеспеченности туристского производства доступными природными ресурсами, пригодными к трансформации в базовый фактор выпуска конкурентных туристских продуктов, способными сформировать устойчивые региональные туристские потоки заданного направления, размера, интенсивности и плотности;
- обоснованным является включение в программные документы развития туризма отдельной позицией стоимостной оценки трансформации природных ресурсов в фактор производства и потребления туристского продукта,

а также затрат на формирование региональных туристских потоков по основным наиболее массовым направлениям, помимо общих и других затрат на реализацию туристского проекта.

Результаты исследования могут быть использованы регулятором при социально-экономическом обосновании стратегических и среднесрочных программ развития внутреннего и въездного туризма в регионах России на базе их природного и общего туристского потенциала, а также в практической работе по реализации конкретных проектов по развитию туризма на территориях, обладающих аттрактивными для потенциальных туристов природными ресурсами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аигина, Е. В. Сверхтуризм и туризмофобия: новые явления или старые проблемы / Е. В. Аигина. – DOI [10.24411/1995-0411-2018-10404](https://doi.org/10.24411/1995-0411-2018-10404) // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2018. – № 4. – С. 41–55. – Рез. англ.
2. Ruban, D. A. Natural Resources of Tourism: Towards Sustainable Exploitation on a Regional Scale / D. A. Ruban. – DOI [10.3390/su13126685](https://doi.org/10.3390/su13126685) // Sustainability. – 2021. – Vol. 13, issue 12.
3. Орлова, В. С. Потенциал сферы туризма и рекреации Европейского Севера: оценка и направления развития в условиях освоения Арктики / В. С. Орлова. – DOI [10.15838/esc.2021.1.73.10](https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.10) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 141–153. – Рез. англ.
4. Анализ природных предпосылок развития экологического туризма на Белгородчине / Е. А. Пендюрин, С. А. Ряднова, О. Н. Гененко, Е. В. Харьковская // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Биология и экология. – 2017. – № 2. – С. 345–352. – URL: <http://eprints.tversu.ru/7763/> (дата обращения: 15.04.2021). – Рез. англ.
5. Ефремов, А. В. Роль природных ресурсов в развитии туризма / А. В. Ефремов // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 244. – С. 69–74. – URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/91081/17-Efremov.pdf?sequence=110404> (дата обращения: 15.02.2021).
6. Ветитнев, А. М. Отношение жителей к туристам как показатель проблем овертуризма и туристификации к туристическим направлениям (на примере города-курорта Сочи) / А. М. Ветитнев, Д. В. Чигарев. – DOI [10.24411/1995-0411-2019-10411](https://doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10411) // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2019. – Т. 13, № 4. – С. 112–121. – Рез. англ.
7. Khetto, D. Strategies for Sustainable Development of Tourism by Building Tourist Attractions (an Example of Algerian Coast) / D. Khetto, A. D. Razin. – DOI [10.7256/2310-8673.2020.3.34070](https://doi.org/10.7256/2310-8673.2020.3.34070) // Урбанистика. – 2020. – № 3. – С. 91–101.
8. Wolf, I. D. Nature Conservation and Nature-Based Tourism: A Paradox? / I. D. Wolf, D. B. Croft, R. J. Green. – DOI [10.3390/environments6090104](https://doi.org/10.3390/environments6090104) // Environments. – 2019. – Vol. 6, issue 9.
9. Виноградов, Е. С. Негативные аспекты развития природоориентированного туризма / Е. С. Виноградов. – DOI [10.22412/1995-042X-11-5-2](https://doi.org/10.22412/1995-042X-11-5-2) // Сервис в России и за рубежом. – 2017. – Т. 11, № 5 (75). – С. 19–28. – Рез. англ.

10. Natural Resources, Tourism Development, and Energy-Growth-CO2 Emission Nexus: A Simultaneity Modeling Analysis of BRI Countries / A. Khan, Y. Chenggang, J. Hussain [et al.]. – DOI [10.1016/j.resourpol.2020.101751](https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101751) // *Resources Policy*. – 2020. – Vol. 68.
11. The Role of Tourism, and Natural Resources in the Energy-Pollution-Growth Nexus: An Analysis of Belt and Road Initiative Countries / X. Sun, Y. Chenggang, A. Khan [et al.]. – DOI [10.1080/09640568.2020.1796607](https://doi.org/10.1080/09640568.2020.1796607) // *Journal of Environmental Planning and Management*. – 2021. – Vol. 64, issue 6. – Pp. 999–1020.
12. Артемьева, О. А. Особенности ресурсного обеспечения туристской деятельности / О. А. Артемьева // *Сервис в России и за рубежом*. – 2009. – № 5. – С. 19–31. – URL: http://service-rusjournal.ru/index.php?do=cat&category=2009_5 (дата обращения: 10.02.2021).
13. Белицкая, О. В. Роль туристско-рекреационных ресурсов в устойчивом социально-экономическом развитии региона / О. В. Белицкая // *Курорты. Сервис. Туризм*. – 2017. – № 3-4 (36–37). – С. 6–14. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32284706> (дата обращения: 10.02.2021).
14. Сычева, Н. В. Туристский ресурс как фактор экономического развития региона / Н. В. Сычева // *Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2011. – № 8 (127). – С. 136–142. – URL: <http://vestnik.osu.ru/doc/1033/article/5820/lang/0> (дата обращения: 10.04.2021).
15. Оборин, М. С. Природно-ресурсный потенциал региона как основа развития лечебно-оздоровительного туризма / М. С. Оборин // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. – 2018. – Т. 4 (14), вып. 1. – С. 17–30. — URL: <http://geopolitika.cfuv.ru/wp-content/uploads/2018/06/17-30.pdf> (дата обращения: 15.04.2021). – Рез. англ.
16. Минченко, В. Г. Территориальная система природопользования как основа развития туризма в Краснодарском крае / В. Г. Минченко, Е. Л. Заднепровская. – DOI [10.22412/1995-0411-2017-11-4-68-77](https://doi.org/10.22412/1995-0411-2017-11-4-68-77) // *Современные проблемы сервиса и туризма*. – 2017. – Т. 11, № 4. – С. 68–77. – Рез. англ.
17. Шубницина, Е. И. Природный туризм в национальном парке и рекреационная нагрузка / Е. И. Шубницина // *Труды Мордовского государственного природного заповедника имени П. Г. Смирнова*. – 2016. – Вып. 17. – С. 250–258. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26539765> (дата обращения: 23.04.2021).
18. Sun, Q. Impact of Tourism Activities on Water Pollution in the West Lake Basin (Hangzhou, China) / Q. Sun, Z. Liu. – DOI [10.1515/geo-2020-0119](https://doi.org/10.1515/geo-2020-0119) // *Open Geosciences*. – 2020. – Vol. 12, issue 1. – Pp. 1302–1308.
19. Кириллов, С. Н. Регулирование рекреационных нагрузок на степные ландшафты природных парков волгоградской области / С. Н. Кириллов, А. В. Холоденко, А. О. Гречишкин. – DOI [10.24411/1728-323X-2019-11065](https://doi.org/10.24411/1728-323X-2019-11065) // *Проблемы региональной экологии*. – 2019. – № 1. – С. 65–70. – Рез. англ.
20. Zhao, Y. Resources Development and Tourism Environmental Carrying Capacity of Ecotourism Industry in Pingdingshan City, China / Y. Zhao, L. Jiao. – DOI [10.1186/s13717-019-0161-0](https://doi.org/10.1186/s13717-019-0161-0) // *Ecological Processes*. – 2019. – Vol. 8.
21. Лебедева, С. А. Барьеры развития экологического туризма и пути их преодоления / С. А. Лебедева, Е. В. Паткина. – DOI [10.18334/epp.11.5.112046](https://doi.org/10.18334/epp.11.5.112046) // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2021. – Т. 11, № 5. – С. 1271–1288. – Рез. англ.
22. Вишняков, Н. В. Мониторинг туристско-рекреационной деятельности особо охраняемых природных территорий как эффективный индикатор прогнозируемого развития туристских территорий / Н. В. Вишняков, О. Ю. Зеленская. – DOI

10.18470/1992-1098-2018-4-119-128 // Юг России: экология, развитие. – 2018. – Т. 13, № 4. – С. 119–128. – Рез. англ.

23. Субботина, Е. В. Формирование нового взгляда на проблемы рационального природопользования и охраны окружающей среды / Е. В. Субботина, В. П. Самарина // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 1-1. – С. 238–241. – URL: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30934> (дата обращения: 15.04.2021). – Рез. англ.

24. Afanasyeva, A. V. Lost Geographical Sites in the Contemporary Tourism Industry / A. V. Afanasyeva. – DOI 10.31838/jcr.07.13.59 // Journal of Critical Reviews. – 2020. – Vol. 7, issue 13. – Pp. 345–349.

25. Geosites and Georesources to Foster Geotourism in Communities: Case Study of the Santa Elena Peninsula Geopark Project in Ecuador / G. Herrera-Franco, P. Carrión-Mero, F. Morante-Carballo [et al.]. – DOI 10.3390/su12114484 // Sustainability. – 2020. – Vol. 12, issue 11.

26. Hospers, G.-J. Overtourism in European Cities: From Challenges to Coping Strategies / G.-J. Hospers // CESifo, Forum. – 2019. – Vol. 20, issue 3. – Pp. 20–24. – URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/216242/1/CESifo-Forum-2019-03-p20-24.pdf> (дата обращения: 14.05.2021).

27. Milano, C. Overtourism and Tourismphobia: Global Trends and Local Contexts / C. Milano. – DOI 10.13140/RG.2.2.13463.88481. – Technical Report. – 2017.

Поступила 02.04.2021; одобрена после рецензирования 11.05.2021; принята к публикации 19.05.2021.

Об авторе:

Сарян Аюп Айгазович, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук» (354002, Российская Федерация, г. Сочи, ул. Я. Фабрициуса, д. 2/28), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3652-5701>, akopsar@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Aigina E.V. Overtourism and Tourismphobia: New Phenomena or Old Problems? *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service and Tourism: Current Challenges. 2018; (4):41-55. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://www.doi.org/10.24411/1995-0411-2018-10404>

2. Ruban D.A. Natural Resources of Tourism: Towards Sustainable Exploitation on a Regional Scale. *Sustainability*. 2021; 13(2). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/su13126685>

3. Orlova V.S. Potential of the Tourism and Recreation Sphere in the European North: Evaluation and Development Vector in Terms of the Arctic Development. *Ehkonomichekije i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2021; 14(1):141-153. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://www.doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.10>

4. Pendyurin E.A., Ryadnova S.A., Genenko O.N., Kharkivskaya E.V. Natural Preconditions of Ecological Tourism in Belgorod Region. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Herald of Tver State University. Series: Biology and Ecology. 2017; (2):345-352. Available at: <http://eprints.tversu.ru/7763/> (accessed 15.04.2021). (In Russ.)

5. Efremov A.V. The Role of Natural Resources in the Development of Tourism. *Kultura narodov Prichernomorya* = Culture of the Peoples of the Black Sea Region. 2012; (244):69-74. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/91081/17-Efremov.pdf?sequence=110404/> (accessed 15.02.2021). (In Russ.)
6. Vetitnev A.M., Chigarev D.V. The Attitude of Host Destination Residents Towards Tourists as the Indicator of Problems of Overtourism and Tourismphobia (The Case of the City Resort of Sochi). *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service and Tourism: Current Challenges. 2019; 13(4):112-121. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://www.doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10411>
7. Khettou D., Razin A.D. Strategies for Sustainable Development of Tourism by Building Tourist Attractions (An Example of Algerian Coast). *Urbanistika* = Urban Studies. 2020; (3):91-101. (In Eng.) DOI: <https://www.doi.org/10.7256/2310-8673.2020.3.34070>
8. Wolf I.D., Croft D.B., Green R.J. Nature Conservation and Nature-Based Tourism: A Paradox? *Environments*. 2019; (69). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/environments6090104>
9. Vinogradov E.S. Negative Aspects of Nature-Oriented Tourism. *Servis v Rossii i za rubezhom* = Service in Russia and Abroad. 2017; 11(5):19-28. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.22412/1995-042X-11-5-2>
10. Khan A., Chenggang Y., Hussain J., Bano S., Nawaz A.A. Natural Resources, Tourism Development, and Energy-Growth-CO2 Emission Nexus: A Simultaneity Modeling Analysis of BRI Countries. *Resources Policy*. 2020; 68. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101751>
11. Sun X., Chenggang Y., Khan A., Hussain J., Bano S. The Role of Tourism, and Natural Resources in the Energy-Pollution-Growth Nexus: An Analysis of Belt and Road Initiative Countries. *Journal of Environmental Planning and Management*. 2021; 64(6):999-1020. DOI: <https://doi.org/10.1080/09640568.2020.1796607>
12. Artemyeva O.A. Resources for Tourism Activities. *Servis v Rossii i za rubezhom* = Services in Russia and Abroad. 2009; (5):19-31. Available at: http://service-rusjournal.ru/index.php?do=cat&category=2009_5 (accessed 10.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
13. Belitskaya O.V. The Role of Tourism and Recreational Resources in the Sustainable Socio-Economic Development of a Region. *Kurorty. Servis. Turizm* = Resorts. Service. Tourism. 2017; (3-4):6-14. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32284706> (accessed 10.02.2021). (In Russ.)
14. Sycheva N.V. Tourist Resource as the Factor of the Economic Development of Region. *Vestnik OGU* = Vestnik of the Orenburg State University. 2011; (8):136-142. Available at: <http://vestnik.osu.ru/doc/1033/article/5820/lang/0> (accessed 10.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Oborin M.S. Natural Resource Potential of the Region as the Basis for the Development of Health-Improving Tourism. *Geopolitika i ehkogeodinamika regionov* = Geopolitics and Ecogeodynamics of regions. 2018; 4(1):17-30. Available at: <http://geopolitika.cfuv.ru/wp-content/uploads/2018/06/17-30.pdf> (accessed 15.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Minchenko V.G., Zadneprovskaya E.L. The Tourism Development in Specially Protected Natural Territories of Krasnodar Krai. *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service & Tourism: Current Challenges. 2017; 11(4):68-77. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.22412/1995-0411-2017-11-4-68-77>
17. Shubnitsina E.I. Natural Tourism in a National Park and Recreational Load. *Trudy Mordovskogo gosudarstvennogo prirodnogo zapovednika imeni P. G. Smidovicha* = Proceedings of the Smidovich Mordovia Nature Reserve. 2016; (17):250-258. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26539765> (accessed 23.04.2021). (In Russ.)

18. Sun Q., Liu Zh. Impact of Tourism Activities on Water Pollution in the West Lake Basin (Hangzhou, China). *Open Geosciences*. 2020; 12(1):1302-1308. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1515/geo-2020-0119>

19. Kirillov S.N., Kholodenko A.V., Grechishkin A.O. Regulation of Recreational Loads on the Steppe Landscapes in the Natural Parks of the Volgograd Region. *Problemy regional'noy ehkologii* = Regional Environmental Issues. 2019; (1):65-70. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24411/1728-323X-2019-11065>

20. Zhao Y., Jiao L. Resources Development and Tourism Environmental Carrying Capacity of Ecotourism Industry in Pingdingshan City, China. *Ecological Processes*. 2019; 8. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1186/s13717-019-0161-0>

21. Lebedeva S.A., Patkina E.V. Barriers to Ecotourism Development and Ways to Overcome Them. *Economics, Entrepreneurship and Law*. 2021; 11(5):1271-1288. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.11.5.112046>

22. Vishnyakov N.V., Zelenskaya O.Yu. Monitoring of the Tourist-Recreational Activity of Specially Protected Natural Territories as an Effective Indicator of Predicted Development of Tourist Territories. *Yug Rossii: ehkologiya, razvitie* = South of Russia: Ecology, Development. 2018; 13(4):119-128. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18470/1992-1098-2018-4-119-128>

23. Subbotina E.V., Samarina V.P. Creating a New Look at the Problems of Environmental Management and Environmental. *Fundamentalnye issledovaniya* = Fundamental Research. 2013; (1-1):238-241. Available at: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30934> (accessed 15.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

24. Afanasyeva A.V. Lost Geographical Sites in the Contemporary Tourism Industry. *Journal of Critical Reviews*. 2020; 7(13). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31838/jcr.07.13.59>

25. Herrera-Franco G., Carrión-Mero P., Morante-Carballo F., Briones-Bitar J., Alvarado N., Maldonado A., et al. Geosites and Georesources to Foster Geotourism in Communities: Case Study of the Santa Elena Peninsula Geopark Project in Ecuador. *Sustainability*. 2020; 12(11). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/su12114484>

26. Hospers G. Overtourism in European Cities: From Challenges to Coping Strategies. *CESifo, Forum*. 2019; 20(3):20-24. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/216242/1/CESifo-Forum-2019-03-p20-24.pdf> (accessed 14.05.2021). (In Eng.)

27. Milano, C. Overtourism and Tourismphobia: Global Trends and Local Contexts. Technical Report. Autonomous University of Barcelona. Spain, 2017. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13463.88481>

Submitted 02.04.2021; approved after reviewing 11.05.2021; accepted for publication 19.05.2021.

About the author:

Akop A. Saryan, Leading Researcher, Federal Research Centre "Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences" (2/28 Ya. Fabritsiusa St., Sochi 354002, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3652-5701>, akopsar@rambler.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Региональные особенности развития туристской инфраструктуры и их влияние на туризм

М. А. Морозов^{1,2}Н. С. Морозова^{2*}

¹ ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» (г. Москва, Российская Федерация)

² АНО ВО «Российский новый университет»

(г. Москва, Российская Федерация),

* sks@rosnou.ru

Введение. Туристская деятельность выступает в качестве одного из важных драйверов развития региональных экономик. Особенно значимость регионального туризма возросла в последний год, когда ограничения международного туристского передвижения, обусловленные пандемией COVID-19, переориентировали туристские потоки на внутренний туризм. Актуальность темы исследования обусловлена особенностями и неравномерностью развития туризма и туристской инфраструктуры в разных регионах страны и необходимостью выявления причин и последствий возникающих диспропорций. Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить региональные особенности развития инфраструктуры туризма и влияющие на них факторы.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе анализа официальных статистических данных Росстата и Ростуризма о развитии туризма и туристской инфраструктуры по федеральным округам Российской Федерации. Для выявления уровня развития инфраструктуры туризма были использованы экономико-статистические методы и специфические показатели, характеризующие туристскую инфраструктуру, в том числе индексы Берете – Деферта, Шнайдера и др. Проведен горизонтальный и структурный анализ статистических данных о развитии туризма и его инфраструктуры, позволивший выявить особенности регионального развития туристской инфраструктуры.

Результаты исследования. В статье проанализированы статистические данные, характеризующие туристскую деятельность, изучены региональные диспропорции в развитии туристской инфраструктуры, выявлены причины и последствия неравно-

© Морозов М. А., Морозова Н. С., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

мерности развития регионального инфраструктурного обеспечения туристской деятельности, сформулированы предложения по их учету при разработке стратегических мастер-планов развития туристских территорий.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты могут быть использованы при разработке стратегий развития регионального инфраструктурного обеспечения туристской деятельности, создании мастер-планов туристских дестинаций, что будет способствовать повышению научной обоснованности принимаемых управленческих решений в области развития туристской деятельности на региональном уровне.

Ключевые слова: туризм, инфраструктура туризма, туристский рынок, диспропорция, региональный туризм, туристская деятельность, туристская дестинация

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Морозов, М. А. Региональные особенности развития туристской инфраструктуры и их влияние на туризм / М. А. Морозов, Н. С. Морозова. – DOI 10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610 // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 588–610.

Regional Features of Development of Tourism Infrastructure and Their Impact on Tourism

M. A. Morozov^{a, b}, N. S. Morozova^{b*}

^a Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation)

^b Russian New University (Moscow, Russian Federation),

* sks@rosnou.ru

Introduction. Tourism activities are important development drivers of regional economies. Regional tourism has gained special significance in the last year, when restrictions on international travel caused by the COVID-19 pandemic diverted tourist flows to domestic travel. The research topic is of relevance because of the peculiarities and uneven development of tourism and tourism infrastructure in different regions of Russia and because of the need to identify the causes and consequences of the emerging imbalances. Based on the results of the conducted research, the article identifies the regional features of development of tourism infrastructure and the factors affecting them.

Materials and Methods. The study was based on the analysis of official statistical data from Russian Federal State Statistics Service and the Federal Agency for Tourism regarding the development of tourism and tourism infrastructure in the federal districts of the Russian Federation. To identify the level of development of the tourism infrastructure, economic and statistical methods were used, as well as specific indicators characterizing the tourist infrastructure, including the Baretje-Defert and Schneider indices, etc. A horizontal and structural analysis of statistical data on the development of tourism and its infrastructure was carried out, which made it possible to identify the features of regional development of tourism infrastructure.

Results. The authors have analyzed statistical data characterizing tourism activities, studied regional imbalances in the development of tourism infrastructure, identified the causes and consequences of uneven development of regional infrastructural support for tourism activities, and formulated proposals for taking them into account when developing strategic master plans for development of tourist areas.

Discussion and Conclusion. The results obtained can be used when devising strategies for development of regional infrastructural support for tourism activities, as well as when preparing master plans for tourist destinations, which will contribute to increasing the scientific validity of managerial decisions regarding tourism development at the regional level.

Keywords: tourism, tourism infrastructure, tourist market, imbalance, regional tourism, tourism activities, tourist destination

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Morozov M.A., Morozova N.S. Regional Features of Development of Tourism Infrastructure and Their Impact on Tourism. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(3):588-610. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610>

Введение. Индустрия туризма представляет собой социально значимый вид деятельности, так как обеспечивает восстановление человеческого капитала за счет предоставления туристско-рекреационных услуг. Объем потребляемых туристских услуг является важным индикатором качества жизни населения. Туризм за счет генерации мультипликативного эффекта способствует развитию других отраслей экономики, включая строительство, транспорт, развитие дорожной инфраструктуры, торговлю и прочие отрасли. Развитие туристской деятельности в регионе генерирует дополнительные доходы в региональные бюджеты, формирует рабочие места не только в индустрии туризма и гостеприимства, но и в смежных отраслях экономики, повышает жизненный уровень местного населения, что в целом способствует улучшению социально-экономической обстановки в регионе. Важное значение имеют межрегиональные маршруты, которые позволяют в рамках одного путешествия обеспечить большую привлекательность. Например, проект «Императорский маршрут» описывает жизнь семьи императора Николая II и проходит по 19 регионам России¹.

Ключевым условием развития туризма является наличие привлекательных туристско-рекреационных ресурсов, которые выступают в качестве основной мотивации путешествия². Важное значение имеет и уровень развития инфраструктурного обеспечения туристской дестинации. В процессе осуществления туристской деятельности используется как общая региональная, так и специфическая туристская инфраструктура. К общей инфраструктуре относятся аэропорты, дороги, электро- и газоснабжение и т. п. В специфическую туристскую инфраструктуру входят коллективные средства размещения, туристские достопримечательности, туристские информационные центры и пр.

¹ В России разработают межрегиональные туристические маршруты [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200704/1573892891.html> (дата обращения: 25.04.2021).

² Сервис и туризм в условиях цифровизации российской экономики: моногр. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 176 с.

На важность развития туристской инфраструктуры указывает то, что в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» выделен отдельный федеральный проект «Развитие туристской инфраструктуры», в котором предусмотрено создание мастер-планов туристских территорий с учетом необходимой туристской инфраструктуры³.

Для многих регионов Российской Федерации туристская деятельность выступает в качестве драйвера экономического роста, обеспечивает улучшение социального климата за счет активного вовлечения местного населения в туристскую деятельность и роста занятости, а также повышение инвестиционной привлекательности регионов. Инвестиции в туристскую инфраструктуру поддерживаются в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства».

Мировая сфера туризма и гостеприимства в наибольшей степени пострадала от ограничений, введенных в связи с пандемией COVID-19. В соответствии с данными UNWTO (Всемирной туристской организации), в 2019 г. было зафиксировано 1,5 млрд международных прибытий, в 2020 г. их число резко сократилось на 74 % и составило 381 млн прибытий, при этом потери сферы туризма оцениваются в 1,3 трлн долл.⁴. Невозможность осуществлять зарубежные путешествия особенно остро поставила вопрос о необходимости развития инфраструктуры внутреннего туризма. Российские граждане получили богатый туристский опыт международных путешествий, в результате которого у них сформировался высокий уровень требований к качеству туристских услуг и туристской инфраструктуры. Создание российских туристских дестинаций, имеющих необходимую туристскую инфраструктуру и способных обеспечить высокое качество туристского обслуживания, является важной задачей развития внутреннего и въездного туризма и восстановления региональной экономики.

В настоящее время в России наблюдается неравномерность развития туристской индустрии в разных регионах страны, что обусловило актуальность изучения проблемы региональных инфраструктурных диспропорций в сфере туризма. Цель статьи – по результатам проведенного исследования оценить развитие туристской инфраструктуры на уровне федеральных округов и выявить ее региональные особенности.

Обзор литературы. Исследованиям инфраструктуры туризма посвящено большое количество трудов отечественных и иностранных ученых. Особое внимание уделено изучению терминологического аппарата, составу туристской инфраструктуры и ее влиянию на развитие туризма [1].

В работе А. Хаджик, М. Грабара показано, что туристская инфраструктура в широком смысле включает все те объекты, которыми пользуются туристы,

³ Дмитрий Чернышенко: Детский и семейный отдых – приоритет национального проекта по туризму [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/42093/> (дата обращения: 30.04.2021).

⁴ 2020: A Year in Review [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwto.org/covid-19-and-tourism-2020> (дата обращения: 25.04.2021).

когда покидают свои дома, достигают места назначения и возвращаются домой, при этом большая часть туристской инфраструктуры также постоянно используется резидентами, т. е. местными жителями туристской дестинации [2].

П. Мерфи, М. П. Причард, Б. Смит показали, что инфраструктура во многом определяет успех развития туризма и эффективность предпринимательства в сфере туристских услуг [3]. Авторы подчеркивают, что туристская инфраструктура оказывает сильное влияние на восприятие туристами качества и ценности туристского продукта, что влияет на оценку конкурентоспособности дестинации.

Относительно малоисследованными остаются вопросы, связанные с количественными оценками развития туристской инфраструктуры в отдельных странах и дестинациях. В работах П. Зеглена [4], С. Н. Смирнова [5] приведены основные показатели, используемые для оценки туристской инфраструктуры на уровне отдельных стран.

Исследуя развитие туризма в Китае, Ю. Чжао и Б. Лю акцентируют внимание на важности развития обеспечивающей инфраструктуры туризма, в частности, транспортной и информационной составляющей инфраструктуры [6]. Они подчеркивают, что развитие транспортной инфраструктуры, в том числе сети высокоскоростных железных дорог, улучшает впечатление туристов от пребывания в дестинации. Дж. Л. Эухенио-Мартин исследует влияние расширения транспортной инфраструктуры аэропорта на рост туристских потоков. Автором представлена прямо пропорциональная зависимость пропускной мощности аэропорта и туристского потока в дестинацию [7]. В работах О. Адеола и О. Эванса [8], М. М. Морозова [9] показана важность информационно-коммуникационной составляющей инфраструктуры для развития туристской деятельности. Следует особо подчеркнуть роль информационно-коммуникационной инфраструктуры туристской деятельности, которая в условиях цифровой трансформации выступает в качестве ключевого фактора конкурентоспособности туристских дестинаций [10].

В статье А. Мандича, Э. Мрняваца и Л. Кордича исследована взаимосвязь между туристской инфраструктурой, рекреационными объектами и развитием туризма, а также их соответствие текущему этапу развития туризма в дестинации [11]. Проанализирована роль частного сектора в развитии инфраструктуры и объектов назначения и показано, что участие частного сектора различается в зависимости от типа инфраструктуры, объектов и мест назначения, используемой модели взаимодействия (государственно-частное партнерство, концессии). Авторы выявили, что уровень соответствия между стадией развития туризма и состоянием инфраструктуры и объектов различается, особенно между дестинациями на начальной и зрелой фазе развития туризма.

Вопросам применения государственно-частного партнерства для создания туристской инфраструктуры посвящены работы Т. В. Юрьевой [12].

В исследовании М. Сигала пандемия COVID-19 рассматривается как трансформационная возможность для развития туризма и туристской инфраструктуры [13]. Автор отмечает, что туризм, несмотря на то, что подвержен многочисленным экологическим, политическим и социально-экономическим рискам, достаточно устойчив к восстановлению после различных кризисов и вспышек, например, терроризма, землетрясений, лихорадки Эбола, атипичной пневмонии, вируса Зика и т. п. Однако пандемия породила долгосрочные структурные и трансформационные изменения в туризме. М. Сигала акцентирует внимание на том, что пандемия COVID-19 резко усилила важность информационно-коммуникационной инфраструктуры туризма и породила цифровое неравенство в туризме. Те, у кого есть инструменты и средства, чтобы легче пережить последствия пандемии COVID-19, также смогут платить и получать доступ к виртуальному туризму. Они будут хорошо информированы о том, где и когда безопасно путешествовать, смогут позволить себе путешествия в будущем, поскольку рост эксплуатационных расходов на соблюдение санитарно-эпидемиологических норм и транспортные олигополии могут увеличить стоимость путешествий. Инфраструктурные объекты туризма, включая аэропорты, отели, рестораны, общественные места, модернизируют свою деятельность, чтобы сделать их бесконтактными, что порождает изменение требований к инфраструктуре туризма.

Часть исследований посвящена изучению влияния пандемии COVID-19 на туризм и инфраструктурное обеспечение туризма [14–16]. Актуальны исследования модификации инфраструктуры туризма, обусловленные глобальной цифровизацией [17; 18].

Важным элементом туристской инфраструктуры является человеческий капитал, который Б. Тапа называет мягкой инфраструктурой и показывает его важность с точки зрения обеспечения качества предоставляемых туристских услуг [19].

Важным вопросом является изучение роли государства в формировании инфраструктуры туризма. М. Петрова, Н. Дехтяр, О. Клок, О. Лосева отмечают, что целенаправленное и разумное государственное видение долгосрочной стратегии развития туризма определяет успех страны на мировом рынке туристских услуг [20]. Во многих странах есть официально утвержденные программные документы, в которых четко прописаны основные цели и задачи государственной политики в сфере туризма, выделены ресурсный потенциал, рекреационная инфраструктура и предпочтительные потребительские рынки. Поддержание местной туристской инфраструктуры становится все более важным условием конкурентоспособности туристской дестинации.

Зарубежные исследователи Л. Андрадес и Ф. Диманче справедливо подчеркивают, что, несмотря на большой потенциал, развитию туризма в России по-прежнему препятствуют многочисленные проблемы, такие как недостаточно активное продвижение имиджа российских туристских дестинаций,

относительно слабый уровень развития туристской инфраструктуры, нехватка обученного и образованного персонала в индустрии туризма и гостеприимства, необходимость управления качеством туристских услуг и устойчивое управление туризмом [21].

Некоторые исследования посвящены изучению развития инфраструктуры туризма в отдельных странах и регионах, а также анализу обеспеченности инфраструктурой отдельных видов туризма. В работе И. В. Мищенко и соавторов рассматривается состояние туристской инфраструктуры Алтайского края [22]. По мнению авторов, отсутствие необходимой инфраструктуры не позволяет в полной мере использовать туристский потенциал региона. Для создания качественного туристского продукта уровень развития инфраструктуры должен предшествовать спросу, и инвестиционная привлекательность территориальных объектов для частных инвестиций зависит от вовлеченности государства в развитие территории.

В статье М. В. Куклиной и соавторов исследовались особенности инфраструктурного обеспечения туризма в регионе Баргузинской котловины Республики Бурятия [23]. Авторы подчеркнули, что инфраструктурные проблемы характерны для всех регионов восточной части страны. Байкальский регион имеет достаточный потенциал для того, чтобы стать крупным центром лечебно-оздоровительного туризма, однако доступ к источникам усложнен неразвитой транспортной инфраструктурой, удаленностью расположения от населенных пунктов, невозможностью использовать многие виды транспорта. Только комплексное решение проблемы по инфраструктурному развитию региона может обеспечить успешное развитие туризма в этой дестинации.

Туристская инфраструктура Калмыкии описана в публикации Г. Я. Казаковой, М. М. Магомедова, В. Ю. Палаева [24]. Авторы указывают, что используется менее 20 % потенциала санаторно-курортного и оздоровительного комплекса республики, что объясняется недостаточной развитостью инфраструктуры, включая транспортную.

В статье З. А. Мустафасовой, Ю. О. Тхамитлоковой проведена оценка инфраструктуры сферы туризма и рекреации туристско-рекреационных зон Кабардино-Балкарской республики [25]. Оценка развития инфраструктуры проводилась по 10-балльной шкале по отдельным структурным элементам: объекты размещения, питания, транспортно-дорожное обеспечение, коммунальная инфраструктура, развлекательные, культурные, спортивные объекты и др. Была выявлена неравномерность и низкая обустроенность региона в качестве туристской территории.

Исследованию инфраструктуры отдельных видов туризма посвящены работы таких авторов, как А. Ю. Черняк [26], Д. В. Смирнов [27]. Страновой анализ туристской инфраструктуры проведен в публикациях С. Йовановича и И. Илича [28], Д. Л. Константина и А. А. Ревею [29].

Уровень развития туристской деятельности в российских регионах существенно различается, что во многом зависит от наличия туристской инфраструктуры. Изучению территориальных диспропорций развития инфраструктурного обеспечения туристской деятельности посвящены труды С. В. Степановой [30; 31], И. Г. Лимониной [32], А. В. Величкиной [33] и других ученых. Так, в статье С. В. Степановой проведена оценка уровня развития инфраструктуры туризма Карелии на уровне муниципальных образований с помощью интегрального индекса, который учитывает объекты размещения, питания, досуга и отдыха; выявлены региональные диспропорции в развитии туристской инфраструктуры, которые соответствуют принямым туристским потокам, проведена типологизация муниципальных образований по уровню ее развития [30]. Для оценки инфраструктурного потенциала Ленинградской области И. Г. Лимонина использует индексный метод, метод баллов и кластерный анализ, затем выделяет районы с высоким, средним и низким уровнем его развития [32].

А. В. Величкина провела оценку развития туристской инфраструктуры Северо-Западного федерального округа на основе расчета интегрального индекса инфраструктуры, в котором учтены десять блоков инфраструктурных показателей: транспорт, информационно-коммуникационная и коммунальная инфраструктуры, объекты экологической очистки, туроператоры и турагенты, средства размещения, предприятия отдыха и развлечений, предприятия общественного питания, торговля, безопасность [33]. Данные показатели дают достаточно полное представление о туристской инфраструктуре региона, однако имеют разную значимость для развития туризма, поэтому целесообразно учитывать их вес при расчете интегрального показателя.

Проведенный обзор научных источников показал многоаспектность проблемы анализа туристской инфраструктуры и недостаточную степень изученности ее региональных особенностей.

Материалы и методы. Методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные исследованию современного туризма и его инфраструктурного обеспечения.

В качестве информационной базы исследования были использованы официальные статистические данные Росстата и его региональных подразделений, данные Ростуризма о развитии туризма и туристской инфраструктуры в региональном разрезе, данные о количестве туристских компаний, количестве мест размещения, численности размещенных лиц в коллективных средствах размещения по федеральным округам.

Для оценки уровня развития туристской инфраструктуры в разрезе федеральных округов были рассчитаны инфраструктурные туристские индексы: индекс Берете – Деферта, индекс Деферта, индекс Шнайдера, число мест для размещения туристов в расчете на 1 км² территории. В качестве базы сравнения были взяты средние значения этих индексов в странах Европейского

союза. Проведенный анализ позволил установить уровень развития туристской инфраструктуры по федеральным округам.

Результаты исследования. Региональные диспропорции в развитии туристской инфраструктуры частично объясняются объективными факторами, например, наличием туристско-рекреационных ресурсов и степенью их вовлечения в туристскую деятельность. Кроме того, на уровень развития туристской инфраструктуры оказывает влияние стадия жизненного цикла туристской дестинации. В развитых и устоявшихся туристских дестинациях уровень туристской инфраструктуры существенно выше, чем в тех, где туристская деятельность только начинает развиваться. Также на формировании туристской инфраструктуры сказывается заинтересованность региональных и местных органов власти в развитии туризма, предпринимательская активность местного населения, потенциальная привлекательность туристской дестинации.

Уровень развития туристской инфраструктуры зависит от реального и прогнозного объема туристских потоков, а также от развиваемого вида туризма. Существуют некоторые виды туризма, которые не требуют искусственно созданной туристской инфраструктуры (горный туризм, пеший спортивный туризм и т. п.). Однако большинство видов туризма предполагает наличие специфической туристской инфраструктуры, в том числе культурно-познавательный туризм, оздоровительный и др.

В настоящее время существуют различные подходы к оценке туристско-рекреационной инфраструктуры дестинации (туристской территории). В работе З. А. Мустафевой и Ю. О. Тхамитлоковой для оценки инфраструктуры сферы туризма и рекреации туристско-рекреационных зон Кабардино-Балкарской республики применен балльный подход [25].

В статье Ю. В. Долматеня, А. В. Кучумова и А. В. Чайковской [34] для определения рейтинга субъекта Российской Федерации по уровню развития инфраструктуры туризма использовался двумерный критерий, в котором учитывались ранги региона по показателям «Объем услуг гостиниц и ресторанов» и «Оценка инфраструктуры региональной системы туризма».

Для оценки туристской инфраструктуры стран применяется следующий набор показателей:

- 1) число мест для размещения туристов в расчете на 1 000 постоянных жителей (индекс Берете – Деферта);
- 2) число туристов, остановившихся в средствах размещения, в расчете на 1 км² территории (индекс Деферта);
- 3) число туристов, остановившихся в средствах размещения, в расчете на 1 000 постоянных жителей (индекс Шнайдера);
- 4) количество ночевков туристов в расчете на 100 постоянных жителей (индекс Чарвата);
- 5) число мест для размещения туристов в расчете на 1 км² территории;
- 6) среднее число мест в коллективном средстве размещения;

7) отношение доходов, полученных от обслуживания въездных туристов в данной стране, к расходам выездных туристов – граждан данной страны в других странах;

8) доля занятых в туризме и общественном питании в общей численности занятых в экономике [4].

Одной из основных проблем оценки региональной инфраструктуры туризма является недостаточный объем официальных статистических данных. Исходя из этого для проведения сравнительного анализа туристской инфраструктуры в региональном разрезе целесообразно рассматривать следующие показатели:

- число туристических компаний, зарегистрированных на территории региона;

- инфраструктура размещения – число средств размещения и число мест в них;

- инфраструктура питания – число предприятий питания (ресторанов, кафе, баров) и число мест в них;

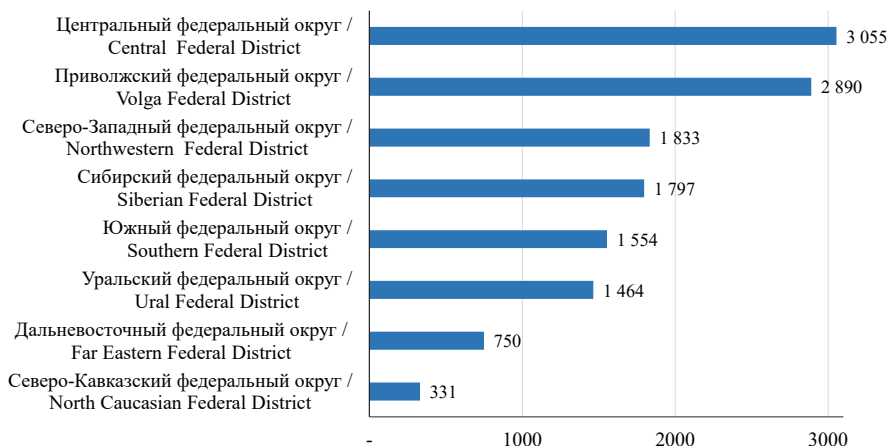
- инфраструктура досуга и отдыха – число музеев, объектов активного туризма (горнолыжные центры, конноспортивные центры, яхт-клубы и т. п.).

На основе статистических данных Росстата и Ростуризма был проведен анализ обеспечивающей туристской инфраструктуры по количеству туристских компаний. На рисунке 1 показано количество туркомпаний по федеральным округам в 2018 г. Максимальное количество туркомпаний зарегистрировано в Центральном и Приволжском федеральных округах, минимальное – в Северо-Кавказском федеральном округе.

Для проведения сравнительного анализа в региональном аспекте в таблице 1 показано количество туристических компаний на 100 тыс. чел. населения. Как видим, по этому показателю лидируют Северо-Западный, Уральский и Сибирский федеральные округа.

Важной составляющей туристской инфраструктуры являются средства размещения, именно они чаще всего определяют пропускную способность туристской дестинации. На рисунке 2 представлено количество мест размещения в 2018 г. в разрезе федеральных округов.

Структура средств размещения существенно отличается по округам и во многом зависит от видов туризма, которые преобладают в регионе. Наибольшее количество мест размещения в гостиницах приходится на Центральный, Южный, Приволжский и Северо-Западный федеральные округа, в которых традиционно развивается деловой и культурно-познавательный туризм, имеются широко известные туристские маршруты и достопримечательности. Меньше всего гостиничных мест в Северо-Кавказском федеральном округе, что связано с приоритетным развитием лечебно-оздоровительного туризма, средства размещения представлены в основном санаторно-курортными организациями.

Р и с. 1. Количество туристских компаний по федеральным округам в 2018 г.⁵

F i g. 1. Number of travel companies by federal districts in 2018

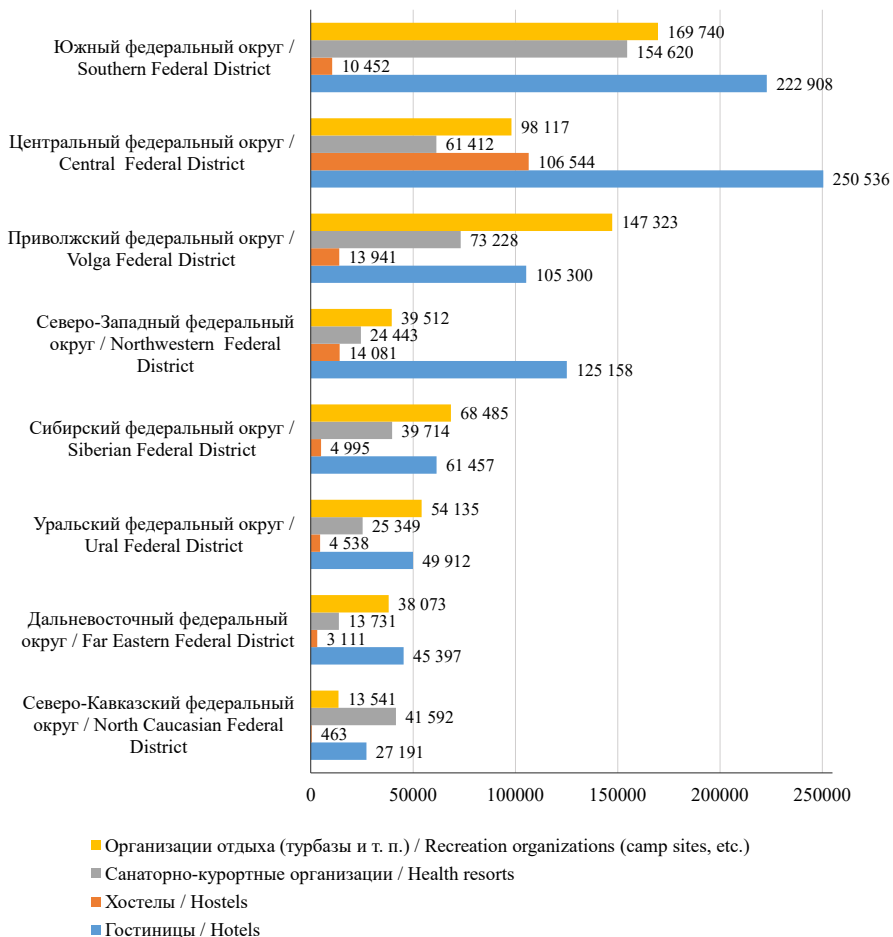
Т а б л и ц а 1. Количество туркомпаний и население по федеральным округам⁶

T a b l e 1. Number of travel companies and population by federal districts

Федеральный округ / Federal District	Количество туркомпаний / Number of travel companies	Население округа в 2018 г. / Population of the Federal District in 2018	Количество туркомпаний на 100 000 чел. населения / Number of travel companies per 100,000 population
Северо-Кавказский / North Caucasian	331	9 823 481	3,4
Дальневосточный / Far Eastern	750	8 222 601	9,1
Уральский / Ural	1 464	12 356 229	11,8
Южный / Southern	1 554	16 441 852	9,5
Сибирский / Siberian	1 797	17 230 157	10,4
Северо-Западный / Northwestern	1 833	13 952 003	13,1
Приволжский / Volga	2 890	29 542 696	9,8
Центральный / Central	3 055	39 311 413	7,8

⁵ Составлено авторами по данным Ростуризма. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/statistika/statisticheskie-dannye-po-rf-2/> (дата обращения: 25.04.2021).

⁶ Там же.

Р и с. 2. Количество мест размещения в 2018 г. по федеральным округам⁷

F i g. 2. Number of places of accommodation in 2018 by federal districts

В таблице 2 представлены показатели, характеризующие развитие инфраструктуры туризма в 2018 г. в разрезе федеральных округов.

⁷ Там же.

Т а б л и ц а 2. Показатели, характеризующие инфраструктуру туризма по средствам размещения в разрезе федеральных округов⁸

Т а б л е 2. Indicators characterizing tourism infrastructure by accommodation establishments in federal districts

Федеральный округ / Federal District	Количество мест в коллективных средствах размещения / Number of accommodations in collective accommodation establishments		Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения / Number of people staying in collective accommodation establishments		Население / Population		Площадь территории федерального округа / The area of the territory of the federal district	
	шт. / pieces	%	чел. / people	%	чел. / people	%	тыс. км ² / thousand sq. km	%
Российская Федерация / Russian Federation	2 108 999	100	67 105 968	100	146 880 432	100	17 125,0	100
Южный / Southern	557 720	26,44	10 978 729	16,36	16 441 852	11,19	447,8	2,61
Северо-Западный / Northwestern	203 194	9,63	9 560 432	14,25	13 952 003	9,50	1 687,0	9,85
Центральный / Central	516 609	24,50	23 783 892	35,44	39 311 413	26,77	650,2	3,80
Дальневосточный / Far Eastern	100 312	4,76	3 489 851	5,20	8 222 601	5,60	6 953,0	40,60
Приволжский / Volga	339 792	16,11	8 897 403	13,26	29 542 696	20,11	1 037,0	6,05
Уральский / Ural	133 934	6,35	4 295 260	6,40	12 356 229	8,41	1 819,0	10,62
Сибирский / Siberian	174 651	8,28	4 606 773	6,86	17 230 157	11,73	4 362,0	25,47
Северо-Кавказский / North Caucasian	82 787	3,93	1 493 628	2,23	9 823 481	6,69	170,5	1,00

⁸ Рассчитано по данным Ростуризма. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analitics/statistics/statisticheskije-dannye-po-rf-v-period-2018-2019-gody/> (дата обращения: 25.04.2021).

Отличие туристской инфраструктуры средств размещения по федеральным округам состоит в следующем. Наибольшая доля коллективных средств размещения находится в Южном (26,44 %), Центральном (24,5) и Приволжском (16,11 %) федеральных округах. Более 35,0 % размещенных в коллективных средствах размещения туристов приходится на Центральный федеральный округ, далее идут Южный – 16,36, Северо-Западный – 14,25 и Приволжский – 13,26 % федеральные округа. В них туристская деятельность наиболее развита, имеется большое количество объектов культурно-исторического наследия и других туристских ресурсов, разработаны региональные и межрегиональные туристские продукты, которые обладают туристской привлекательностью и популярностью. Например, в Московской области сосредоточено 5 764 объекта культурного наследия, южные регионы традиционно привлекательны с точки зрения природно-климатических особенностей. Характеристика основных туристских возможностей федеральных округов представлена на сайте Ростуризма⁹.

В таблице 3 на основе данных предыдущей таблицы рассчитаны инфраструктурные туристские индексы по федеральным округам.

Т а б л и ц а 3. **Инфраструктурные туристские индексы**

Table 3. **Infrastructural tourism indices**

Федеральный округ / Federal Districts	Индекс Берете – Деферта / Baretje- Defert index	Индекс Деферта / Defert index	Индекс Шнайдера / Schneider index	Число мест для размещения туристов в расчете на 1 км ² территории / Number of accommodations for tourists per 1 sq. km of territory
1	2	3	4	5
Российская Федерация / Russian Federation	14,36	3,92	456,87	0,12
Южный / Southern	33,92	24,52	667,73	1,25
Северо-Западный / Northwestern	14,56	5,67	685,24	0,12
Центральный / Central	13,14	36,58	605,01	0,79
Дальневосточный / Far Eastern	12,20	0,50	424,42	0,01
Приволжский / Volga	11,50	8,58	301,17	0,33
Уральский / Ural	10,84	2,36	347,62	0,07

⁹ Регионы России [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.ru/regions/?fedokr=> (дата обращения: 25.04.2021).

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
Сибирский / Siberian	10,14	1,06	267,37	0,04
Северо-Кавказский / North Caucasian	8,43	8,76	152,05	0,49
Справочно: средние значения индексов в странах Европейского союза / For reference: average values of the indices in the EU countries [3]	67,8	295,60	1120,35	13,10

Наиболее высокий уровень развития инфраструктуры средств размещения по показателю Берете – Деферта зафиксирован в Южном, Северо-Западном и Центральном федеральных округах, эти же округа лидируют по индексу Шнайдера, что связано с большим количеством туристов. Южный федеральный округ, по индексу Берете – Деферта, в 2,33 раза опережает Северо-Западный федеральный округ и в 2,58 раза – Центральный, что объясняется большими туристскими потоками и относительно небольшим населением. Самые низкие индексы Деферта у Дальневосточного (0,5) и Сибирского (1,06) федеральных округов, что связано с их большой площадью. В таблице 3 для сравнения приведены средние значения инфраструктурных индексов в странах Европейского союза, которые в разы превышают российские показатели. Уровень развития туристской инфраструктуры в странах Европейского союза существенно выше, чем в Российской Федерации и ее отдельных округах.

Важное значение на формирование туристских потоков оказывает привлекательность туристской дестинации для путешественников и ее информационно-коммуникационная инфраструктура [35]. Возрастание роли составляющей инфраструктурного обеспечения объясняется формированием нового класса так называемых цифровых туристов, для которых качество оказываемых туристских услуг и их комфортность связаны с высоким уровнем предоставления цифровых информационных услуг. Информационно-коммуникационное обеспечение регионального туризма также формирует туристскую привлекательность дестинации, что является важнейшей задачей региональных туристских администраций, так как привлекательность выступает в качестве главного мотива путешествия.

Обсуждение и заключение. Инфраструктурные туристские индексы, представленные в таблице 3, позволяют сделать вывод о том, что существует неравномерность инфраструктурного обеспечения туризма в федеральных округах, что связано с этапами развития туристских дестинаций, видами развиваемого туризма и спецификой их инфраструктуры.

Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» предусматривает создание мастер-планов развития туристских территорий, при разработке которых существующие диспропорции в развитии туристской инфраструктуры целесообразно анализировать как с точки зрения общей инфраструктуры, так и с учетом специфики развиваемого вида туризма, так как требования к наличию туристской инфраструктуры существенно различаются. Не всегда диспропорции в развитии туристской инфраструктуры свидетельствуют о низком уровне развития туристской активности, они могут быть связаны с особенностями тех или иных видов туризма. Например, для лечебно-оздоровительного туризма необходима сложная и дорогостоящая инфраструктура, а для экологического туризма требования к инфраструктуре существенно проще.

Для снижения неравномерности развития туризма в различных регионах страны необходимо продвигать туристские возможности регионов с помощью современных информационно-коммуникационных каналов, ориентируясь на новое поколение туристов, для которых цифровые технологии стали одним из важнейших повседневных инструментов общения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть полезны органам власти, принимающим решения в области управления туристской деятельностью, при разработке стратегических мастер-планов развития туристских дестинаций. Перспективы исследования состоят в изучении специфики развития инфраструктурного обеспечения туристской активности на уровне отдельных субъектов, входящих в федеральные округа, с учетом развиваемого вида туризма и привлекательности дестинации для путешественников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мельникова, А. В. Особенности инфраструктуры туризма / А. В. Мельникова. – Текст : электронный // Экономика и социум. – 2021. – № 1-2 (80). – С. 203–205. – URL: <https://www.iupr.ru/1-80-2021> (дата обращения: 28.04.2021). – Рез. англ.

2. Hadzik, A. Investments in Recreational and Sports Infrastructure as a Basis for the Development of Sports Tourism on the Example of Spa Municipalities / A. Hadzik, M. Grabara. – DOI [10.2478/pjst-2014-0010](https://doi.org/10.2478/pjst-2014-0010) // Polish Journal of Sport and Tourism. – 2014. – Vol. 21, issue 2. – Pp. 97–106.

3. Murphy, P. The Destination Product and its Impact on Traveller Perceptions / P. Murphy, M. P. Pritchard, B. Smith. – DOI [10.1016/S0261-5177\(99\)00080-1](https://doi.org/10.1016/S0261-5177(99)00080-1) // Tourism Management. – 2000. – Vol. 21, issue 1. – Pp. 43–52.

4. Żegleń, P. Rozwój funkcji turystyki w państwach UE: pomiary i statystyczna ocena / P. Żegleń, M. Stec, A. Berwińska-Małażowicz. – DOI [10.22598/at/2019.31.2.115](https://doi.org/10.22598/at/2019.31.2.115) // Acta Turistica. – 2019. – Vol. 31, no. 2. – Pp. 116–151.

5. Смирнов, С. Н. Развитие и экономические результаты использования инфраструктуры туризма / С. Н. Смирнов // Экономические и социальные

проблемы России. – 2020. – № 4 (44). – С. 111–120. – URL: <http://inion.ru/ru/publishing/prochie-nauchnye-zhurnaly/ekonomicheskie-i-sotsialnye-problemy-rossii/arkhiv/2020-4/razvitiye-i-ekonomicheskie-rezultaty-ispolzovaniia-infrastruktury-turizma/> (дата обращения: 28.04.2021). – Рез. англ.

6. Zhao, Y. The Evolution and New Trends of China's Tourism Industry / Y. Zhao, B. Liu. – DOI [10.3934/NAR.2020020](https://doi.org/10.3934/NAR.2020020) // National Accounting Review. – 2020. – Vol. 2, issue 4. – Pp. 337–353.

7. Eugenio-Martin, J. L. Estimating the Tourism Demand Impact of Public Infrastructure Investment: The Case of Malaga Airport Expansion / J. L. Eugenio-Martin. – DOI [10.5367/te.2016.0547](https://doi.org/10.5367/te.2016.0547) // Tourism Economics. – 2016. – Vol. 22, issue 2. – Pp. 254–268.

8. Adeola, O. ICT, Infrastructure, and Tourism Development in Africa / O. Adeola, O. Evans. – DOI [10.1177/1354816619827712](https://doi.org/10.1177/1354816619827712) // Tourism Economics. – 2019. – Vol. 26, issue 1. – Pp. 97–114.

9. Морозов, М. М. Информационное обеспечение процесса управления в туризме / М. М. Морозов. – DOI [10.25586/RNU.V9276.18.05.P.142](https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.18.05.P.142) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2018. – № 1. – С. 142–146. – Рез. англ.

10. Tourism Development of Russian Territories: Competitiveness, Effectiveness and Sustainability / M. A. Morozov, N. S. Morozova, V. Belyanskiy [et al.] // Journal of Environmental Management and Tourism. – 2017. – Vol. 8, no. 4 (20). – Pp. 875–881. – URL: <https://journals.aserspublishing.eu/jemt/article/view/1420> (дата обращения: 28.04.2021).

11. Mandic, A. Tourism Infrastructure, Recreational Facilities and Tourism Development / A. Mandic, Ž. Mrnjavac, L. Kordić. – DOI [10.20867/thm.24.1.12](https://doi.org/10.20867/thm.24.1.12) // Tourism and Hospitality Management. – 2018. – Vol. 24, no. 1. – Pp. 46–62.

12. Юрьева, Т. В. Развитие туристской инфраструктуры на основе проектов государственно-частного партнерства / Т. В. Юрьева. – DOI [10.34925/EIP.2021.126.01.120](https://doi.org/10.34925/EIP.2021.126.01.120) // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 1 (126). – С. 622–627. – Рез. англ.

13. Sigala, M. Tourism and COVID-19: Impacts and Implications for Advancing and Resetting Industry and Research / M. Sigala. – DOI [10.1016/j.jbusres.2020.06.015](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.06.015) // Journal of Business Research. – 2020. – Vol. 117. – Pp. 312–321.

14. Gössling, S. Pandemics, Tourism and Global Change: A Rapid Assessment of COVID-19 / S. Gössling, D. Scott, C. M. Hall. – DOI [10.1080/09669582.2020.1758708](https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708) // Journal of Sustainable Tourism. – 2021. – Vol. 29, issue 1. – Pp. 1–20.

15. E-Tourism beyond COVID-19: A Call for Transformative Research / U. Gretzel, M. Fuchs, R. Baggio [et al.]. – DOI [10.1007/s40558-020-00181-3](https://doi.org/10.1007/s40558-020-00181-3) // Journal of Information Technology & Tourism. – 2020. – Vol. 22. – Pp. 187–203.

16. Hall, C. M. Pandemics, Transformations and Tourism: be careful what you wish for / C. M. Hall, D. Scott, S. Gössling. – DOI [10.1080/14616688.2020.1759131](https://doi.org/10.1080/14616688.2020.1759131) // Tourism Geographies. – 2020. – Vol. 22, issue 3. – Pp. 577–598.

17. Морозов, М. А. Модификация инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности в туризме с учетом перехода к цифровой экономике / М. А. Морозов, М. М. Морозов. – DOI [10.25586/RNU.V9276.19.03.P.117](https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.03.P.117) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2019. – № 3. – С. 117–121. – Рез. англ.

18. Морозов, М. А. Цифровые коммуникации как инструмент формирования единого информационного пространства в туризме / М. А. Морозов, М. М. Морозов. –

DOI [10.25586/RNU.V9276.19.02.P.069](https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.02.P.069) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2019. – № 2. – С. 69–72. – Рез. англ.

19. Thapa, B. Soft-Infrastructure in Tourism Development in Developing Countries / B. Thapa. – DOI [10.1016/j.annals.2012.03.005](https://doi.org/10.1016/j.annals.2012.03.005) // Annals of Tourism Research. – 2012. – Vol. 39, issue 3. – Pp. 1705–1710.

20. Regional Tourism Infrastructure Development in the State Strategies / M. Petrova, N. Dekhtyar, O. Klok, O. Loseva. – DOI [10.21511/ppm.16\(4\).2018.22](https://doi.org/10.21511/ppm.16(4).2018.22) // Problems and Perspectives in Management. – 2018. – Vol. 16, issue 4. – Pp. 259–274.

21. Andrades, L. Destination Competitiveness and Tourism Development in Russia: Issues and Challenges / L. Andrades, F. Dimanche. – DOI [10.1016/j.tourman.2017.05.008](https://doi.org/10.1016/j.tourman.2017.05.008) // Tourism Management. – 2017. – Vol. 62. – Pp. 360–376.

22. Совершенствование туристической инфраструктуры как необходимое условие повышения ее вклада в экономику региона / И. В. Мищенко, В. В. Пуричи, Э. Э. Габриелян, Г. К. Лухманова. – DOI [10.14258/epb202107](https://doi.org/10.14258/epb202107) // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2021. – № 1. – С. 55–62.

23. Проблемы развития туристической инфраструктуры в Баргузинской котловине Республики Бурятия / М. В. Куклина, А. И. Труфанов, Д. В. Кобылкин [и др.]. – DOI [10.17513/vaael.1570](https://doi.org/10.17513/vaael.1570) // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 1-1. – С. 59–65. – Рез. англ.

24. Казакова, Г. Я. Инфраструктура туризма Республики Калмыкия: состояние и перспективы / Г. Я. Казакова, М. М. Магомедов, В. Ю. Палаев // Вестник Академии знаний. – 2018. – № 6 (29). – С. 290–294. – URL: <http://academiyadt.ru/zhurnal-vestnik-akademii-znaniy-vaz-29-6-noyabr-dekabr-2018/> (дата обращения: 20.04.2021).

25. Мустафаева, З. А. Оценка инфраструктуры сферы туризма и рекреации туристско-рекреационных зон Кабардино-Балкарской республики / З. А. Мустафаева, Ю. О. Тхамитлокова // Colloquium-journal. – 2018. – № 11-9 (22). – С. 111–116. – URL: <http://www.colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2018/12/Colloquium-journal---1122-chast-9.pdf> (дата обращения: 28.04.2021). – Рез. англ.

26. Черняк, А. Ю. Развитие инфраструктуры яхтенного туризма: терминологический и кластерный подходы / А. Ю. Черняк // Экономика и управление. – 2018. – № 4 (150). – С. 22–26. – URL: https://emjume.elpub.ru/jour/article/view/393?locale=ru_RU (дата обращения: 28.04.2021). – Рез. англ.

27. Смирнов, Д. В. О состоянии инфраструктуры для развития горнолыжного туризма в Крыму / Д. В. Смирнов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. – 2018. – Т. 4 (70), № 3. – С. 59–65. – URL: <http://sn-geography.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/01/005smirnov.pdf> (дата обращения: 28.04.2021). – Рез. англ.

28. Jovanović, S. Infrastructure as Important Determinant of Tourism Development in the Countries of Southeast Europe / S. Jovanović, I. Ilić // Ecoforum. – 2016. – Vol. 5, issue 1. – Pp. 288–293. – URL: <http://www.ecoforumjournal.ro/index.php/eco/article/view/329> (дата обращения: 28.04.2021).

29. Constantin, D. L. Spatial Analysis of Tourism Infrastructure in Romania: Spotlight on Accommodation and Food Service Companies / D. L. Constantin, A. A. Reveiu. – DOI [10.18335/region.v5i1.111](https://doi.org/10.18335/region.v5i1.111) // REGION. – 2018. – Vol. 5, no. 1. – Pp. 1–16.

30. Степанова, С. В. Территориальные диспропорции размещения инфраструктуры туризма в Республике Карелия / С. В. Степанова. – DOI [10.24866/2311-2271/2019-3/89-97](https://doi.org/10.24866/2311-2271/2019-3/89-97) // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2019. – № 3 (91). – С. 89–97. – Рез. англ.

31. Stepanova, S. V. Way to Assess the Development of Municipal Tourism Infrastructure / S. V. Stepanova, V. I. Shulepov. – DOI [10.5937/jaes17-17073](https://doi.org/10.5937/jaes17-17073) // Journal of Applied Engineering Science. – 2019. – Vol. 17, issue 1. – Pp. 87–92.

32. Лимонина, И. Г. Региональные особенности инфраструктурного туристского потенциала Ленинградской области / И. Г. Лимонина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. – 2007. – Вып. 2. – С. 117–127. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21100674> (дата обращения 25.04.2021). – Рез. англ.

33. Величина, А. В. Оценка развития туристской инфраструктуры региона / А. В. Величина. – DOI [10.15838/esc/2014.2.32.18](https://doi.org/10.15838/esc/2014.2.32.18) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 239–250. – Рез. англ.

34. Долматеня, Ю. В. Межрегиональные сравнения уровня развития инфраструктуры туризма субъектов Российской Федерации / Ю. В. Долматеня, А. В. Кучумов, А. В. Чайковская // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2018. – № 3. – С. 162–169. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35683204> (дата обращения 20.04.2021). – Рез. англ.

35. Morozov, M. A. Attractive Tourist Destinations as a Factor of its Development / M. A. Morozov, N. S. Morozova // Journal of Environmental Management and Tourism. – 2016. – Vol. VII, issue 1 (13). – Pp. 105–111. – URL: <https://journals.aserspublishing.eu/jemt/article/view/310> (дата обращения: 20.04.2021).

Поступила 30.03.2021; одобрена после рецензирования 19.05.2021; принята к публикации 27.05.2021.

Об авторах:

Морозов Михаил Анатольевич, профессор кафедры индустрии гостеприимства, туризма и спорта ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36), профессор кафедры туризма и культурного наследия АНО ВО «Российский новый университет» (105005, Российская Федерация, г. Москва, ул. Радио, д. 22), доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, действительный и почетный член Национальной академии туризма, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6693-9884>, Researcher ID: K-6241-2018, mmorozov@bk.ru

Морозова Наталья Степановна, научный руководитель института бизнес-технологий АНО ВО «Российский новый университет» (105005, Российская Федерация, г. Москва, ул. Радио, д. 22), доктор экономических наук, профессор, действительный и почетный член Национальной академии туризма, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6491-363X>, sks@rosnou.ru

Заявленный вклад авторов:

М. А. Морозов – постановка проблемы исследования; разработка основной концепции исследования; обобщение результатов исследования.

Н. С. Морозова – подготовка текста статьи; проведение расчетов и подготовка графических результатов исследования; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Melnikova A.V. Features of Tourism Infrastructure. *Ehkonomika i sotsium* = Economy and Society. 2021; (1-2):203-205. Available at: <https://www.iupr.ru/1-80-2021> (accessed 28.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Hadzik A., Grabara M. Investments in Recreational and Sports Infrastructure as a Basis for the Development of Sports Tourism on the Example of Spa Municipalities. *Polish Journal of Sport and Tourism*. 2014; 21(2):97-106. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.2478/pjst-2014-0010>
3. Murphy P., Pritchard M.P., Smith B. The Destination Product and Its Impact on Traveler Perceptions. *Tourism Management*. 2000; 21(1):43-52. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S0261-5177\(99\)00080-1](https://doi.org/10.1016/S0261-5177(99)00080-1)
4. Žegleń P., Stec M., Berwińska-Małąjowicz A. Tourist Function Development in EU Countries: Measurement and Statistical Evaluation. *Acta Turistica*. 2019; 31(2):116-151. (In Croatian) DOI: <https://doi.org/10.22598/at/2019.31.2.115>
5. Smirnov S.N. Social and Economic Problems of Russia in Publications of Foreign Authors. *Ehkonomicheskie i sotsialnye problemy Rossii* = Economic and Social Problems of Russia. 2020; (4):111-120. Available at: <http://inion.ru/ru/publishing/prochie-nauchnye-zhurnaly/ekonomicheskie-i-sotsialnye-problemy-rossii/arkhiv/2020-4/razvitie-i-ekonomicheskie-rezultaty-ispolzovaniia-infrastruktury-turizma/> (accessed 28.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Zhao Y., Liu B. The Evolution and New Trends of China's Tourism Industry. *National Accounting Review*. 2020; 2(4):337-353. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3934/NAR.2020020>
7. Eugenio-Martin J.L. Estimating the Tourism Demand Impact of Public Infrastructure Investment: The Case of Malaga Airport Expansion. *Tourism Economics*. 2016; 22(2):254-268. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.5367/te.2016.0547>
8. Adeola O., Evans O. ICT, Infrastructure, and Tourism Development in Africa. *Tourism Economics*. 2019; 26(1):97-114. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/1354816619827712>
9. Morozov M.M. Information Support of the Management Process in Tourism. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo* = Vestnik of Russian New University. Series: Human and Society. 2018; (1):142-146. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.18.05.P.142>
10. Morozov M.A., Morozova N.S., Belyanskiy V., Belyanskaya O., Yudina T. Tourism Development of Russian Territories: Competitiveness, Effectiveness and Sustainability. *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2017; 8(4):875-881. Available at: <https://journals.aserspublishing.eu/jemt/article/view/1420> (accessed 28.04.2021). (In Eng.)

11. Mandić A., Mrnjavac Ž., Kordić L. Tourism Infrastructure, Recreational Facilities And Tourism Development. *Tourism and Hospitality Management*. 2018; 24(1):46-62. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.20867/thm.24.1.12>
12. Yurieva T.V. Development of Tourism Infrastructure Through Public-Private Partnership Projects. *Ehkonomika i predprinimatelstvo* = Journal of Economy and Entrepreneurship. 2021; (1):622-627. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.126.01.120>
13. Sigala M. Tourism and COVID-19: Impacts and Implications for Advancing and Re-setting Industry and Research. *Journal of Business Research*. 2020; 117:312-321. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.06.015>
14. Gössling S., Scott D., Hall C.M. Pandemics, Tourism and Global Change: A Rapid Assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*. 2021; 29(1):1-20. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708>
15. Gretzel U., Fuchs M., Baggio R., Hoepken, W., Law R., Neidhardt J., et al. E-Tourism beyond COVID-19: A Call for Transformative Research. *Journal of Information Technology & Tourism*. 2020; 22:187-203. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s40558-020-00181-3>
16. Hall C.M., Scott D., Gössling S. Pandemics, Transformations and Tourism: Be Careful What You Wish for. *Tourism Geographies*. 2020; 22(3):577-598. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/14616688.2020.1759131>
17. Morozov M.A., Morozov M.M. Modification of Infrastructure Support for Business Activities in Tourism Taking into Account the Transition to a Digital Economy. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo* = Vestnik of Russian New University. Series: Human and Society. 2019; (3):117-121. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.03.P.117>
18. Morozov M.A., Morozov M.M. Digital Communications as a Tool for the Formation of a Single Information Space in Tourism. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo* = Russian New University. Series: Human and Society. 2019; (2):69-72. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.02.P.069>
19. Thapa B. Soft-Infrastructure in Tourism Development in Developing Countries. *Annals of Tourism Research*. 2012; 39(3):1705-1710. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2012.03.005>
20. Petrova M., Dekhtyar N., Klok O., Loseva O. Regional Tourism Infrastructure Development in the State Strategies. *Problems and Perspectives in Management*. 2018; 16(4):259-274. (In Eng.) DOI: [http://dx.doi.org/10.21511/ppm.16\(4\).2018.22](http://dx.doi.org/10.21511/ppm.16(4).2018.22)
21. Andrade L., Dimanche F. Destination Competitiveness and Tourism Development in Russia: Issues and Challenges. *Tourism Management*. 2017; 62:360-376. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2017.05.008>
22. Mishchenko I.V., Purichi V.V., Gabrielyan E.E., Lukhmanova G.K. Tourism Infrastructure Improving as a Prerequisite for Increasing the Contribution of Tourism to the Regional Economy. *Ehkonomika. Professiya. Biznes* = Economics. Profession. Business. 2021; (1):55-62. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.14258/epb202107>
23. Kuklina M.V., Trufanov A.I., Kobylkin D.V., Krasnoshtanova N.E., Erdynceeva S.N. Problems of Tourism Infrastructure Development in the Barguzin Kotlovina the Republic

of Buryatia. *Vestnik Altajskoj akademii ehkonomiki i prava* = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021; (1-1):59-65. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.1570>

24. Kazakova G.Ya., Magomedov M.M., Palaev V.Yu. Tourism Infrastructure of the Republic of Kalmykia: State and Prospects. *Vestnik Akademii znanij* = Bulletin of the Academy of Knowledge. 2018; (6):290-294. Available at: <http://academiyadt.ru/zhurnal-vestnik-akademii-znanij-vaz-29-6-noyabr-dekabr-2018/> (accessed 20.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Mustafaeva Z.A., Tkhamitloкова Yu.O. Assessment of the infrastructure of tourism and recreation tourist and recreation zones of the Kabardino-Balkarian Republic. *Colloquium-Journal*. 2018; (11-9):111-116. Available at: <http://www.colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2018/12/Colloquium-journal----1122-chast-9.pdf> (accessed 28.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

26. Chernyak A.Yu. Development of the Infrastructure of Yacht Tourism: Terminological and Cluster Approaches. *Ehkonomika i upravlenie* = Economics and Management. 2018; (4):22-26. Available at: <https://emjume.elpub.ru/jour/article/view/393> (accessed 28.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

27. Smirnov D.V. The State of Infrastructure for Development of Ski Tourism in the Crimea. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I Vernadskogo. Geografiya. Geologiya* = Proceedings of Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology. 2018; 4(3):59-65. Available at: <http://sn-geography.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/01/005smirnov.pdf> (accessed 28.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

28. Jovanović S., Ilić I. Infrastructure as Important Determinant of Tourism Development in the Countries of Southeast Europe. *Ecoforum*. 2016; 5(1):288-293. Available at: <http://www.ecoforumjournal.ro/index.php/eco/article/view/329> (accessed 28.04.2021). (In Eng.)

29. Constantin D.L., Reveiu A.A. Spatial Analysis of Tourism Infrastructure in Romania: Spotlight on Accommodation and Food Service Companies. *REGION*. 2018; 5(1):1-16. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18335/region.v5i1.111>

30. Stepanova S.V. Territorial Disproportions in the Tourism Infrastructure Location in the Republic of Karelia. *Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ehkonomika i upravlenie* = The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management. 2019; (3):89-97. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24866/2311-2271/2019-3/89-97>

31. Stepanova S.V., Shulepov V.I. Way to Assess the Development of Municipal Tourism Infrastructure. *Journal of Applied Engineering Science*. 2019; 17(1):87-92. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.5937/jaes17-17073>

32. Limonina I.G. Territorial Differences of Tourist Infrastructure Potential Development in the Leningrad Region. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya. Geografiya* = Vestnik of St. Petersburg State University. Series 7. Geology. Geography. 2007; (2):117-127. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21100674> (accessed 28.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

33. Velichkina A.V. The Assessment of the Regional Tourism Infrastructure Development. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2014; (2):239-250. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc/2014.2.32.18>

34. Dolmatenya Yu.V., Kuchumov A.V., Chaikovskaya A.V. Inter-Regional Comparisons of the Development Level of Tourism Infrastructure in the Russian Federation. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*. = Bulletin Tver State University. Series: Economics and Management. 2018; (3):162-169. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35683204> (accessed 20.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

35. Morozov M.A., Morozova N.S. Attractive Tourist Destinations as a Factor of Its Development. *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2016; VII(1):105-111. Available at: <https://journals.aserspublishing.eu/jemt/article/view/310> (accessed 20.04.2021). (In Eng.)

Submitted 30.03.2021; approved after reviewing 19.05.2021; accepted for publication 27.05.2021.

About the authors:

Mikhail A. Morozov, Professor, Department of Hospitality, Tourism and Sport, Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow 117997, Russian Federation), Professor, Department of Tourism and Cultural Heritage, Russian New University (22 Radio St., Moscow 105005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Full and Honorary Member of National Academy of Tourism, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6693-9884>, Researcher ID: K-6241-2018, mmorozov@bk.ru

Natalia S. Morozova, Scientific Director of the Institute of Business Technologies, Russian New University (22 Radio St., Moscow 105005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, Full and Honorary Member of National Academy of Tourism, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6491-363X>, sks@rosnou.ru

Contribution of the authors:

M. A. Morozov – statement of the research problem; development of the basic concept of the research; generalization of the research results.

N. S. Morozova – preparation of the text of the article; calculations and preparation of graphical representation of the research results; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Инструменты преодоления внутреннего социально-экономического неравенства

Е. Г. Коваленко* Т. М. Полужкина О. Ю. Якимова Ю. А. Акимова

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Российская Федерация),
* kovelena13@mail.ru

Введение. Приоритетами государственной политики современной России являются динамичный экономический рост и повышение качества жизни населения на всей территории страны. Различия в природно-климатических условиях, отраслевой специализации экономики, инфраструктурных ограничениях привели к дифференциации межрегионального и внутрирегионального социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Действующие меры государственного регулирования и поддержки регионов не обеспечивают преодоления неравенства. Цель статьи – по результатам проведенного исследования разработать предложения по обоснованию инструментов, учитывающих особенности территорий и направлений активизации процессов их саморазвития.

Материалы и методы. Исследование неравенства муниципальных образований проводилось на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия, отчетности и стратегических документов муниципалитетов. Эмпирический материал был обработан с использованием методов сравнения, группировок. Определен уровень неравенства муниципальных территорий, что позволило обосновать основные направления и инструменты их развития.

Результаты исследования. Проведена оценка социально-экономического состояния муниципальных районов Республики Мордовия и выявлен уровень их дифференциации с расчетом показателей вариации, проведена группировка административно-территориальных единиц по демографической ситуации, проанализированы различия между ними и возможности саморазвития каждой из выделенных групп.

Обсуждение и заключение. Определены инструменты преодоления неравенства с учетом особенностей муниципалитетов, требующие корректировки муниципальных стратегий социально-экономического развития до 2025 г. и формирования концепции

© Коваленко Е. Г., Полужкина Т. М., Якимова О. Ю., Акимова Ю. А., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

пространственного развития республики. Сформулированы рекомендации по активизации некоторых имеющихся и разработке новых инструментов. Полученные результаты исследования могут быть использованы органами местного самоуправления при актуализации приоритетов развития территорий и применяемого инструментария экономического механизма стратегического управления.

Ключевые слова: пространственное развитие региона, муниципальное образование, социально-экономическая дифференциация, метод снижения неравенства

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Инструменты преодоления внутреннего социально-экономического неравенства / Е. Г. Коваленко, Т. М. Полушкина, О. Ю. Якимова, Ю. А. Акимова. – DOI [10.15507/2413-1407.116.029.202103.611-641](https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.611-641) // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 611–641.

Tools to Overcome Internal Socio-Economic Inequality

E. G. Kovalenko*, T. M. Polushkina, O. Yu. Yakimova, Yu. A. Akimova
National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),
* kovelena13@mail.ru

Introduction. Dynamic economic growth and improvement of the quality of life of the population throughout the country are the priorities of the state policies in modern Russia. Differences in natural and climatic conditions, sectoral specialization of the economy, and infrastructural constraints have caused the differentiation of interregional and intraregional socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation and municipalities. The current measures of state regulation and support for the regions do not provide for overcoming inequality. Based on the results of the research conducted, the article formulates proposals on substantiation of tools that take into account the features of territories and the ways of their self-development.

Materials and Methods. The research on inequality of municipalities was conducted on the basis of data from the territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Mordovia, the Ministry of Economy, Trade and Entrepreneurship of the Republic of Mordovia, as well as from reports and strategic documents of municipalities. The empirical material was processed using the methods of comparison and grouping. The level of inequality of municipal territories was identified, which made it possible to substantiate the main directions and tools for their development.

Results. An assessment of the socio-economic state of the municipal districts of the Republic of Mordovia has been carried out and the level of their differentiation has been revealed with the calculation of variation indicators; the administrative and territorial units have been grouped according to the demographic situation, the differences between them and the possibilities of self-development of each of the selected groups have been analyzed.

Discussion and Conclusion. The tools to overcome inequality have been identified, taking into account the features of the municipalities, which require adjustments to municipal strategies for socio-economic development until 2025 and formulation of a concept for the spatial development of the Republic of Mordovia. Recommendations for activating some of the existing tools and developing new ones have been put forward. The results obtained can be used by local governments when updating the priorities for the development of territories and the applied tools of the economic mechanism of strategic management.

Keywords: spatial development of a region, municipality, socio-economic differentiation, method for reducing inequality

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Kovalenko E.G., Polushkina T.M., Yakimova O.Yu., Akimova Yu.A. Tools to Overcome Internal Socio-Economic Inequality. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(3):611-641. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.611-641>

Введение. Проблема регионального неравенства является одной из актуальных, поскольку может представлять угрозу национальной безопасности страны. Социально-экономическая неоднородность территорий обусловлена историческим, географическим и природным своеобразием, демографией, процессами экономического развития, инфраструктурной обустроенностью и др. Региональная дифференциация может служить как стимулом, так и тормозом социально-экономического развития, однако важно установить приемлемые границы неравенства и адекватные меры государственного регулирования его сглаживания. Принятая в 2019 г. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. направлена «...на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны»¹. Приоритетами до 2025 г. определены: опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, развитие перспективных центров экономического роста и социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения и с недостаточным собственным потенциалом экономического роста. Достижение национальных целей и задач пространственного развития возможно при условии разработки и реализации соответствующих стратегических документов в каждом субъекте Российской Федерации.

В докладе Всемирного банка «К новому общественному договору» приведен рейтинг стран Европы и Центральной Азии по степени неравенства регионов, в котором Россия находится на третьем месте после Таджикистана и Словакии. Из-за обширной территории страны неравенство проявляется как по федеральным округам, так и по муниципальным образованиям за счет больших различий между городами и сельскими территориями [1]. По данным Росстата, дифференциация субъектов Российской Федерации по экономическому развитию (по объему валового регионального продукта на душу населения) составляет 14 раз – от 1 575,3 тыс. руб. в Сахалинской области до 111,8 тыс. руб. в Республике Ингушетия. Социальные различия, например, в уровне бедности (по доле населения с денежными доходами ниже величины

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/ (дата обращения: 17.01.2021).

прожиточного минимума), меньше экономических, но тоже существенные: в мегаполисах Москве и Санкт-Петербурге – 6,6 %, а в Республике Ингушетия – 30,5 %, или в 4,6 раза. Неравенство социально-экономического положения на субрегиональном уровне может быть более глубоким, что объясняется отсутствием достаточного внимания к проблемам пространственного развития со стороны органов публичного управления в субъектах Российской Федерации, эффективных инструментов государственного регулирования и недостатком финансовых ресурсов в муниципальных бюджетах.

Проблема регионального неравенства не только многоуровневая, но и междисциплинарная, чем и объясняется интерес к ней географов, социологов, политологов и экономистов. Данное обстоятельство, на наш взгляд, может найти отражение в реальной региональной политике, которая должна учитывать, по возможности, все аспекты, оказывающие влияние на устойчивость развития территорий и уровень благосостояния населения. Наименее изученными до настоящего времени остаются вопросы пространственного развития на субфедеральном уровне, где исторически сложился высокий уровень социально-экономического неравенства и он продолжает возрастать, несмотря на применяемые меры государственного регулирования.

Объектом нашего исследования являются тенденции развития муниципальных образований на примере Республики Мордовия. Цель статьи – согласно результатам проведенного исследования разработать предложения по обоснованию инструментов государственного регулирования социально-экономического развития муниципальных образований, способствующих преодолению избыточного неравенства между ними.

В задачи исследования входило: 1) оценить уровень дифференциации муниципальных образований по демографической ситуации, показателям экономического и социального развития; 2) классифицировать муниципалитеты и оценить возможности развития каждой группы в рамках системы действующих мер государственного регулирования; 3) обосновать приоритеты стратегического развития для выделенных групп муниципалитетов и необходимые для этого инструменты государственной поддержки.

Обзор литературы. Закономерности пространственного развития интересуют ученых более века. Большинство ученых, занимающихся исследованием неравномерности размещения производительных сил и концентрации экономической деятельности на отдельных территориях, признают объективность дифференциации пространственного развития. Основа этого вывода отражена в модели кумулятивного роста шведского экономиста Г. Мюрдала, который на примере многих стран установил неравномерность роста экономики в системе рыночных отношений и сохранение неравенства за счет постоянного укрепления позиций конкурентоспособных территорий².

² Myrdal G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: Gerald Duckworth, 1957. 187 p.

Среди многочисленных теорий организации пространства важную роль в понимании процессов территориального развития сыграла теория центральных мест В. Кристаллера, в которой крупные и мелкие города сосредотачивают промышленное производство и услуги и образуют покрывающие все пространство сети. В. Кристаллер выделяет три принципа организации систем центральных мест: рыночный, транспортный и административный, каждый из которых позволяет определить расположение, роль и взаимосвязи между центрами высшего и низшего порядка³.

Научный интерес представляет центр-периферийная модель Дж. Фридмана, по которой субъекты экономической деятельности концентрируются в центрах роста, они формируются поэтапно и оказывают различное влияние на окружающие их территории. Нескольким центров формируют полицентрическую структуру, действие которой на окружение многократно усиливается. Инновационное развитие центров роста с определенным временным лагом способствует передаче инноваций на периферию. Важно, что данная модель присуща как крупным агломерациям, так и региональным и местным центрам⁴.

Несколько иные причины пространственного неравенства исследуются в рамках «новой экономической географии», которая связывает конкурентные преимущества территорий с формирующими ее факторами. П. Кругман выделил две группы факторов, называя их факторами «первой природы» и «второй природы». В первую группу отнесены не зависящие от деятельности людей факторы – это востребованные экономикой природные ресурсы (полезные ископаемые, земельные и др.) и географическое положение территории (включая развитость транспортной инфраструктуры). Вторая группа факторов связана с результатами деятельности человека и включает: агломерационный эффект процесса урбанизации, который обеспечивает экономию за счет масштабов деятельности; концентрацию в городах человеческого капитала, способствующего росту производительности труда и создающего для людей более высокое качество жизни; институты, содействующие улучшению предпринимательского климата, мобильности населения, распространению инноваций и др.; инфраструктуру, сокращающую экономические расстояния⁵.

Роль факторов в развитии общества со временем меняется, и более сильное влияние на развитие территорий оказывают факторы «второй природы», о чем свидетельствуют исследования российских ученых. Н. В. Зубаревич отмечает высокую зависимость уровня развития регионов от факторов «первой природы» (в частности, наличие месторождений нефти, газа, металлов), которые способствуют и активизации второй группы факторов. Не имеющие

³ Christaller W. *Central Places in Southern Germany*. New York: Englewood Cliffs, 1967. 107 p.

⁴ Friedmann J. *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1966. P. 25–26.

⁵ Krugman P. R. *Geography and Trade*. Cambridge: MIT Press, 1991. 142 p.

таких ресурсов регионы, как правило, ограничены в средствах для развития институциональной среды, социальной и производственной инфраструктуры. Необходимо смягчение социальных различий между регионами за счет масштабной адресной социальной поддержки уязвимых групп населения и стимулирования в менее развитых регионах зон роста. Оба эти направления требуют модернизации соответствующих институтов⁶ [2].

В последнее десятилетие проблема углубления неравенства между странами и внутри них активно исследуется учеными с акцентом на выявление национальных особенностей, причинно-следственных связей, применяемых инструментов выравнивания и их результативности.

Тренды мирового развития и результаты процессов глобализации отражены в публикациях международных организаций и отдельных авторов [1; 3]. Так, М. Монтебови в своей работе о глобальном неравенстве констатирует неравномерность распределения экономических выгод от глобализации. Он использует сочетание подходов из экономики, политологии и исторического анализа, описывая роли географического положения и социальных классов стран и их изменение с течением времени в глобальном неравенстве [4].

В большинстве стран реализуется региональная политика, направленная на преодоление социально-экономического неравенства территорий. Например, в Республике Корея региональное развитие нацелено на эндогенный рост с акцентом на региональную идентичность и специализацию, комплексную поддержку со стороны правительства через дерегулирование и субсидии на активизацию инновационной деятельности [5]. Китайские исследователи анализируют пространственное развитие экономики и уровень жизни административно-территориальных единиц и констатируют значительные различия, которые предлагается нивелировать через разработку стратегий регионального развития и систему социального обеспечения бедных слоев населения [6–8].

Большой опыт выравнивания уровней пространственного развития регионов накоплен в европейских странах. Так, М. Рива, С. Кертис, Л. Гаувин и Д. Фэгг, а также Н. Блэк, К. Скотт, М. Шаксмит исследовали масштабы неравенства в городских и сельских районах Англии, влияние на отдельные демографические группы, необходимые изменения в политике [9; 10].

К. Антунес, Б. Баккаини, М. Геруа и Р. Иzebaэрт изучают неравенство и территориальные разногласия во Франции с ее новыми регионами. Авторы отмечают необходимость усиления координации действий субъектов регулирования и учета особенностей социально-экономических процессов муниципалитетов, а к числу важнейших методов стратегического управления относят территориальное зонирование [11]. Испанский опыт обобщен в книге Х. Р. Куадрато-Роура «Региональная политика, экономический рост

⁶ Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

и конвергенция: уроки испанского опыта» относительно применяемой региональной политики, ее целей, инструментов и эффектов. Интерес представляют функционирование фондов с разной направленностью деятельности, например, Межтерриториального компенсационного фонда, стимулирующего рост доходов населения наименее развитых регионов [12].

В определенной мере образцом для верификации различных теоретических подходов к региональному развитию стал Европейский союз, который имеет очень развитую модель регионализма. Однако Л. Фосетт справедливо отмечает, что современный мир настолько сложен, неоднороден, разнообразен, поэтому использовать единый подход нельзя и нужно постоянно разрабатывать новый инструментарий регионального развития [13].

Рассматривая пространственное развитие регионов России в парадигме устойчивого развития как эколого-социально-экономические системы⁷, С. А. Иванов и В. В. Ложко, опираясь на труды П. Сорокина⁸ и П. Бурдьё⁹, подчеркивают важность социальных отношений, поскольку в развитии регионов многое зависит от регионального социума, выбора целей и усилий по их достижению, экономическому поведению [14, с. 22].

Центральными вопросами исследования социологов является тема социального неравенства и проблема социальной справедливости. Так, академик М. К. Горшков считает, что социальная дифференциация предопределяет «...неравенство жизненных шансов отдельных индивидов, социальных групп, слоев, классов, а также возможностей удовлетворения ими актуальных и разнообразных по характеру и источникам происхождения потребностей» [15, с. 25]. В. Д. Зорькин социальное неравенство в стране признает нарушением конституционного принципа социального государства, предполагающего создание равных возможностей для всех членов общества. Преодоление социальной несправедливости – одна из важнейших задач государства, реализуемых в рамках социальной политики¹⁰.

А. Ю. Шевяков обращает внимание на то, что неравенство может быть нормальным и избыточным [16]. Нормальное неравенство не препятствует реализации социально и экономически значимых человеческих функций, оно даже необходимо для экономического роста. Избыточное неравенство при высоком уровне дифференциации доходов негативно влияет на экономический рост [17].

Таким образом, как зарубежные, так и российские исследователи отмечают объективный характер пространственного социально-экономического неравенства, оценивая его на макро- и мезоуровне (для России это федеральные

⁷ Пчелинцев О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. С. 24.

⁸ Сорокин П. А. Социологические теории современности. М.: ИНИОН, 1992. 193 с.

⁹ Бурдьё П. Социология политики / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко: пер. с фр. Е. Д. Вознесенской. М.: Socio-Logos, 1993. С. 39.

¹⁰ Зорькин В. Стандарт справедливости // Российская газета. Федеральный выпуск. 2007. 8 июня. URL: <https://rg.ru/2007/06/08/zorkin.html> (дата обращения: 25.01.2021).

округа и субъекты Федерации). Менее изученным остается локальный уровень, где дифференциация экономики и системы жизнеобеспечения населения может быть более существенной, а возможности для развития ограниченными. Применяемые инструменты государственной экономической и социальной политики не приводят к выравниванию развития территорий, поскольку в полной мере воспользоваться ими могут регионы-лидеры, а аутсайдеры часто не соответствуют предъявляемым требованиям, например, для участия в федеральных целевых программах и проектах. Система социальной поддержки ориентирована на минимальный уровень удовлетворения жизненно важных потребностей наиболее уязвимых слоев населения и эффективность бюджетных расходов, что приводит к дискриминации прав граждан по месту жительства (на труд, медицинскую помощь, образование и т. д.). Для устойчивого пространственного развития на субрегиональном уровне необходимо применение инструментов государственной поддержки адекватных сложившимся условиям и тенденциям развития муниципальных образований, способных содействовать решению острых местных проблем. Это диктует необходимость разработки методологии стратегического пространственного развития регионов как на макро- и мезо-, так и на локальном уровне, базирующейся на оценке социально-экономического неравенства территорий и методов преодоления избыточной дифференциации в основных элементах системы жизнеобеспечения населения.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования выбрана Республика Мордовия, которая по данным Росстата является сравнительно небольшим регионом Приволжского федерального округа: по территории (26,2 тыс. км²) и численности населения (790,2 тыс. чел.) она занимает соответственно 68 и 61 позиции среди регионов России. В рейтинге социально-экономического положения субъектов Российской Федерации, ежегодно составляемом рейтинговым агентством «РИА Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня»¹¹, положение Мордовии изменилось с 67 позиции в 2017 г. до 59 в 2019 г. По данным этого агентства, в рейтинге регионов по демографии за 2016–2018 гг. Мордовия заняла 54 место, в рейтинге по качеству жизни в 2019 г. – 51 место. О проблемах и реальных возможностях развития республики дает представление Индекс конкурентоспособности регионов, разрабатываемый Консорциумом Леонтьевский центр – AV Group¹², по которому в 2018–2019 гг. она занимала 63 место. Финансовые ресурсы региона ограничены: доходы консолидированного бюджета в 2019 г. на 40 % состоят из безвозмездных поступлений, а уровень долговой нагрузки (отношение госдолга к налоговым и неналоговым доходам бюджета) самый высокий в стране – 211,2 %.

¹¹ Рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] / Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня». URL: <https://ria-rating.ru/infografika/20200602/630170513.html> (дата обращения: 17.01.2021).

¹² Индекс конкурентоспособности регионов [Электронный ресурс] / Консорциум Леонтьевский центр – AV Group. URL: <http://lc-av.ru/2020/05/21/ezhgodnoe-issledovanie-lc-av-indeks-konkurentosposobnosti-regionov-rossii-av-rci-2020/> (дата обращения: 15.01.2021).

Перспективы экономического роста республики зависят от эффективного развития инноваций и человеческого капитала. В рейтинге Инновационных регионов России Мордовия занимает 13 место и является средне-сильным инноватором. Однако исследование инновационной деятельности, проведенное Н. Н. Семеновой, В. И. Чугуновым и Р. А. Коломасовой, свидетельствует об ухудшении ситуации за 2014–2018 гг., например, произошло снижение доли отгруженной инновационной продукции на 9,7 %, а инновационной активности организаций – на 4,1 %, а также хронически недофинансируется региональная программа научно-инновационного развития (в среднем она финансируется на 93,1 %) [18].

Сложное социально-экономическое положение Республики Мордовия и острая необходимость существенной корректировки региональной политики в части пространственного развития обусловили предмет исследования – оценку социально-экономического неравенства муниципальных образований и обоснование инструментов преодоления его избыточного уровня. Система местного самоуправления состоит из 1 городского округа, 22 муниципальных районов, включающих 16 городских и 256 сельских поселений. Система расселения республики на 1 января 2020 г. представлена 7 городами, 13 поселками городского типа и 1 237 сельскими населенными пунктами.

Исследование проведено на основе открытых данных статистики, программных документов, аналитических отчетов и докладов органов исполнительной власти, а также паспортов и стратегий социально-экономического развития до 2025 г. муниципальных образований Республики Мордовия. Трудности в исследовании и оценке уровня дифференциации социально-экономического развития муниципалитетов связаны с неполным представлением необходимых статистических показателей, недостатками методик счета отдельных показателей (например, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций не включает работников малых и микропредприятий, в то время как они в ряде муниципальных районов составляют основу экономики), субъективной зависимостью показателей и оценок в отчетности органов публичной власти (не совпадающих с официальными данными статистики), что затрудняет проведение анализа и обеспечение достоверности выводов и предложений. В предыдущих наших исследованиях был изучен обширный список показателей, применяемый в практике тактического и стратегического управления муниципальными образованиями, но в статье использован ограниченный их набор, характеризующий демографическую, экономическую и социальную дифференциацию муниципалитетов и доступный в источниках ежегодной статистики¹³.

¹³ Стратегическое управление устойчивым развитием муниципальных территорий: моногр. / Е. Г. Коваленко, Т. М. Полушкина, О. Ю. Якимова [и др.]. Саранск: Издатель Афанасьев В. С., 2020. 168 с.

В ходе исследования применен метод системного анализа, с помощью которого муниципальные образования рассмотрены как обособленные административно-территориальные единицы, обладающие определенным потенциалом и особенностями развития, законодательно определенными полномочиями управления территорией, но представляющие элементы единой системы субъекта Российской Федерации и страны в целом, действующие в рамках присущих им закономерностей функционирования. С помощью сравнительного анализа муниципалитеты республики были ранжированы в зависимости от демографической ситуации, уровня экономического и социального развития, измерено пространственное неравенство на основе расчетов размаха вариации, коэффициентов вариации и осцилляции. Авторы осознанно использовали простые методы расчета, отказавшись также от эконометрических методов анализа ввиду их многофакторности и невозможности адекватно объяснить результаты эконометрических расчетов. Метод группировок обеспечил комплексную оценку социально-экономического развития муниципальных образований, позволил сформировать 3 группы, существенно различающиеся по возможностям устойчивого развития в рамках действующей в стране системы государственного регулирования: от имеющих потенциал для развития до депрессивных, требующих экстраординарных мер поддержки.

На основе проведенного анализа, а также оценки введенных в действие в 2018 г. стратегий социально-экономического развития муниципальных районов республики до 2025 г., авторами обоснована необходимость их корректировки в части определения приоритетов и механизмов реализации по решению проблем стабилизации численности населения, акселерации малого бизнеса и выравнивания социального положения граждан. Преодоление отставания депрессивных муниципалитетов от среднереспубликанского уровня предложено через активизацию применения таких инструментов государственного регулирования, которые обеспечат желаемый результат (например, грантовая поддержка инициатив граждан и некоммерческих организаций, оказание социальной помощи через социальные контракты и др.), взаимодействие власти, бизнеса и населения, повышение результативности деятельности органов местного самоуправления.

Результаты исследования. Национальные цели социально-экономического развития России – увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, определенные Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», являются ориентирами деятельности всех органов публичной власти¹⁴. Их достижение на всем пространстве

¹⁴ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 (с изменениями и дополнениями от 21.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 20.01.2021).

нашей огромной страны должно учитывать особенности территорий (географические, природные, демографические, этнические, экономические и др.), состояние и тенденции развития экономики и социальной сферы, наличие острых проблем и возможностей их самостоятельного решения.

Контрастность Российской Федерации объясняется ее масштабами, природно-климатическим разнообразием, многонациональным и многоконфессиональным населением. Однако она присутствует даже в небольших периферийных территориях, на первый взгляд кажущихся однородными. Оценим пространственное неравенство Республики Мордовия по показателям заселенности и транспортной взаимосвязанности территорий муниципальных образований (табл. 1). Диапазон различий представим через максимальные и минимальные значения показателей и расчет коэффициентов вариации и осцилляции, позволяющих оценить величину разброса отклонений значений конкретного индикатора от его средней величины и судить о масштабах его неоднородности по территориям. Напомним, что однородной совокупность данных принято считать при значении коэффициента вариации менее 33 %.

Таблица 1. Характеристика пространственного неравенства по муниципальным образованиям Республики Мордовия (на 1 января 2020 г.)¹⁵

Table 1. Characteristics of spatial inequality in the municipalities of the Republic of Mordovia (as of 1 January 2020)

Показатель / Indicator	Абсолютные значения / Absolute values		Коэффициент вариации ¹⁶ , % / Coefficient of variation, %	Коэффициент осцилляции ¹⁷ , % / Coefficient of oscillation, %
	макс. / max.	мин. / min.		
1	2	3	4	5
Территория, км ² / Territory, square kilometers	2 117	383	195,5	152,6
Плотность населения на 1 км ² , чел. / Population density per 1 square kilometer, people	913,2	6,7	612,2	3 001,6
Расстояние от г. Саранска до районного центра, км / Distance from the city of Saransk to the district center, kilometers	216	12	57,8	212,5

¹⁵ Рассчитано по: Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2020. 438 с.

¹⁶ Коэффициент вариации – процентное соотношение среднего квадратического отклонения и средней.

¹⁷ Коэффициент осцилляции – процентное отношение размаха вариации (абсолютной разницы между максимальным и минимальным значениями) к средней.

Окончание табл. 1 / End of table 1

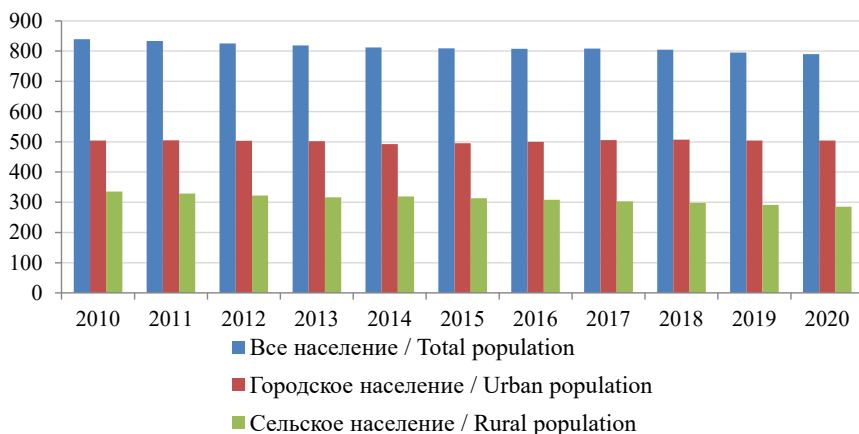
1	2	3	4	5
Численность постоянного населения, тыс. чел. / Resident population, thousand people	337,2	7,1	199,8	962,4
Доля сельского населения в общей численности, % / Share of the rural population in the total number, %	2,3	100,0	127,5	270,6
Средняя людность городов, чел. / Average population of towns, people	320 612	5 778	62,4	531,5
Средняя людность поселков городского типа, чел. / Average population of urban-type settlements, people	6 973	4 017	31,7	42,8
Количество сельских населенных пунктов, ед. / Number of rural settlements, units	107	13	42,6	174,1
Средняя людность сельских населенных пунктов, чел. / Average population of rural settlements, people	388	75	55,9	135,5
Плотность автодорог местного значения, км на 1 000 км ² / Density of local roads, kilometers per 1,000 square kilometers	1 932	168	113,4	14 200,0
Доля протяженности автодорог местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, % / Share of the length of local roads that do not meet regulatory requirements, %	4,2	97,9	28,9	144,6

Приведенные показатели позволяют констатировать высокую степень неоднородности муниципальных территорий. Исключение составляют только показатели средней людности поселков городского типа и доли протяженности автодорог местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, последний из которых свидетельствует о негативности общей ситуации. В настоящее время средняя людность поселков городского типа в республике составляет 6 914 чел. и за последние пять лет она сократилась почти на 5 % (причем во всех без исключения населенных пунктах этого типа). Относительно второго показателя следует отметить, что среднее его значение по

республике составляет 64,8 %, а более низкая доля не отвечающих нормативным требованиям местных автодорог зафиксирована только в 5 муниципальных образованиях, что свидетельствует об однородности всей совокупности в общей неблагоприятной ситуации.

Одной из острых проблем Мордовии остается сокращение постоянного населения, которое происходит уже более 50 лет, и за 1970–2020 гг. привело к его убыли почти на 243 тыс. чел., или на 23,5 %. С 2010 г. этот показатель уменьшился на 5,8 % за счет сокращения сельского населения на 49,5 тыс. чел., или на 14,8 %, в то время как городское население возросло на 500 чел. (рис. 1).

Р и с. 1. Численность постоянного населения, тыс. чел.

F i g. 1. Resident population, thousand people

По муниципальным образованиям демографическая ситуация существенно различается от неблагоприятной до экстремально критической. Анализ тенденций за последние 10 лет свидетельствует о постоянном ее ухудшении по всем муниципальным территориям. Об этом можно судить по общим коэффициентам естественного и миграционного прироста (убыли), рождаемости и смертности, нагрузки нетрудоспособного населения на трудоспособное, а также по условному коэффициенту депопуляции (УКД), рассчитываемому как отношение числа умерших к числу родившихся. Представим эти показатели в таблице 2, предварительно сгруппировав муниципальные образования по УКД, рассчитанному в среднем за 2017–2019 гг. (для сглаживания резких годовых колебаний коэффициентов).

Таблица 2. Демографические показатели по группам муниципальных образований Республики Мордовия (2019 г.)
Table 2. Demographic indicators by groups of municipalities of the Republic of Mordovia (2019)

Муниципальный район / Municipal district	УКД / CDR*	Общие коэффициенты (в расчете на 1 000 чел.) / General rates (per 1,000 people)					Коэффициент нагрузки на трудоспособное население / Rate of the workload of working-age population
		2	3	4	5	6	
1							7
<i>1-я группа с неблагоприятной демографической ситуацией (УКД до 2,00) / Group 1 group with a disadvantaged demographic situation (CDR under 2.00)</i>							
1. г.о. Саранск / Urban District of Saransk	1,22	-1,9		7,2	8,5	10,4	669
2. Лямбирский / Lyambir District	1,97	-6,0		-0,4	6,2	12,2	825
3. Ромодановский / Romodanovo District	1,20	-2,2		-10,4	10,9	13,1	806
4. Рузаевский / Ruzaevka District	1,91	-6,8		-3,5	7,5	14,3	802
5. Торбеевский / Torbejevo District	1,42	-3,5		-3,6	8,3	11,8	738
6. Чамзинский / Chamzinka District	2,09*	-8,4		-1,1	7,7	16,1	857
В среднем по группе / Group average	1,39	-3,2		3,0	8,3	11,5	712
<i>2-я группа с критической демографической ситуацией (УКД от 2,01 до 2,99) / Group 2 with a critical demographic situation (CDR from 2.01 to 2.99)</i>							
1. Атюрьевский / Atyurevo District	2,24	-9,4		-10,8	7,6	17,0	827

Продолжение табл. 2 / Continuation of table 2

1	2	3	4	5	6	7
2. Атышевский / Atyashevo District	2,38	-10,2	-10,7	7,4	17,6	941
3. Дубенский / Dubyonki District	3,72*	-15,8	-18,2	5,8	21,6	1 095
4. Зубово-Полянский / Zubova Polyana District	2,16	-5,9	-7,2	5,1	11,0	529
5. Инсарский / Insar District	2,12	-9,3	-15,3	8,3	17,6	932
6. Ичалковский / Ichalki District	2,54	-10,8	-7,9	7,0	17,8	840
7. Кадешкинский / Kadoshkino District	3,66*	-14,9	-17,7	5,6	20,5	935
8. Ковылкинский / Kovyukino District	1,88	-6,9	-7,3	7,8	14,7	819
9. Кочкуровский / Kochkurovo District	2,29	-8,8	-5,7	6,8	15,6	905
10. Краснослободский / Krasnoslobodsk District	3,04*	-11,2	-7,5	5,5	16,7	867
11. Старошаинговский / Staroye Shaugovo District	2,58	-9,3	-10,6	5,9	15,2	791
В среднем по группе / Group average	2,38	-9,0	-9,4	6,5	15,5	772
3-я группа с экстремально критической демографической ситуацией (УКД более 3,00) / Group 3 with an extremely critical demographic situation (CDR over 3.00)						
1. Ардатовский / Ardatov District	4,00	-13,5	-12,4	4,5	18,0	910
2. Большеберезниковский / Bolshiye Berezniki District	3,51	-14,3	-3,1	5,7	20,0	1 020

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7
3. Большеигнатовский / Bolshoye Ignatovo District	3,46	-12,3	-15,2	5,0	17,3	939
4. Ельниковский / Yelniki District	4,33	-15,0	-4,6	4,5	19,5	864
5. Темниковский / Tennikov District	3,39	-14,8	-16,6	6,2	21,0	1 044
6. Теньгушевский / Tengushevo District	3,48	-13,9	-9,4	5,6	19,5	770
<i>В среднем по группе / Group average</i>	<i>3,73</i>	<i>-14,2</i>	<i>-10,8</i>	<i>5,2</i>	<i>19,4</i>	<i>925</i>
<i>В среднем по региону / Regional average</i>	<i>1,76</i>	<i>-5,7</i>	<i>-1,0</i>	<i>7,5</i>	<i>13,2</i>	<i>745</i>

* Условный коэффициент депопуляции по районам в среднем за 2017–2019 гг. составили: Чамзинский – 1,72, Дубенский – 2,66, Кадешинский – 2,64, Краснослободский – 2,57 / The conditional depopulation rate (CDR) for the districts on average for 2017–2019: Chamzinka District – 1.72, Dubyonki District – 2.66, Kadoshino District – 2.64, Kadoshobodsk District – 2.57.

Для оценки демографической безопасности страны и отдельных регионов российскими учеными обоснованы пороговые значения основных показателей. Например, А. В. Калина и И. П. Савельева определяют их по коэффициентам естественного и миграционного прироста на уровне не менее 0, рождаемости – не менее 10,0 и смертности – не более 10,0, УКД – не более 1 [19]. С. Ю. Глазьев и В. В. Локосов предельно критическим значением демографической нагрузки на трудоспособное население обозначают 600 в расчете на 1 000 чел. [20]. Как видно из приведенных в таблице 2 данных, фактические коэффициенты существенно превышают пороговые значения как в среднем по республике, так и во всех муниципальных образованиях. Их группировка демонстрирует нарастание кризисности демографической ситуации – от неблагоприятной до экстремально кризисной. К 1 группе с неблагоприятной демографией относятся 6 муниципальных образований, включая г. о. Саранск, с общей численностью 511,8 тыс. жителей (65 %), ко 2-й группе с кризисной ситуацией – 11 муниципальных районов с 204 тыс. жителей (26 %) и к 3-й группе с экстремально кризисной демографией – 6 муниципалитетов с 74,5 тыс. населения (9 %). Очевидно, что для обеспечения демографической безопасности большинству муниципальных образований и республике в целом необходима активная политика народосбережения. Если для муниципалитетов 1 группы проводимая социальная политика, направленная на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми, может дать положительный демографический эффект, то в 3 группе эти меры не сработают из-за низкой доли населения детородного возраста, поэтому необходимо всемерно способствовать привлечению молодых специалистов и переселению соотечественников.

Демографические процессы являются базовыми для формирования человеческого капитала, экономического развития и конкурентоспособности территории, а с другой стороны – это индикатор условий и способности устойчивого развития конкретного муниципального образования относительно других. Это положение подтверждает система средних значений экономических показателей, рассчитанная по демографическим группам муниципальных образований республики (табл. 2), приведенная в таблице 3. По уровню экономического развития и специализации 1-я группа является развитой индустриально-аграрной, 2-я – среднеразвитой аграрно-промышленной, 3-я – низко развитой с преобладанием аграрной экономики.

Доля 1-й группы в общем по республике объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по промышленности составила 83 %, 2-й – около 15 %, 3-й – меньше 2 %. Как видно из таблицы 3, превышение этого среднестатистического показателя 1-й группы над 2-й составило 2,2 раза, над 3-й – 11,2 раза, а 2-й над 3-й – 5,2 раза. В производстве сельскохозяйственной продукции удельный вес групп следующий: 1-я – 53 %, 2-я – 37 %, 3-я – 10 %. Однако по среднестатистическому производству лидирует 2-я группа с превышением над 1-й в 1,7 раза, над 3-й – в 1,3 раза.

Таблица 3. Показатели экономического развития по группам муниципальных образований (в среднем за 2017–2019 гг.)¹⁸

Table 3. Indicators of economic development by groups of municipalities (on average for 2017–2019)

Показатель / Indicator	Группы муниципальных образований по УКД / Groups of municipalities according to CDR			В среднем по Республике Мордовия / On average in the Republic of Mordovia
	1	2	3	
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по промышленности в расчете на 1 жителя, тыс. руб. / Volume of shipped goods of own production, works and services performed on their own in the industry, per 1 resident, thousand rubles	271,4	125,4	24,3	226,3
Объем производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий в расчете на 1 жителя, тыс. руб. / Volume of agricultural production in farms of all categories per 1 resident, thousand rubles	62,4	105,8	83,4	75,8
Объем инвестиций в основной капитал в расчете на 1 жителя, тыс. руб. / Volume of investment in fixed assets per 1 resident, thousand rubles	63,8	46,0	19,2	53,6
Собственные доходы без перечислений из бюджетов других уровней и внебюджетных фондов в расчете на 1 жителя, тыс. руб. / Own revenues without transfers from budgets of other levels and off-budget funds per 1 resident, thousand rubles	7,3	4,9	3,8	6,4
Число субъектов МСП в расчете на 10 тыс. чел., ед. / Number of small and medium-sized enterprises per 10 thousand people, units	264	165	165	228

Следует отметить, что в 1-ю группу входят муниципальные образования, на территории которых функционируют крупные промышленные предприятия и агрофирмы (например, 2 крупных птицефабрики в Лямбирском районе), во 2-й группе осуществляют деятельность предприятия пищевой промышленности, в численности которых преобладают средние и малые субъекты хозяйствования, в то время как в 3-й группе муниципалитетов основную роль в экономике играют малые, микропредприятия и индивидуальные предприниматели.

¹⁸ Рассчитано по: Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2020. 438 с.

По числу субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. чел. лидирует 1-я группа с превышением над 2-й и 3-й в 1,6 раза. Количество субъектов малого и среднего предпринимательства за последние три года в 1-й группе возросло на 32,4 %, а в 3-й – сократилось на 3,4 %. Неустойчивость малого бизнеса для районов 3-й группы объясняется практической недоступностью для большинства из них инвестиционных ресурсов, о чем свидетельствует объем инвестиций в основной капитал в расчете на 1 жителя, который в 3-й группе равен 19,2 тыс. руб., что меньше среднего республиканского значения в 2,8 раза, а в сравнении с 1-й группой – в 3,3 раза. Это сказывается на темпах экономического развития муниципалитетов и находит отражение в показателе собственных доходов местного бюджета (без перечислений из бюджетов других уровней и внебюджетных фондов) в расчете на 1 жителя, значения которого фиксируют тенденцию снижения от 1-й группы к 3-й в 1,9 раза.

Тесную взаимозависимость социальных процессов от демографических и экономических демонстрируют показатели таблицы 4, рассчитанные по выделенным выше группам и обусловленные как отраслевой структурой экономики, так и численностью и размерами действующих хозяйствующих субъектов, обеспечивающих занятость и доходы населения.

Таблица 4. Показатели социального развития по группам муниципальных образований (2019 г.)¹⁹

Table 4. Indicators of social development by groups of municipalities (2019)

Показатель / Indicator	Группы муниципальных образований по УКД / Groups of municipalities according to CDR			В среднем по Республике Мордовия / On average in the Republic of Mordovia
	1	2	3	
1	2	3	4	5
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб. / Average monthly nominal accrued salary of employees, rubles	33 434	24 059	23 550	30 596
Средний размер назначенных пенсий пенсионеров, состоящих на учете в отделении Пенсионного фонда России, руб. / Average assigned pensions of the pensioners registered with a branch of the Pension Fund of the Russian Federation, rubles	14 066	12 858	12 715	13 593
Соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума, % / Ratio of per capita monetary income to the subsistence minimum, %	225,7	169,0	153,1	216,9

¹⁹ Рассчитано по: Мордовия: Стат. ежегодник.

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5
Доля детей в возрасте 1–6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу в дошкольном образовательном учреждении, % / Share of children aged 1–6 receiving preschool educational services at preschool educational institutions, %	78,6	64,8	59,5	77,4
Площадь жилья в расчете на 1 жителя, м ² / Housing area per 1 resident, square meters	25,9	32,8	34,2	28,5

Из пяти приведенных показателей, четыре фиксируют снижение значений от 1-й группы к 3-й: по заработной плате работников организаций – на 42,0 %, по среднему размеру назначенных пенсий пенсионеров – на 10,6 %, по соотношению среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума – на 72,6 %, по доле детей дошкольного возраста 1–6 лет в дошкольных образовательных учреждениях – на 19,1 %. По первым трем показателям различия объясняются отраслевой структурой и размерами субъектов хозяйственной деятельности. Наличие на территории муниципальных образований крупных промышленных, строительных и транспортных предприятий, финансовых организаций с более высокой заработной платой сотрудников обеспечивает лидерство 1-й группы. В малом и микробизнесе оплата труда часто минимально допустимая, а доходы предпринимателей неустойчивы, что и демонстрирует показатель соотношения среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума, который в 3-й группе на 72,6 % ниже, чем в 1-ой, и на 63,8 % ниже среднего республиканского значения. Следует подчеркнуть, что уровень средней номинальной заработной платы работников в большинстве муниципальных районов 2-й и 3-й группы связан с бюджетными организациями социальной сферы; он обеспечивается и контролируется исполнением Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

Из показателей таблицы 4 рост от 1-й группы к 3-й происходит только по площади жилья в расчете на 1 жителя (на 32,1 %), что связано как с реализацией мероприятий по жилищному строительству в рамках государственной программы устойчивого развития сельских территорий, так и в немалой степени с естественной и миграционной убылью населения в районах 2-й и 3-й групп.

Проведенный анализ позволяет констатировать высокий уровень социально-экономического неравенства муниципальных образований, что является свидетельством недостаточной эффективности региональной политики, инструменты которой в большей степени стимулируют «точки роста» и муниципалитетов-лидеров, обеспечивающих положительную динамику общих показателей развития субъекта Российской Федерации, но не срабатывают

у аутсайдеров, способствуя углублению дифференциации между ними. Вывод очевиден: для проблемных территорий в соответствии с их особенностями необходимо изменение условий применения отдельных инструментов государственной поддержки (если это возможно) или увеличение масштабов тех методов, которые реально способствуют активизации экономики и социальной поддержке населения.

Обсуждение и заключение. Один из принципов «Основ государственной региональной политики Российской Федерации на период до 2025 года»²⁰ диктует необходимость дифференцированного подхода к методам государственного регулирования развития территорий в зависимости от их социально-экономических особенностей. Очевидно, что каждому субъекту Российской Федерации необходима Стратегия пространственного развития до 2030 (2035) г., позиционирующая проблемы развития отдельных территорий региона и определяющая цели, задачи и методы их решения. При этом важно понимание, что каждое муниципальное образование является сложной социально-экономической системой со своей реакцией на влияние внешней среды и происходящих изменений, управленческой квалификацией должностных лиц в органах публичной власти. В настоящее время используемые меры государственного регулирования развития административно-территориальных единиц являются унифицированными и не учитывают особенности пространственного развития территорий и их потенциала, кроме того имеет место несогласованность действий разных исполнительных органов управления (как по отраслям, так и по уровням). Отметим, что эффективное регулирование внутрирегиональной дифференциации невозможно без достоверной, достаточной и своевременной информации по процессам пространственного развития региона в разрезе не только городских округов и муниципальных районов, но и отдельных поселений и населенных пунктов. Это диктует необходимость в системе социально-экономического мониторинга существенно расширить пространственный аспект за счет предоставления системы показателей по заселенности и демографической ситуации, потенциалу территорий и их освоенности, социальной комфортности среды проживания, общественной и экологической безопасности, неравенству и бедности населения, в том числе с отражением в картографическом материале.

Наиболее сложной задачей выравнивания экономического развития муниципалитетов является преодоление кризисных явлений депрессивных территорий, проявляющихся в сужении возможностей воспроизводственного процесса в основных отраслях и постепенной деградации ресурсного, хозяйственного и социального потенциалов [21, с. 38]. Очевидно, что простых

²⁰ Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938c46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/ (дата обращения: 01.02.2021).

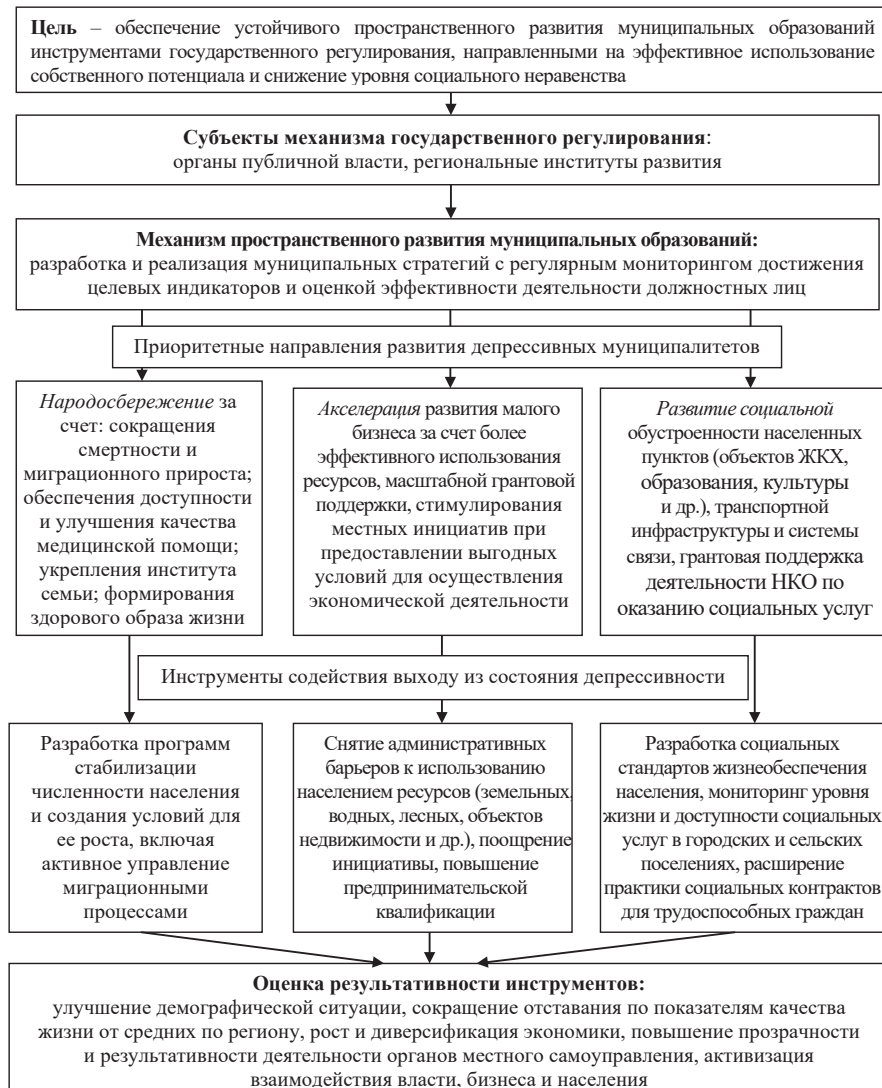
и быстрых решений их проблем не существует, необходимо пристальное внимание к ним органов публичной власти как в части стратегического пространственного планирования, так и контроля за достижением намеченных планов. Основные направления и инструменты преодоления социально-экономического неравенства муниципальных образований за счет сокращения отставания депрессивных территорий (3-й группы муниципалитетов республики) представлены на рисунке 2.

Государственное регулирование регионального социально-экономического развития муниципальных образований в настоящее время осуществляется преимущественно через государственные, региональные и ведомственные программы, участие в которых, как правило, предполагает их софинансирование со стороны местного бюджета и собственных средств участников проектов, что для некоторых локальных территорий становится непреодолимым препятствием. Однако целевые программы охватывают не весь спектр острых проблем муниципальных территорий, к числу которых относится демографическая. В Мордовии она в некоторой степени нашла отражение в муниципальных стратегиях социально-экономического развития до 2025 г. в виде анализа демографической ситуации и определения целевых показателей на перспективу (численности населения, коэффициентов рождаемости и смертности), незначительно сокращающих кризисные тенденции без обоснования мероприятий. На наш взгляд, для муниципалитетов 2-й и 3-й групп необходима разработка программ стабилизации численности населения (в рамках стратегий или отдельных документов) с альтернативными сценариями решения проблемы и приоритетными направлениями действий.

Как показал анализ экономического развития депрессивных регионов, в отсутствие крупных и даже средних предприятий для них необходимо активное стимулирование развития малого бизнеса, сохранения и создания новых рабочих мест для закрепления кадров, привлечения инвесторов. Внимание органов власти должно быть направлено на акселерацию предпринимательства всех видов и организационно-правовых форм за счет финансовой, информационной, консультационной и культурно-просветительской поддержки. Без этого невозможно повысить уровень жизни и сократить депопуляцию населения, обеспечить рост доходов местного бюджета.

Считаем справедливой позицию Н. В. Зубаревич о необходимости сокращения социального неравенства регионов через поддержку молодых специалистов в экономике и сферах здравоохранения и образования, развития системы непрерывного образования, более масштабную адресную поддержку уязвимых групп населения²¹.

²¹ Зубаревич Н. В. Государственное управление в пространстве Российской Федерации: коридор возможностей // Государство. Общество. Управление: сб. ст. М.: Альпина Паблишер, 2013. С. 339–357. URL: <https://iphras.ru/uplfile/philec/gou/zubarevich.pdf> (дата обращения: 23.01.2021).

Р и с. 2. Механизм преодоления социально-экономического неравенства муниципальных образований за счет сокращения отставания депрессивных территорий

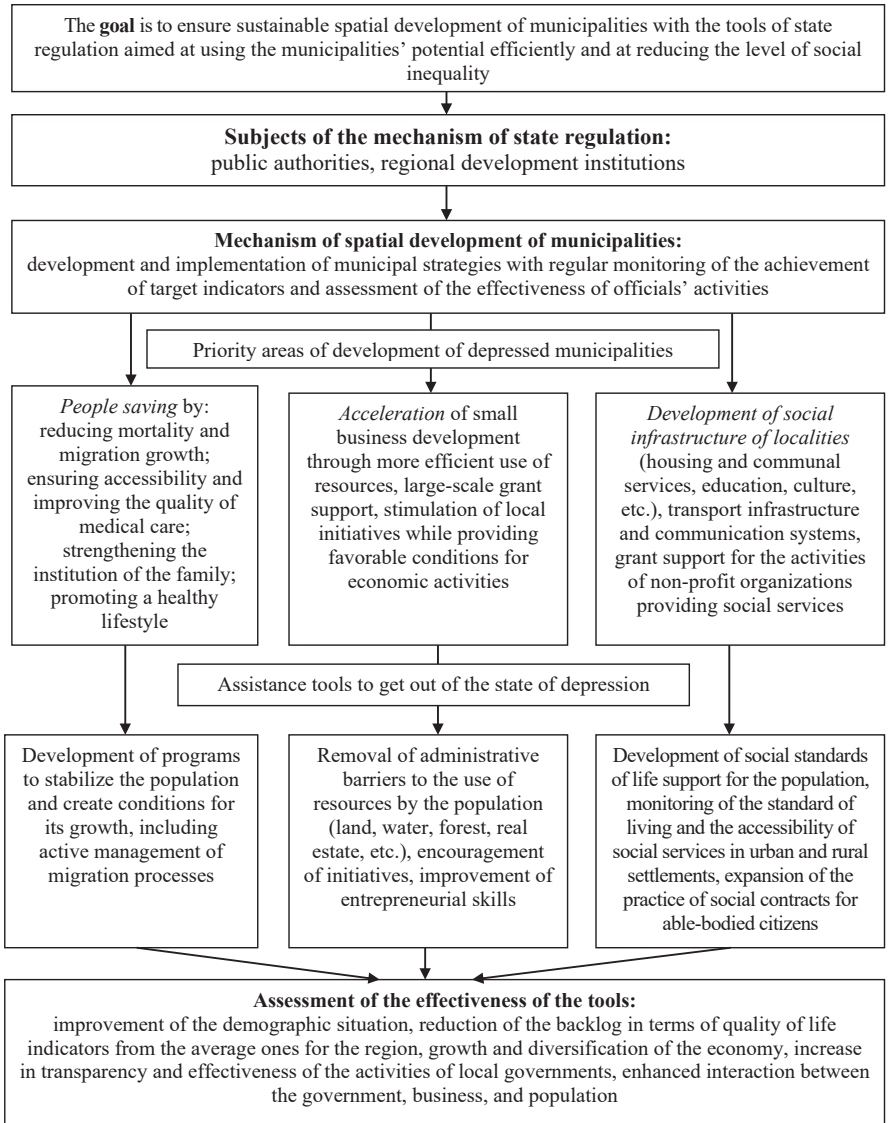

Fig. 2. The mechanism to overcome the socio-economic inequality of municipalities by reducing the backlog of the economically depressed territories

Проведенные исследования позволяют констатировать, что уровень бедности в депрессивных муниципалитетах существенно выше и затрагивает часто работающих граждан (например, в сельском хозяйстве и индивидуальных предпринимателей) и семьи с детьми. Имеющим право на социальную помощь трудоспособным гражданам она должна оказываться в форме социального контракта, обеспечивая их адаптацию и выход из трудных жизненных ситуаций. Эта форма социальной поддержки требует больших усилий от органов социальной защиты населения и применяется недостаточно широко.

Важным институтом пространственного развития, обеспечивающим конституционные социальные гарантии, являются социальные стандарты жизни и жизнеобеспечения населения, представляющие собой комплекс законодательно установленных нормативов в отраслях социальной сферы (здравоохранении, образовании, культуре, социальной защите населения и др.), обеспечивающих доступность социальных услуг для населения. Следует отметить, что во многих регионах вообще отсутствуют нормативно-правовые акты в области социальной стандартизации (в их числе и Республика Мордовия), исключение составляют Республика Карелия, Республика Татарстан, Самарская область и Ямало-Ненецкий автономный округ. Это не фиксирует внимание органов региональной исполнительной власти на необходимости предоставления социальных благ хотя бы на минимально допустимом уровне всем гражданам подведомственных территорий, что и приводит к сохранению и даже углублению их неравенства. Выравнивание социального обслуживания населения требует введение в муниципальную практику социальных стандартов жизни и жизнеобеспечения населения.

Решение территориальных проблем и реальное снижение отставания депрессивных муниципалитетов по основным параметрам социального развития требуют согласования интересов и налаживания эффективного взаимодействия между властью, бизнесом и населением через активизацию деятельности институтов развития (ГЧП и МЧП) и гражданского общества (например, некоммерческих организаций) [22]. Деятельность некоммерческих организаций направлена на оказание помощи людям при выходе из трудных жизненных ситуаций, обеспечение защиты интересов граждан, предоставление социальных услуг и др. Они привлекают дополнительные финансовые ресурсы на развитие территорий, в том числе через участие в конкурсах грантов различных фондов (например, в Мордовии в 2020 г. ими было привлечено 3,7 млн руб.). Количество инициативных граждан, участвующих в конкурсах и реализующих социальные проекты, можно существенно увеличить. Для этого от органов власти необходимо понимание места и значения НКО в развитии территории, дополнение муниципальных стратегий с учетом их деятельности. Кроме того, возрастают возможности для самореализации и раскрытия таланта каждого человека, независимо от места проживания при условии организации прозрачной и эффективной системы взаимодействия с органами местного самоуправления.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в Республике Мордовия исторически сложилось и продолжает сохраняться избыточное социально-экономическое неравенство муниципальных образований, на котором не акцентируется внимание органов регионального и муниципального управления и не учитывается ими при принятии тактических и стратегических управленческих решений. Состав применяемых инструментов государственного регулирования развития муниципалитетов обширен и в силу объективных и субъективных различий между ними должен подбираться индивидуально, согласно специфическим особенностям и возможной результативности.

На основании анализа показателей демографического, экономического и социального состояния выявлены 3 группы муниципальных образований: развивающиеся, с неустойчивым развитием и депрессивные. Представленные приоритетные направления и инструменты государственного регулирования муниципального развития для депрессивных территорий могут быть использованы при корректировке муниципальных стратегий социально-экономического развития, оценке прозрачности и результативности деятельности органов местного самоуправления. Эти результаты могут стать основой для совершенствования пространственной политики на субрегиональном уровне. В целом статья может быть полезна специалистам в области государственного и муниципального управления, представителям научного сообщества, интересующимся вопросами пространственного развития регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Toward a New Social Contract. Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia. Europe and Central Asia Studies / M. Bussolo, M. Dávalos, V. Peragine, R. Sundaram. – Washington, DC : World Bank, 2018. – 251 p. – URL: <https://www.amazon.com/Toward-New-Social-Contract-Distributional/dp/1464813531> (дата обращения: 21.01.2021).
2. Зубаревич, Н. В. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? / Н. В. Зубаревич, С. Г. Сафонов // Общественные науки и современность. – 2013. – № 6. – С. 15–26. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/25/1251201390/15-26_Zubarevich.pdf (дата обращения: 23.01.2021). – Рез. англ.
3. What Factors Affect Income Inequality and Economic Growth in Middle-Income Countries? / D. H. Vo, T. C. Nguyen, N. P. Tran, A. T. Vo. – DOI 10.3390/jrfm12010040 // Journal of Risk and Financial Management. – 2019. – Vol. 12, issue 1.
4. Montebovi, M. Review: Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization by Branco Milanovic / M. Montebovi. – DOI 10.33391/jgjh.41 // Junctions: Graduate Journal of the Humanities. – 2017. – Vol. 2, issue 2. – Pp. 131–136.
5. Kim, T. Regional Policy in the Republic of Korea: Principles and Experiences / T. Kim, J. Lim. – Document № 189. Territorial Cohesion for Development Working Group. – URL: https://www.rimisp.org/wp-content/files_mf/1467323016189_Taeyung_Kim_Junghwan_Lim.pdf (дата обращения: 21.01.2021).

6. Yu, Le-rong. The Effects of Social Security Expenditure on Reducing Income Inequality and Rural Poverty in China / Le-rong Yu, Xiao-yun Li. – DOI [10.1016/S2095-3119\(20\)63404-9](https://doi.org/10.1016/S2095-3119(20)63404-9) // Journal of Integrative Agriculture. – 2021. – Vol. 20, issue 4. – Pp. 1060–1067.

7. He, S. A Spatiotemporal Analysis of County Economy and the Multi-Mechanism Process of Regional Inequality in Rural China / S. He, F. H. Liao, G. Li. – DOI [10.1016/j.apgeog.2019.102073](https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2019.102073) // Applied Geography. – 2019. – Vol. 111.

8. Hai, Z. The Impact of Population Aging on Income Inequality in Developing Countries: Evidence from Rural China / Z. Hai. – DOI [10.1016/j.chieco.2010.09.003](https://doi.org/10.1016/j.chieco.2010.09.003) // China Economic Review. – 2011. – Vol. 22, issue 1. – Pp. 98–107.

9. Unravelling the Extent of Inequalities in Health Across Urban and Rural Areas: Evidence from a National Sample in England / M. Riva, S. Curtis, L. Gauvin, J. Fagg. – DOI [10.1016/j.socscimed.2008.11.024](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2008.11.024) // Social Science & Medicine. – 2009. – Vol. 68, issue 4. – Pp. 654–663.

10. Black, N. Social Inequalities in Rural England: Impacts on Young People Post-2008 / N. Black, K. Scott, M. Shucksmith. – DOI [10.1016/j.jrurstud.2018.09.008](https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2018.09.008) // Journal of Rural Studies. – 2019. – Vol. 68. – Pp. 264–275.

11. Disparities and Territorial Discontinuities in France with its New Regions: A Multiscalar and Multidimensional Interpretation. *Economie et Statistique* / K. Antunez, B. Baccaïni, M. Guérois, R. Ysebaert. – DOI [10.24187/ecostat.2017.497d.1928](https://doi.org/10.24187/ecostat.2017.497d.1928) // Economics and Statistics. – 2017. – No. 497–498. – Pp. 19–41.

12. Cuadrado-Roura, J. R. Regional Policy, Economic Growth and Convergence: Lessons from the Spanish Case / J. R. Cuadrado-Roura. – DOI [10.1007/978-3-642-02178-7](https://doi.org/10.1007/978-3-642-02178-7). – Berlin : Springer Science & Business Media, 2010. – 330 p.

13. Fawcett, L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space / L. Fawcett. – DOI [10.4324/9781315589626-11](https://doi.org/10.4324/9781315589626-11) // Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World / Ed. by M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert. – Abington : Routledge, 2016. – Pp. 33–55.

14. Иванов, С. А. О пространственном подходе в теории региональной экономики / С. А. Иванов, В. В. Ложко // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. – 2015. – Т. 9, – № 1. – С. 18–25. URL: <https://vestnik.susu.ru/em/article/view/3550> (дата обращения: 01.02.2021). – Рез. англ.

15. Горшков, М. К. Социальные неравенства как вызов современной России / М. К. Горшков // Вестник Института социологии. – 2010. – № 1. – С. 24–47. – URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2010_01/gorshkov.pdf (дата обращения: 02.02.2021). – Рез. англ.

16. Шевяков, А. Социальное неравенство, бедность и экономический рост / А. Шевяков // Общество и экономика. – 2005. – № 3. – С. 5–18. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17696099> (дата обращения: 12.01.2021).

17. Шевяков, А. Ю. Экономическое неравенство: тормоз демографического роста / А. Ю. Шевяков // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 9. – С. 197–201. – URL: <http://journal.econorus.org/pdf/NEA-9.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

18. Семенова, Н. Н. Совершенствование механизма финансирования инновационной деятельности региона в контексте концепции устойчивого развития / Н. Н. Семенова, В. И. Чугунов, Р. А. Коломасова. – DOI [10.15507/2413-1407.113.028.202004.666-694](https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.666-694) // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 666–694. – Рез. англ.

19. Калина, А. В. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее регионов / А. В. Калина, И. П. Савельева // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. – 2014. – Т. 8, № 4. – С. 15–24. – URL: <https://vestnik.susu.ru/em/article/view/2865> (дата обращения: 10.02.2021). – Рез. англ.

20. Глазьев, С. Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С. Ю. Глазьев, В. В. Локозов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4 (22). – С. 22–41. URL: <http://esc.vsc.ac.ru/article/317/full?lang=ru> (дата обращения: 28.01.2021).

21. Лексин, В. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Ст. 8: Депрессивные территории: прежние проблемы и новые варианты их решения / В. Лексин, А. Швецов. – Текст : непосредственный // Российский экономический журнал. – 2001. – № 9. – С. 35–63.

22. Губанова, Е. С. Преодоление социально-экономического неравенства как условие устойчивого сбалансированного пространственного развития региона / Е. С. Губанова, В. С. Клещ. – DOI [10.15838/esc.2019.5.65.3](https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.3) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 5. – С. 44–57. – Рез. англ.

Поступила 17.02.2021; одобрена после рецензирования 26.03.2021; принята к публикации 07.04.2021.

Об авторах:

Коваленко Елена Георгиевна, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4688-6030>, kovalena13@mail.ru

Полушкина Татьяна Михайловна, профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4192-5176>, polushkinatm@gmail.com

Якимова Ольга Юрьевна, профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5004-9978>, olyakimova@yandex.ru

Акимова Юлия Алексеевна, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0404-5105>, yuaakimova@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Е. Г. Коваленко – постановка научной проблемы; определение методологии исследования; интерпретация полученных результатов.

Т. М. Полушкина – поиск и систематизация материалов в отечественных и зарубежных источниках; критический анализ результатов исследования; формулирование выводов.

О. Ю. Якимова – структурирование и анализ данных; визуализация данных в тексте; подготовка графических материалов; разработка практических рекомендаций.

Ю. А. Акимова – проведение исследования и первичная обработка полученных результатов; подготовка начального варианта и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bussolo M., Dávalos M., Peragine V., Sundaram R. Toward a New Social Contract. Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia. Europe and Central Asia Studies. Washington, DC: World Bank; 2018. Available at: <https://www.amazon.com/Toward-New-Social-Contract-Distributional/dp/1464813531> (accessed 21.01.2021). (In Eng.)
2. Zubarevich N.V., Safronov S. Inequality in the Socio-Economic Development of Regions and cities in Russia in the 2000s: Growth or Decline? *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Contemporary World. 2013; (6):15-26. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/25/1251201390/15-26_Zubarevich.pdf (accessed 23.01.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Vo D.H., Nguyen T.C., Tran N.P., Vo A.T. What Factors Affect Income Inequality and Economic Growth in Middle-Income Countries? *Journal of Risk and Financial Management*. 2019; 12(1). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/jrfm12010040>
4. Montebovi M. Review: Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization by Branco Milanovic. *Junctions: Graduate Journal of the Humanities*. 2017; 2(2):131-136. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.33391/jgjh.41>
5. Kim T., Lim J. Regional Policy in the Republic of Korea: Principles and Experiences. Document № 189. Territorial Cohesion for Development Working Group. Available at: https://www.rimisp.org/wp-content/files_mf/1467323016189_Taeyung_Kim_Junghwan_Lim.pdf (accessed 21.01.2021). (In Eng.)
6. Yu L.-R., Li X.-Y. The Effects of Social Security Expenditure on Reducing Income Inequality and Rural Poverty in China. *Journal of Integrative Agriculture*. 2021; 20(4):1060-1067. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S2095-3119\(20\)63404-9](https://doi.org/10.1016/S2095-3119(20)63404-9)
7. He S., Haifeng Liao F., Li G. A Spatiotemporal Analysis of County Economy and the Multi-Mechanism Process of Regional Inequality in Rural China. *Applied Geography*. 2019; 111. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2019.102073>
8. Hai Z. The Impact of Population Aging on Income Inequality in Developing Countries: Evidence from Rural China. *China Economic Review*. 2011; 22(1):98-107. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2010.09.003>
9. Riva M., Curtis S., Gauvin L., Fagg J. Unravelling the Extent of Inequalities in Health across Urban and Rural Areas: Evidence from a National Sample in England. *Social Science & Medicine*. 2009; 68(4):654-663. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2008.11.024>
10. Black N., Scott K., Shucksmith M. Social Inequalities in Rural England: Impacts on Young People Post-2008. *Journal of Rural Studies*. 2019; 68:264-275. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2018.09.008>

11. Antunez K., Baccaïni B., Guérois M., Ysebaert R. Disparities and Territorial Discontinuities in France with Its New Regions: A Multiscalar and Multidimensional Interpretation. *Economie et Statistique* = Economics and Statistics. 2017; (497-498):19-41. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24187/ecostat.2017.497d.1928>
12. Cuadrado-Roura J.R. Regional Policy, Economic Growth and Convergence: Lessons from the Spanish Case. Springer Science & Business Media; 2010. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-02178-7>
13. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space. In: *Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World* / M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert (eds.). Abington: Routledge; 2016. p. 33-55. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315589626-11>
14. Ivanov S.A., Lozhko V.V. Spatial Approach to the Theory of Regional. *Vestnik YuUrGU. Seriya Ehkonomika i menedzhment* = Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management". 2015; 9(1):18-25. Available at: <https://vestnik.susu.ru/em/article/view/3550> (accessed 01.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Gorshkov M.K. Social Inequalities as a Challenge to Modern Russia. *Vestnik Instituta sotsiologii* = Bulletin of the Institute of Sociology. 2010; (1):24-47. Available at: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2010_01/gorshkov.pdf (accessed 02.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Sheviakov A. Social Inequality, Poverty and Economic Growth. *Obshchestvo i ekonomika* = Society and Economy. 2005; (3):5-18. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17696099> (accessed 12.01.2021). (In Russ.)
17. Shevyakov A.Yu. Economic Inequality: An Obstacle to Economic Growth. *Zhurnal novej ehkonomicheskoy assotsiatsii* = Journal of the New Economic Association. 2011; (9):197-201. Available at: <http://journal.econorus.org/pdf/NEA-9.pdf> (accessed 12.01.2021). (In Russ.)
18. Semenova N.N. Chugunov V.I., Kolomasova R.A. Improvement of the Mechanism for Funding Innovation Activities in a Region in the Context of Sustainable Development. *Regionologiya* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):666-694. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.666-694>
19. Kalina A.V., Savelieva I.P. Formation of Threshold Values of the of Economic Security of Russia and its Regions. *Vestnik YuUrGU. Seriya Ehkonomika i menedzhment* = Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management". 2014; 8(4):15-24. Available at: <https://vestnik.susu.ru/em/article/view/2865> (accessed 10.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
20. Glazyev S.Y., Lokosov V.V. Assessment of the Critical Threshold Values of the Indicators of the State of Russian Society and Their Use in the Socio-Economic Development Management. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2012; (4):22-41. Available at: http://esc.vssc.ac.ru/article/317/full?_lang=ru (accessed 28.01.2021). (In Russ.)
21. Leksin V., Shvetsov A. All-Russian Reforms and Territorial Development. Art. 8: Depressed Territories: Old Problems and New Solutions. *Rossiiskij ehkonomicheskij zhurnal* = Russian Economic Journal. 2001; (9):35-63. (In Russ.)
22. Gubanova E.S., Kleshch V.S. Overcoming Socio-Economic Inequality as a Condition for Sustainable and Balanced Spatial Development of the Region. *Ehkonomiches-*

kie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019; 12(5):44-57. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.3>

Submitted 17.02.2021; approved after reviewing 26.03.2021; accepted for publication 07.04.2021.

About the authors:

Elena G. Kovalenko, Head of the Department of State and Municipal Administration, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4688-6030>, kovelena13@mail.ru

Tatyana M. Polushkina, Professor, Department of State and Municipal Administration, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4192-5176>, polushkinatm@gmail.com

Olga Yu. Yakimova, Professor, Department of State and Municipal Administration, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5004-9978>, olyakimova@yandex.ru

Yulia A. Akimova, Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0404-5105>, yuaakimova@mail.ru

Contribution of the authors:

E. G. Kovalenko – statement of the research problem; choice of research methodology; interpretation of the results.

T. M. Polushkina – search for and systematization of materials from Russian and foreign sources; critical analysis of the results; drawing conclusions.

O. Yu. Yakimova – data structuring and analysis; visualization of data in the text; preparation of graphical materials; production of practical recommendations.

Yu. A. Akimova – conducting the study and initial processing of the results; writing the initial version of the text and its revision.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Оценка сбалансированности городской системы расселения Европейского Севера России

И. А. Секушина

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда, Российская Федерация),
i_sekushina@mail.ru

Введение. В современной экономической науке одним из распространенных и наиболее доступных методов анализа сбалансированности систем городского расселения является оценка их соответствия закону Ципфа, или правилу «ранг – размер». Основу данной закономерности составляет связь численности населения города с его местом в упорядоченной по убыванию размеров

иерархии городов. Цель статьи – согласно результатам проведенного исследования оценить сбалансированность городской системы расселения Европейского Севера как одного из регионов России с помощью анализа ее соответствия закону Ципфа.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили официальные данные Росстата о численности населения городов Европейского Севера России за 1959, 1989 и 2019 гг. Методом построения линейной регрессионной зависимости между логарифмом фактической численности населения и логарифмом ранга города выполнена проверка закона Ципфа для городской сети региона в каждый период времени. В целях подтверждения полученных выводов проведен анализ динамики количества городов и доли населения, проживающего в них. Для интерпретации результатов расчетов использовались монографический метод, приемы табличной и графической визуализации данных.

Результаты исследования. На основе анализа данных по городам Европейского Севера России на предмет выполнения закономерности «ранг – размер» установлено, что ни в одном временном периоде закон Ципфа полностью не соблюдается, что свидетельствует о несбалансированности существующей городской системы расселения. В период с 1959 по 2019 г. наблюдается усиление концентрации населения в крупных городах региона. Причиной дисбаланса также является увеличение количества малых городов с численностью населения, несоответствующей оптимальному значению согласно закону Ципфа.

Обсуждение и заключение. На основе проведенных расчетов сделаны выводы о наличии потенциала роста у таких городов, как Архангельск и Череповец, а также некоторых городов с численностью населения до 100 тыс. чел. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для прогнозирования численности населения городов Европейского Севера России при планировании размещения производственных объектов, а также транспортной и социальной инфраструктуры в регионе.

Ключевые слова: закон Ципфа, правило «ранг – размер», город, Европейский Север России, система расселения

© Секушина И. А., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для Вологодского научного центра Российской академии наук по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Для цитирования: Секушина, И. А. Оценка сбалансированности городской системы расселения Европейского Севера России / И. А. Секушина. — DOI [10.15507/2413-1407.116.029.202103.642-665](https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.642-665) // Регионоведение. — 2021. — Т. 29, № 3. — С. 642–665.

Assessing the Balance of the Urban Settlement System in the European North of Russia

I. A. Sekushina

*Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Vologda, Russian Federation),
i_sekushina@mail.ru*

Introduction. In modern Economics, one of the most common and simplest methods of analyzing the balance of urban settlement systems is to assess their compliance with Zipf's law or the rank–size rule. The basis of this pattern is the relationship between urban population and its place in the hierarchy of towns ranked in descending order of size. Based on the results of the study conducted, the article assesses the balance of the urban settlement system of the European North Russia, as one of its regions, by analyzing its compliance with Zipf's law.

Materials and Methods. The official data from the Federal State Statistics Service on the population of towns in the European North of Russia for 1959, 1989 and 2019 were used as materials of the study. The method of constructing a linear regression between the logarithm of the actual population and the logarithm of the rank of the town was used to verify Zipf's law for the urban network of the region in a certain period. In order to substantiate the conclusions drawn, an analysis of the dynamics of the number of towns and the share of the population living in them was carried out. The monographic method, as well as the methods of tabular and graphical data visualization, was used to interpret the results of the calculations.

Results. Based on the analysis of data on the application of the rank–size rule for the towns in the European North of Russia, it has been found that Zipf's law was not fully observed in any time period, which indicates the imbalance of the existing urban settlement system. In the period from 1959 to 2019, there was an increase in the concentration of the population in the major cities of the region. The imbalance is also caused by the growing number of small towns with a population that does not correspond to the optimal value according to Zipf's law.

Discussion and Conclusion. Based on the calculations, the author has come to the conclusion that the cities of Arkhangelsk and Cherepovets have the potential for growth, as well as some others with a population of up to 100 thousand people. The practical significance of the study lies in the possibility of using the results obtained to prognosticate the population of towns in the European North of Russia when planning the location of production facilities, as well as transport and social infrastructure in the region.

Keywords: Zipf's law, rank–size rule, town, European North of Russia, settlement system

The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The article was done as part of the implementation of the government assignment to the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences on the research topic No. 0168-2019-0004 "Improvement of Mechanisms for Development and Effective Use of the Potential of Socio-Economic Systems".

For citation: Sekushina I.A. Assessing the Balance of the Urban Settlement System in the European North of Russia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(3):642-665. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.642-665>

Введение. Россия – самая большая по площади занимаемой территории страна в мире. При этом огромные пространства отличаются сильной неравномерностью заселения. К примеру, по данным Росстата, на начало 2021 г. плотность населения Московской области составляла 173,9 чел./км², Краснодарского края – 75,3 чел./км², в то время как Архангельской области – 2,62 чел./км², а Магаданской области – 0,3 чел./км². Однако проблему представляет не только неравномерное расселение по территории государства, обусловленное главным образом влиянием природно-климатических и географических факторов. Для всех стран мира в той или иной степени характерно убывание плотности населения с юга на север. Гораздо большую угрозу несет в себе сверхсильная концентрация населения в одних населенных пунктах, в то время как другие продолжают интенсивно терять жителей. Стягивание населения в крупные города и агломерации неизбежно влечет за собой нарушение сбалансированности системы расселения страны, что в свою очередь приводит к усилению меж- и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации¹.

Изучение вопросов формирования и развития систем расселения, в том числе в контексте пространственной экономики, является объектом исследований многих авторов, начиная от теории центральных мест В. Кристаллера и заканчивая представителями школы новой экономической географии (П. Кругман, М. Фудзита, Т. Мори и др.).

Важную роль в сбалансированности системы расселения населения играют города. Именно они обеспечивают связанность экономического пространства страны и регионов, являясь местами сосредоточения производственных предприятий, образовательными и культурными центрами, транспортно-логистическими узлами. Города становятся точками роста прилегающих к ним сельских территорий, поскольку именно в них концентрируются экономические, финансовые, административные и людские ресурсы [1].

В работах современных исследователей одним из достаточно часто применяемых инструментов оценки сбалансированности существующей системы городского расселения является так называемый закон Ципфа, или правило

¹ Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т. В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.

«ранг – размер». Согласно ему, между рангом или, другими словами, местом города в общей иерархии городов и численностью проживающего в нем населения существует определенная связь. Численность населения самого крупного города, т. е. первого по рангу, в 2 раза больше численности населения второго города, в 3 раза больше третьего и т. д. [2]. Данная закономерность проверялась на городах многих стран мира: в некоторых случаях соблюдение закона Ципфа в городских системах подтверждалось, в других, напротив, – опровергалось. В целом вопросы поиска теоретических обоснований и причин соблюдения или нарушения этой закономерности остаются весьма дискуссионными. Тем не менее, как показал обзор современной зарубежной и отечественной научной литературы, закон Ципфа вполне может применяться для оценки сбалансированности существующей городской сети, причем не только на уровне страны, но и на уровне региона. Исходя из этого, цель статьи – на основе проведенного исследования оценить сбалансированность городской системы расселения Европейского Севера как одного из регионов России на предмет соответствия правилу «ранг – размер», или закону Ципфа.

Научная новизна работы состоит в том, что регион как объект исследования рассматривается не с позиции административно-территориального деления страны, а с точки зрения территориально-пространственного подхода как территория, обладающая рядом общих характеристик и внутренней связанностью и целостностью. В уже имеющихся научных работах по данной тематике расчеты закономерности «ранг – размер» проводятся в большинстве своем либо для городов всей страны, либо ее федеральных округов, либо субъектов Российской Федерации. Выделение региона на основе административно-территориального деления страны и выбор городов, входящих в его состав в качестве базы исследования, безусловно, может выступать как один из возможных вариантов. Вместе с тем к определению региона помимо административно-территориального подхода существует множество других: экономический, социальный, комплексный, системный, территориально-хозяйственный и др.

Обзор литературы. В научной литературе активное изучение эмпирической закономерности соответствия ранга городов численности проживающего в них населения началось с исследований Ф. Ауэрбаха², который первым заметил, что их распределение по размеру соответствует Парето-распределению. Его идеи нашли продолжение и были дополнены и усовершенствованы Х. Зингером и Дж. Ципфом³. В частности, именно Дж. Ципфом был проведен эмпирический анализ, который показал, что в системе городов самый крупный город приблизительно в два раза больше второго по численности

² Auerbach F. Das Gesetz der Bevölkerungskonzentration // Petermanns Geographische Mitt. 1913. Vol. 59. Pp. 74–76.

³ Singer H. W. The “Courbe des Populations”: A Parallel to Pareto’s Law // Economics Journal. 1936. Vol. 46. Pp. 254–263; Zipf G. K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Addison-Wesley, Reading, MA, 1949.

населения, в три раза больше третьего и т. д. Данная закономерность в дальнейшем и получила название «Закон Ципфа» или «Правило “ранг – размер”».

В российских и зарубежных научных работах анализ распределения городов в соответствии с законом Ципфа используется достаточно часто. Расчеты соответствия правилу «ранг – размер» проводились для городских систем США [3], Китая [4; 5], Индии [6], Бразилии [7], Германии [8], Марокко [9], Румынии [10] и других государств. Несмотря на достаточную популярность данного метода исследования, нельзя не отметить, что в современной экономической науке в вопросах проведения анализа и непосредственно трактовке полученных результатов нет единого мнения. Одно из важных отличий заключается в выборе эмпирической базы: одни ученые рассматривают национальные городские системы, другие – лишь отдельные части страны (регионы, провинции, округа). К примеру, Ф. Симини и Ш. Джеймс изучают вопросы образования на определенных территориях того или иного количества городов. Путем эмпирического анализа на примере целых континентов (Африки, Азии, Европы и Южной и Северной Америки) и построения «нулевой модели урбанизации», в которой населенные пункты случайным образом распределены в пространстве, было доказано, что города взаимодействуют между собой, поскольку внутренние миграции создают определенную зависимость в динамике населения: одни города увеличиваются в размерах, другие – уменьшаются [11]. Интересно и то, что авторы данной работы также на примере США использовали закон Ципфа применительно не к стране в целом, а лишь к определенным группам (кластерам) городов. В другом исследовании анализируются города Германии как на национальном, так и на региональном уровне. В частности, отдельно рассматриваются западные земли Германии, поскольку они соседствуют друг с другом, имеют общую систему управления и историческое прошлое, которое в некоторых случаях длиннее, чем история Германии как государства [8].

Дискуссии ведутся и по вопросу критериев включения тех или иных городов в выборку исследования. Некоторые авторы рассматривают все города страны или региона, другие вводят ограничения по численности населения городов. К примеру, Н. Дж. Моура-мл. и М. Б. Рибейро исследуют бразильские города с численностью населения свыше 30 тыс. чел. [12], а Э. Перес-Кампусанов с соавторами в исследовании для городов Мексики нижнюю границу определили в 15 тыс. чел. [13].

Имеются отличия и по временным интервалам исследований – начиная от одного года и заканчивая десятилетиями, а иногда даже целыми столетиями. Д. Фирмину Коста да Силва и Р. да Мота Силвейра Нету представили анализ динамики населения Бразилии в период с 1970 по 2010 г. Учеными на основе расчетов Парето-распределения для бразильских городов было установлено, что распределение населения каждые десять лет все больше отходит от правила Ципфа, т. е. для Бразилии зависимость ранга городов от их численности

населения становится все слабее [14]. Д. Блэк и В. Хендерсон проанализировали данные по американским городам с 1900 по 1990 г., в результате чего было установлено в целом стабильное распределение их размеров и рангов, а также выявлена некоторая тенденция к увеличению городской концентрации в более крупных населенных пунктах [15].

Во многих исследованиях закономерность распределения городов согласно правилу Ципфа рассматривается в комплексе с другими пространственными моделями (закон Гибрата, расчеты индекса Морана и т. д.). Особый научный интерес в части изучения зарубежного опыта применения закона Ципфа представляет исследование ученых из Китая, в котором приведен достаточно развернутый обзор современной литературы по данной тематике. В итоге сделаны выводы о том, что основные противоречия в части полученных авторами научных результатов возникают в силу использования разных подходов к выборке городов, а также вследствие определенных методологических недостатков [16].

В российской науке изучение данной проблематики также привлекает внимание научного сообщества, при этом, как и в зарубежных работах, наблюдается значительное многообразие применяемых подходов и методик исследования. Так, Р. В. Фаттахов с соавторами изучает города России с численностью населения свыше 100 тыс. чел. [17], а в работе М. Н. Макаровой в выборку включены все существующие города Свердловской области, а также поселки городского типа [18]. В исследовании П. В. Строева в качестве эмпирической базы выбраны все российские города; при этом в результате сравнительного анализа данных за 1989 и 2013 гг. автором было выявлено ускорение процессов роста контрастности расселения и сокращения людности малых и средних городов [19].

Е. А. Коломак подходит к применению закона Ципфа с критической точки зрения, отмечая, что закономерность «ранг – размер» города ни с рыночными механизмами регулирования, ни с каким-либо экономическим критерием оптимальности до сих пор не доказана [20]. В данном вопросе приходится согласиться с автором, особенно в той части, что выводы эмпирического анализа во многом зависят от выбранной базы исследования.

Вместе с тем нельзя не отметить, что анализ распределения городов на соответствие закону Ципфа приобретает все большую популярность, причем внимание исследователей фокусируется на изучении как национальных, так и региональных городских систем. К примеру, С. Н. Растворцева и И. В. Мамаева в своем исследовании в качестве эмпирической базы определили города федеральных округов [21]; Ю. В. Павлов производит проверку гипотезы наличия связи между темпами развития региона и сбалансированностью системы расселения, анализируя данные по городам лишь одного региона – Самарской области [22].

В. Н. Кабанов в качестве объекта исследования рассматривает не просто субъект Российской Федерации или федеральный округ, он анализирует

макрорегион, состоящий из регионов Южного федерального округа, дополненный Саратовской и Воронежской областями [23]. На наш взгляд, такой подход достаточно интересен и в целом логически объясним. Можно предположить наличие определенных закономерностей в формировании системы расселения внутри территорий, обладающих рядом отличительных признаков и имеющих общее историческое прошлое.

Изучение вопросов соблюдения закономерности «ранг – размер» на региональном уровне является достаточно интересной темой исследования, имеющей большой потенциал, особенно в части использования полученных данных в процессе регулирования пространственного развития территорий. Однако обзор российских исследований продемонстрировал, что для регионов, не относящихся к субъектам Российской Федерации или федеральным округам, подобные расчеты встречаются достаточно редко.

На наш взгляд, в данном контексте интересно будет в качестве базы исследования соответствия городов закону Ципфа определить регион как территорию, обладающую общностью природно-географических (климат, рельеф, почвенный и лесной покров, наличие природных ресурсов и характер их размещения, наличие водных объектов и т. п.), экономических (структура и особенности хозяйственной системы, внутренние и внешние связи, уровень развития инфраструктуры) и социальных (состав населения по национальному, возрастно-половому, образовательному признакам) характеристик. В частности, в рамках настоящей работы в качестве объекта анализа выступают города Европейского Севера как одного из регионов России.

Материалы и методы. За основу исследования был взят закон Ципфа, или правило «ранг – размер», суть которого заключается в том, что размер города обратно пропорционален его рангу.

В наиболее простом виде закон Ципфа выражается формулой:

$$P_n = \frac{P_1}{n}, \quad (1)$$

где P_n – оптимальная численность населения города с рангом n ; P_1 – численность населения самого крупного города; n – ранг города [21].

Наиболее часто в отечественной и зарубежной науке проверка выполнения закономерности «ранг – размер» производится путем построения линейной регрессионной зависимости между логарифмом фактической численности населения и логарифмом ранга города, которая описывается формулой (2). При проведении исследования применялся именно данный метод, поскольку он дает возможность графической визуализации результатов расчетов.

$$\ln P = A - k * \ln R, \quad (2)$$

где P – численность населения, проживающего в городе; R – ранг города; k – оценочный коэффициент Ципфа (параметр распределения); A – свободный член⁴.

При $k = 1$ можно говорить о том, что закон Ципфа соблюдается, т. е. население в городской системе распределено оптимально. При $|k| > 1$ – наблюдается концентрация жителей в крупных городах, при $|k| < 1$ – население более рассеяно по малым и средним городам [21].

В качестве эмпирической базы исследования использованы материалы официальной статистики о численности населения городов Европейского Севера России за 1959, 1989 и 2019 гг. На основе расчетов линейной регрессионной зависимости между натуральным логарифмом численности населения и логарифмом ранга города построены графики фактического и оптимального распределения жителей в городской системе расселения региона.

С целью проверки выводов, полученных на основе расчетов выполнения правила «ранг – размер», проанализирована динамика количества городов в регионе и доли проживающего в них населения за период с 1959 по 2019 г. В процессе интерпретации результатов исследования применялись методы синтеза и анализа, в качестве методических материалов использовались научные труды отечественных и зарубежных авторов. Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и сведения базы данных показателей муниципальных образований Росстата.

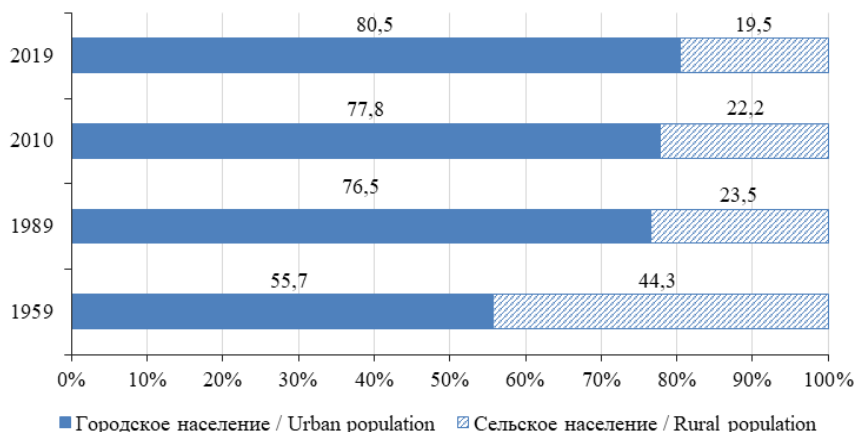
Результаты исследования. Европейский Север России (далее – ЕСР), в состав которого входят республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Мурманская области, а также Ненецкий автономный округ, отличается достаточно высоким уровнем урбанизации. Уже начиная с 1959 г. во всех субъектах Российской Федерации, расположенных на территории ЕСР (за исключением Вологодской области), преобладало городское население. Обусловлено это было в первую очередь тем, что в рассматриваемом регионе неблагоприятные климатические условия препятствуют развитию сельского хозяйства и, как следствие, не способствуют созданию условий для жизни на селе [24].

На территории ЕСР расположено 68 городов с диапазоном численности проживающего в них населения от 1 784 до 348 343 чел. В ходе исследования нами проведены расчеты зависимости «ранг – размер» для всех городов рассматриваемого региона за 1959, 1989 и 2019 гг. Данный выбор обусловлен наличием более полной информации по численности населения в городах ЕСР благодаря официальным данным переписей населения за 1959 и 1989 гг. К тому же временной диапазон между данными точками одинаков и составляет 30 лет. Период с 1959 по 1989 г. является временем интенсивного роста

⁴ Манаева И. В. Формирование методологии стратегирования пространственного развития городов России: моногр. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНЗиГС, 2020. 368 с.

городов. Именно в 1989 г. для подавляющего большинства населенных пунктов наблюдается пик их роста. Следующий временной интервал – с 1989 по 2019 г. – ознаменовался началом рыночных реформ, распадом плановой системы хозяйствования и ярко выраженным миграционным оттоком с северных территорий страны.

В период с 1959 по 1989 г. наблюдался активный рост численности городов, в основном обусловленный ускоренными темпами индустриализации страны. Доля городских жителей в общей численности населения за данный период времени выросла более чем на 20 % (рис. 1). Урбанизационные процессы продолжились и в постсоветское время. По данным за 2019 г. в среднем по субъектам Российской Федерации, относящимся к территории Европейского Севера, 4/5 населения проживают в городских населенных пунктах.

Р и с. 1. Динамика распределения городского и сельского населения Европейского Севера России, %⁵

F i g. 1. Trends in the distribution of urban and rural population in the European North of Russia, %

Анализ демографических показателей по городам Европейского Севера свидетельствует о том, что в 2019 г. по сравнению с 1989 г. в крупных городах – Вологде, Череповце, Сыктывкаре, Петрозаводске, численность населения возросла. Исключением являются лишь Мурманск и Архангельск, где показатели снизились на 37,5 и 16,2 % соответственно. За рассматриваемый период времени во всех малых и средних городах региона, за исключением

⁵ Составлено автором на основе данных Росстата.

Нарьян-Мара, численность жителей сократилась от 3,5 % в г. Костомукше Республики Карелия до 58,7 % в г. Инте Республики Коми (табл. 1). Наиболее остро проблема миграционного оттока населения из малых и средних городов проявилась в Республике Коми, Мурманской и Архангельской областях [24].

Таблица 1. Динамика численности населения городов Европейского Севера России в 1959–2019 гг.⁶

Table 1. Trends in population growth of cities and towns in the European North of Russia in 1959–2019

Город / City	1959	1989	2019*	Темп роста в 1989 г. к 1959 г. / Growth rate in 1989 to 1959	Темп роста в 2019 г. к 1959 г. / Growth rate in 2019 to 1959	Темп роста в 2019 г. к 1989 г. / Growth rate in 2019 to 1989
1	2	3	4	5	6	7
Архангельск / Arkhangelsk	256 309	415 921	348 343	162,3	135,9	83,8
Череповец / Cherepovets	92 356	310 463	316 529	336,2	342,7	102,0
Вологда / Vologda	139 137	282 802	311 846	203,3	224,1	110,3
Мурманск / Murmansk	221 874	468 039	292 465	210,9	131,8	62,5
Петрозаводск / Petrozavodsk	135 256	269 485	280 170	199,2	207,1	104,0
Сыктывкар / Syktyvkar	64 461	232 117	244 797	360,1	379,8	105,5
Северодвинск / Severodvinsk	78 657	248 670	182 291	316,1	231,8	73,3
Ухта / Ukhta	36 154	110 548	95 960	305,8	265,4	86,8
Котлас / Kotlas	52 608	68 021	61 821	129,3	117,5	90,9
Апатиты / Apatity	13 958	88 026	55 201	630,6	395,5	62,7
Воркута / Vorkuta	55 668	115 646	54 223	207,7	97,4	46,9
Североморск / Severomorsk	28 116	62 120	52 597	220,9	187,1	84,7
Мончегорск / Monchegorsk	45 523	68 652	41 482	150,8	91,1	60,4

⁶ Составлено автором на основе данных Росстата.

Продолжение табл. 1 / Continuation of table 1

1	2	3	4	5	6	7
Печора / Pechora	30 586	64 746	38 784	211,7	126,8	59,9
Новодвинск / Novodvinsk	–	50 183	38 082	–	–	75,9
Усинск / Usinsk	–	47 219	38 038	–	–	80,6
Сокол / Sokol	41 709	46 604	36 668	111,7	87,9	78,7
Коряжма / Koryazhma	11 191	41 795	36 224	373,5	323,7	86,7
Мирный / Mirny	–	–	32 028	–	–	–
Великий Устюг / Velikiy Ustyug	37 026	36 202	31 189	97,8	84,2	86,2
Кандалакша / Kandalaksha	38 222	54 080	30 575	141,5	80,0	56,5
Кондопога / Kondopoga	16 060	36 365	29 735	226,4	185,1	81,8
Костомукша / Kostomuksha	–	30 432	29 367	–	–	96,5
Сегежа / Segezha	19 708	38 207	26 241	193,9	133,1	68,7
Кировск / Kirovsk	39 047	43 526	26 206	111,5	67,1	60,2
Сосногорск / Sosnogorsk	15 799	30 439	26 130	192,7	165,4	85,8
Инта / Inta	45 136	60 220	24 878	133,4	55,1	41,3
Нарьян-Мар / Naryan-Mar	13 222	20 182	24 827	152,6	187,8	123,0
Вельск / Velsk	16 938	25 967	22 311	153,3	131,7	85,9
Оленегорск / Olenegorsk	12 110	35 584	20 697	293,8	170,9	58,2
Няндом / Nyandoma	21 668	24 826	19 416	114,6	89,6	78,2
Сортавала / Sortavala	17 611	22 579	18 847	128,2	107,0	83,5
Онега / Onega	21 306	26 070	18 830	122,4	88,4	72,2
Полярный / Polyarny	11 354	27 635	17 605	243,4	155,1	63,7
Ковдор / Kovdor	5 358	30 487	16 435	569,0	306,7	53,9
Заполярный / Zapolyarny	3 791	23 564	14 902	621,6	393,1	63,2

Продолжение табл. 1 / Continuation of table 1

1	2	3	4	5	6	7
Грязовец / Gryazovets	9 224	16 424	14 809	178,1	160,5	90,2
Полярные Зори / Polyarnye Zori	–	19 428	14 389	–	–	74,1
Медвежьегорск / Medvezhyegorsk	15 824	20 373	14 249	128,7	90,0	69,9
Гаджиево / Gadzhievo	–	–	13 259	–	–	–
Снежногорск / Snezhnogorsk	–	–	12 638	–	–	–
Емва / Yemva	–	18 782	12 452	–	–	66,3
Бабоево / Babaevo	12 044	14 211	11 328	118,0	94,1	79,7
Кемь / Kem	18 127	18 522	10 861	102,2	59,9	58,6
Питкяранта / Pitkyaranta	6 204	14 361	10 307	231,5	166,1	71,8
Вытегра / Vytegra	11 340	12 905	10 273	113,8	90,6	79,6
Каргополь / Kargopol	8 650	12 495	10 037	144,5	116,0	80,3
Вуктыл / Vuktyl	–	19 330	9 780	–	–	50,6
Тотьма / Totma	7 929	10 622	9 721	134,0	122,6	91,5
Микунь / Mikun	11 347	12 507	9 683	110,2	85,3	77,4
Кола / Kola	12 273	16 541	9 681	134,8	78,9	58,5
Заозерск / Zaozersk	–	–	9 656	–	–	–
Беломорск / Belomorsk	14 783	18 935	9 498	128,1	64,2	50,2
Харовск / Kharovsk	11 260	13 083	8 897	116,2	79,0	68,0
Суоярви / Suoyarvi	6 711	11 772	8 781	175,4	130,8	74,6
Пудож / Pudozh	7 044	10 982	8 718	155,9	123,8	79,4
Белозерск / Belozersk	10 375	12 352	8 667	119,1	83,5	70,2
Устюжна / Ustyuzhna	8 779	10 035	8 510	114,3	96,9	84,8
Олонец / Olonets	5 009	11 888	8 070	237,3	161,1	67,9

Окончание табл. 1 / End of table 1

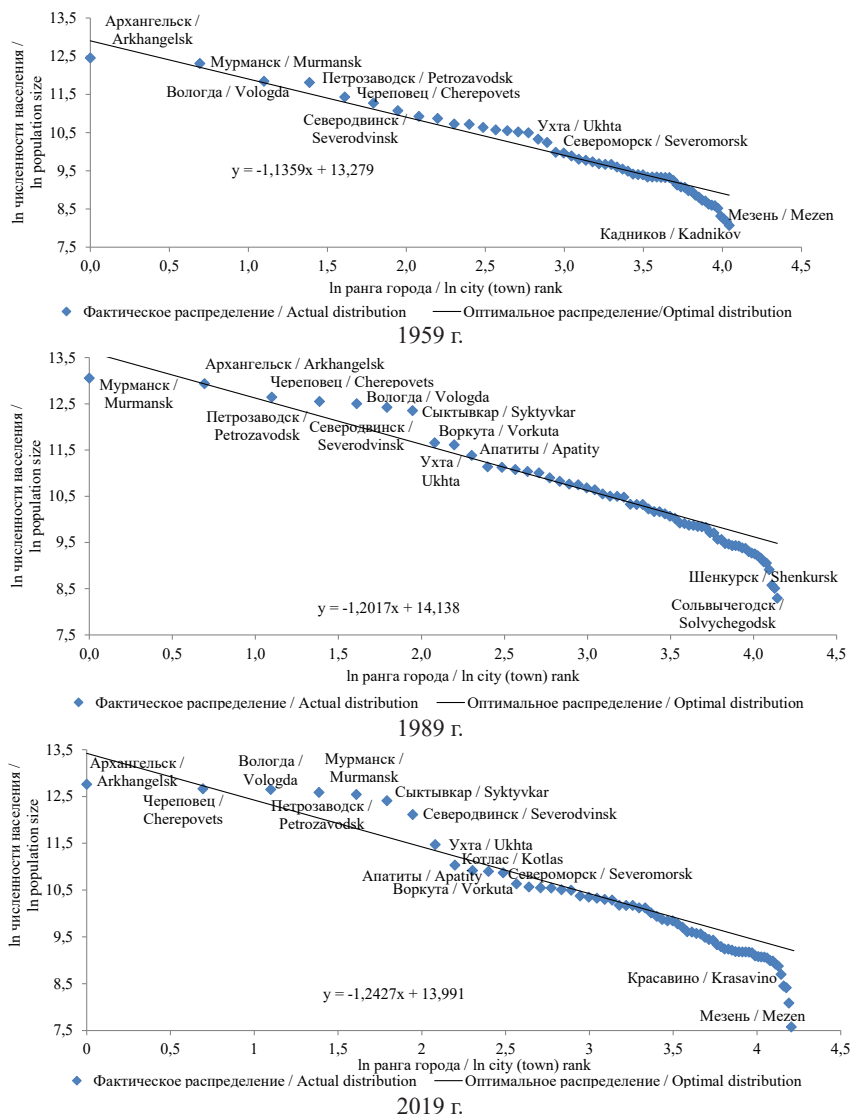
1	2	3	4	5	6	7
Никольск / Nikolsk	5 584	8 574	7 965	153,5	142,6	92,9
Кириллов / Kirillov	6 055	8 817	7 484	145,6	123,6	84,9
Лахденпохья / Lakhdenpokhya	7 787	10 429	7 158	133,9	91,9	68,6
Красавино / Krasavino	11 186	9 535	5 987	85,2	53,5	62,8
Шенкурск / Shenkursk	5 431	7 424	4 687	136,7	86,3	63,1
Кадников / Kadnikov	3 193	5 312	4 508	166,4	141,2	84,9
Мезень / Mezen	4 077	4 968	3 248	121,9	79,7	65,4
Сольвычегодск / Solvychegodsk	3 545	4 004	1 949	112,9	55,0	48,7
Островной / Ostrovnoy	–	–	1 784	–	–	–

* Ранжировано по убыванию численности населения / Ranked in descending order of population.

Для того чтобы провести оценку соответствия городской системы расселения Европейского Севера России закону Ципфа, на основе имеющихся данных для каждого исследуемого временного периода построим линейные регрессии между натуральным логарифмом фактической численности населения и логарифмом ранга города. На рисунке 2 представлены графики фактического и оптимального распределения населения ЕСР в 1959, 1989 и 2019 гг. Оптимальная численность жителей определялась на основе расчетов доли населения, проживающего в городе, при соблюдении правила Ципфа [22]. Города, расположенные ниже прямой оптимального распределения, имеют недостаток численности населения, а выше – избыток.

Получившиеся результаты свидетельствуют о том, что в чистом виде закон Ципфа для городов ЕСР не соблюдается ни в одном из рассмотренных временных периодов. При этом на графиках достаточно отчетливо видно, что в 2019 г. наблюдается более сильное отклонение городов от прямой оптимального распределения. Данное наблюдение подтверждают и рассчитанные коэффициенты Ципфа: $k_{1959} = 1,1359$; $k_{1989} = 1,2017$; $k_{2019} = 1,2427$.

Увеличение указанных показателей позволяет сделать вывод о нарастании концентрации населения в крупных городах региона. Эти тенденции подтверждают и представленные в таблице 2 данные о динамике количества городов и доле проживающего в них населения от общей численности жителей городов региона.

Р и с. 2. Распределение населения городов Европейского Севера России по закону Ципфа в 1959, 1989 и 2019 гг.

F i g. 2. Distribution of the population of cities and towns in the European North of Russia according to Zipf's law in 1959, 1989 and 2019

Таблица 2. Динамика количества городов и доли населения, в них проживающего, от общей численности жителей городов Европейского Севера России за 1959–2019 гг.⁷

Table 2. Trends in the number of cities and towns, and the share of the population living in them of the total urban population in the European North of Russia for 1959–2019

Категория города / City (town) category	1959		1989		2019	
	Количество городов / Number of cities	Доля от всей численности жителей городов, % / Share of the total urban population, %	Количество городов / Number of cities	Доля от всей численности жителей городов, % / Share of the total urban population, %	Количество городов / Number of cities	Доля от всей численности жителей городов, % / Share of the total urban population, %
250–500 тыс. чел. / 250–500 thousand people	1	13,8	5	44,6	5	47,7
100–250 тыс. чел. / 100–250 thousand people	3	26,7	4	18,1	2	13,1
50–100 тыс. чел. / 50–100 thousand people	5	18,4	8	13,2	5	9,9
30–50 тыс. чел. / 30–50 thousand people	8	16,8	11	10,7	9	10,0
10–30 тыс. чел. / 10–30 thousand people	23	18,7	28	12,2	26	14,5
до 10 тыс. чел. / up to 10 thousand people	17	5,6	7	1,2	21	4,8
Итого / Total	57	100	63	100	68	100

⁷ Составлено автором на основе данных Росстата.

На основе анализа данных за 1959 г. можно сказать, что лидер по численности населения – г. Архангельск, имел потенциал к дальнейшему росту, что и наблюдалось в последующие годы. Однако он рос гораздо меньшими темпами, чем второй по величине г. Мурманск. Города, численность населения которых в 1959 г. составляла менее 150 тыс. чел. (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Сыктывкар и др.) по сравнению с 1989 г. показали сверхвысокие темпы роста. В 1959 г. (рис. 2) отклонения от прямой оптимальной численности населения, согласно закону Ципфа, наблюдались в Архангельске и городах с людностью менее 8 тыс. чел., которым не хватало жителей, а также для группы городов с численностью населения от 30 до 40 тыс. жителей (Инта, Сокол, Кировск, Ухта, Кандалакша, Великий Устюг, Печора), напротив имевших избыток численности населения.

В 1989 г. по сравнению с 1959 г. выросло количество крупных городов: численность населения Мурманска, Архангельска, Вологды, Череповца и Петрозаводска превысила 250 тыс. чел. (табл. 2). На основе представленных на рисунке 2 (1989 г.) данных можно наблюдать, что если центральная часть графика в принципе совпадает с прямой оптимального распределения, то в верхней левой и нижней правой частях наблюдаются отклонения. Говоря о причинах возникновения диспропорций в системе расселения, нельзя не отметить сильное влияние административного фактора. Города развивались не сами по себе, поскольку в условиях плановой экономики элемент случайного развития сети городов был утерян. Между тем, как отмечают К. Гизен и Й. Зюдекум, закон Ципфа соблюдается именно в условиях их стохастического развития населенных пунктов [25].

Распад СССР, последующий за ним переход России к рыночной системе хозяйствования, по сути разрушивший прежнюю систему стимулирования жизни на Севере, привели к массовому миграционному оттоку жителей с данных территорий [26]. Количество крупных городов осталось тем же, однако численность проживающего в них населения стремительно сокращалась. Самые большие по численности населения города региона – Мурманск и Архангельск, в 2019 г. по сравнению с 1989 г. покинули в общей совокупности более чем 240 тыс. чел. Города, следующие за ними по иерархии рангов и имеющие согласно данным оптимального распределения за 1989 г. избыточную численность населения, напротив, увеличили число жителей (г. Вологда – на 10,3 %, г. Сыктывкар – на 5,5, г. Петрозаводск – на 4,0 % по сравнению с 1989 г.). В результате миграционного оттока жителей численность населения ряда средних городов также перестала соответствовать оптимальной, согласно закономерности «ранг – размер». Наконец, значительно возросло количество малых городов, в особенности с численностью населения до 10 тыс. чел.

Таким образом, в 2019 г. по сравнению с 1989 г. можно наблюдать еще большее отклонение от оптимального распределения «ранг – размер» как для

крупных, так и для малых городов (рис. 2). Увеличение коэффициента Ципфа (k) в свою очередь свидетельствует о нарастании концентрации населения в крупных городах ЕСР, что подтверждается увеличением доли проживающих в них жителей (табл. 2).

Важно также отметить, что в отличие от других работ, в которых в результате проведенных расчетов положение самого большого города оказывалось выше прямой оптимального распределения (т. е. город имел избыточную численность населения) [17; 21–23], в нашем исследовании были получены выводы, что в самом крупном городе – Архангельске, наблюдается дефицит жителей. Данное обстоятельство в первую очередь обусловлено различиями в выборе эмпирической базы исследования – территория страны, регион или субъект Российской Федерации. Если проводить расчеты в целом по России, то получается, что г. Москва (12,4 млн чел.) и г. Санкт-Петербург (5,4 млн чел.) концентрируют на своей территории огромную численность жителей (12 % населения страны проживают только в этих двух городах), т. е. вполне логично, что располагаться данные населенные пункты будут выше прямой оптимального распределения.

В масштабе субъектов Российской Федерации очень часто региональный центр является самым большим по численности населения городом, что также объясняет его положение выше прямой оптимального распределения численности населения. К примеру, в 2019 г. в г. Петрозаводске Республики Карелия проживало почти 45 % населения региона (275 тыс. чел.), соответственно расчеты закономерности «ранг – размер» с большой долей вероятности продемонстрируют наличие дисбаланса в городской системе расселения в сторону чрезмерной концентрации жителей в центре субъекта Российской Федерации. Для Европейского Севера России как региона характерна немного другая ситуация: двум самым крупным городам, напротив, не хватает жителей. По данным за 2019 г. максимальная численность населения была в г. Архангельске (348 тыс. чел.), который занимал лишь 56 место в рейтинге российских городов.

Определенный парадокс заключается и в том, что, как показало исследование, концентрация населения в крупных городах региона усиливается, вместе с тем им все равно не хватает жителей. Данное явление в первую очередь является следствием массового миграционного оттока из рассматриваемого региона в постсоветский период: в 1989–2019 гг. Мурманск потерял 37,5 %, Архангельск – 16,2 % своего населения. Можно предположить, что усиление отклонения от прямой оптимального распределения Ципфа за рассмотренный период времени во многом произошло именно по этой причине.

В целом городская система расселения подвержена влиянию множества факторов и может меняться как в сторону более равномерного распределения людей в сети населенных пунктов, так и в сторону увеличения дисбаланса и нарастания концентрации жителей в одном или нескольких городах.

В работах современных исследователей рассматриваются и тот, и другой варианты. На Европейском Севере России при детальном изучении вопроса также можно выявить большое количество причин изменений сбалансированности городской системы расселения, что, безусловно, является темой отдельного исследования. Так, если в 1959 г. лидером по численности населения был г. Архангельск, то уже в 1989 г. – г. Мурманск. Активное развитие Мурманска, сильно разрушенного в годы Великой Отечественной войны, началось еще в середине 1940-х гг., когда он был признан одним из 15 городов, восстановление которых являлось первоочередной задачей⁸. На развитие города, в частности рыбной, судоремонтной, энергетической, горно-металлургической отраслей промышленности, в 1946 г. было выделено 100 млн руб. Можно только предположить, что если бы столь масштабные инвестиции были направлены в экономику г. Архангельска, то численность его населения была бы в разы больше, чем в настоящее время. Или, например, г. Воркута, градообразующей базой которого с самого основания населенного пункта являлась добыча каменного угля. После распада СССР и кризиса в добывающей отрасли произошло закрытие сразу нескольких шахт, как следствие, город стал стремительно терять население, хотя до 1992 г. имел стабильный рост. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать и в г. Инта. Таким образом, эти и многие другие факторы не только оказали воздействие на развитие какого-то конкретного города, но и повлияли на изменение сбалансированности всей городской сети региона или даже страны.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование показало, что в целом Европейский Север России можно рассматривать как регион с достаточно устоявшейся городской системой расселения. Результаты оценки соответствия ранга города и численности проживающего в нем населения согласно закону Ципфа свидетельствуют о том, что наличие отклонений от прямой оптимального распределения характерно лишь для некоторых населенных пунктов. Вместе с тем на основе анализа данных за период с 1959 по 2019 г. можно сделать вывод о нарастании диспропорций в существующей системе расселения и усилении концентрации жителей региона в крупных городах. Это неизбежно приводит к стягиванию в одну точку и других факторов производства и, как следствие, к снижению степени интенсивности хозяйственных и социальных внутрирегиональных взаимодействий.

Проведение расчетов и анализ отклонений от оптимальной численности населения согласно закономерности «ранг – размер» позволяет сделать прогноз возможных изменений в городской системе расселения Европейского Севера России. К примеру, можно предположить дальнейший рост г. Архангельска, что выглядит вполне осуществимой задачей, учитывая курс государства на активное освоение Севера и Арктики. Череповец, в котором также

⁸ О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР: Постановление № 2722 Совета Народных Комиссаров СССР от 01.11.1945.

наблюдается хоть и не столь большое отклонение от прямой оптимальной численности населения, является одним из крупных промышленных центров не только Европейского Севера, но и всей западной части страны, что открывает широкие перспективы для его дальнейшего развития. Города Вологда, Мурманск, Сыктывкар и Северодвинск, вероятнее всего, продолжают терять население. Численность жителей Петрозаводска, согласно полученным расчетам, также будет сокращаться, хотя это и противоречит наблюдаемым в последние годы тенденциям роста численности населения города.

Относительно малых и средних городов также можно сделать ряд выводов. Города Котлас, Апатиты, Мончегорск, Печора, Новодвинск и Усинск, скорее всего, будут наращивать численность населения, поскольку имеют потенциал роста согласно закономерности «ранг – размер». Города с населением менее 15 тыс. чел. также испытывают недостаток жителей, и если социально-экономическая ситуация в них не изменится, большинство из них продолжит терять население и станет источником пополнения человеческих ресурсов для более крупных городов Европейского Севера России.

Для снижения дисбаланса системы городского расселения ЕСР необходима реализация государственной политики по регулированию социально-экономического развития городских населенных пунктов. При этом в целях повышения экономической эффективности реализуемых мер важно понимать, какие именно населенные пункты необходимо развивать, поскольку концентрация внимания только на выравнивании социально-экономического положения всех территорий может привести лишь к напрасному распылению бюджетных средств.

Безусловно, при выборе города как объекта для инвестиций не стоит ориентироваться исключительно на расчеты, основанные на анализе соответствия городской сети закону Ципфа, поскольку перспективы развития того или иного населенного пункта зависят от большого количества природно-географических, сырьевых, социальных, политических и других факторов. Вместе данная информация помогает оценить сбалансированность городских систем расселения, что особенно актуально для высокоурбанизированных территорий, к которым относится Европейский Север России. Прогнозирование дальнейшего развития населенных пунктов предстает особенно значимым при разработке схем территориального планирования, которые, согласно Федеральному закону «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁹, являются одной из разновидностей документов стратегического планирования. Понимание тенденций развития систем расселения позволяет более грамотно подходить к вопросам планирования размещения производственных объектов, а также транспортной и социальной инфраструктуры как на национальном, так и региональном и местном уровнях.

⁹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ.

Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении методологических основ оценки распределения городов на территории страны и ее регионов с применением закона Ципфа. При этом научная новизна работы состоит в том, что городская сеть региона рассматривается не в контексте административно-территориального деления страны, т. е. в пределах субъекта Российской Федерации или федерального округа, а с точки зрения определения региона как территории, отличающейся от других наличием общности экономических, социальных, территориально-хозяйственных признаков составляющих ее элементов – субъектов Российской Федерации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для оценки оптимальности территориального распределения населения на Европейском Севере России, а также при разработке инструментов регулирования пространственного развития северных территорий страны и определении приоритетов реализации инвестиционной политики, а также в возможности использования полученных результатов в работе органов государственной власти при определении направлений пространственного и социально-экономического развития территорий страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Секушина, И. А. Урбанизация в России и значение малых и средних городов в развитии сельских территорий / И. А. Секушина. – DOI [10.22178/pos.37-4](https://doi.org/10.22178/pos.37-4) // *Traektoriā Nauki*. – 2018. – Т. 4, № 8. – С. 2009–2016. – Рез. англ.
2. Коломак, Е. А. Городская система России / Е. А. Коломак. – DOI [10.15372/REG20160110](https://doi.org/10.15372/REG20160110) // *Регион: экономика и социология*. – 2016. – № 1. – С. 233–248. – Рез. англ.
3. Hackmann, A. The Evolution of Zipf's Law for U.S. Cities / A. Hackmann, T. Klarl. – DOI [10.1111/pirs.12498](https://doi.org/10.1111/pirs.12498) // *Regional Science*. – 2020. – Vol. 99, issue 3. – Pp. 841–852.
4. Ye, X. Re-examination of Zipf's Law and Urban Dynamic in China: A Regional Approach / X. Ye, Y. Xie. – DOI [10.1007/s00168-011-0442-8](https://doi.org/10.1007/s00168-011-0442-8) // *The Annals of Regional Science*. – 2012. – Vol. 49. – Pp. 135–156.
5. Wu, J.-X. How do Chinese Cities Grow? A Distribution Dynamics Approach / J.-X. Wu, L.-Y. He. – DOI [10.1016/j.physa.2016.11.112](https://doi.org/10.1016/j.physa.2016.11.112) // *Physica A*. – 2017. – Vol. 470. – Pp. 105–118.
6. Gangopadhyay, K. City Size Distributions for India and China / K. Gangopadhyay, B. Basu. – DOI [10.1016/j.physa.2009.03.019](https://doi.org/10.1016/j.physa.2009.03.019) // *Physica A*. – 2009. – Vol. 388. – Pp. 2682–2688.
7. A Century of the Evolution of the Urban System in Brazil / V. J. Matlaba, M. J. Holmes, P. McCann, J. Poot. – DOI [10.1111/rurd.12012](https://doi.org/10.1111/rurd.12012) // *Review of Urban and Regional Development Studies*. – 2013. – Vol. 25. – Pp. 129–151.
8. Chen, Y. Zipf's Law, 1/f Noise, and Fractal Hierarchy / Y. Chen. – DOI [10.1016/j.chaos.2011.10.001](https://doi.org/10.1016/j.chaos.2011.10.001) // *Chaos, Solitons & Fractals*. – 2012. – Vol. 45, issue 1. – Pp. 63–73.
9. Ezzahid, E. Zipf's Law in the Case of Moroccan Cities / E. Ezzahid, O. El Hamdani. – DOI [10.1111/rurd.12036](https://doi.org/10.1111/rurd.12036) // *Review of Urban & Regional Policy Studies*. – 2015. – Vol. 27, issue 2. – Pp. 118–133.

10. Gligor, L. The Fractal City Theory Revisited: New Empirical Evidence from the Distribution of Romanian Cities and Towns / L. Gligor, M. Gligor // *Nonlinear Dynamics, Psychology, and Life Sciences*. – 2008. – Vol. 12, issue 1. – Pp. 15–28. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/18157925/> (дата обращения: 16.03.2021).
11. Simini, F. Testing Heaps' Law for Cities Using Administrative and Gridded Population Data Sets / F. Simini, C. James. – DOI [10.1140/epjds/s13688-019-0203-y](https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-019-0203-y) // *EPJ Data Science*. – 2019. – Vol. 8.
12. Moura, N. J. Zipf Law for Brazilian Cities / N. J. Moura, M. B. Ribeiro. – DOI [10.1016/j.physa.2005.11.038](https://doi.org/10.1016/j.physa.2005.11.038) // *Physica A*. – 2006. – Vol. 367. – Pp. 441–448.
13. Perez, E. Distributions of City Sizes in Mexico During the 20th Century / E. Perez, L. Guzman-Vargas, F. Angulo-Brown. – DOI [10.1016/j.chaos.2014.12.015](https://doi.org/10.1016/j.chaos.2014.12.015) // *Chaos Solitons & Fractals*. – 2015. – Vol. 73. – Pp. 64–70.
14. Silveira-Neto, R. Population Dynamics and Spatial Dependence: Evidence from Brazilian Cities / R. Silveira-Neto, D. Silva. – DOI [10.52324/001c.11127](https://doi.org/10.52324/001c.11127) // *The Official Journal of the Southern Regional Science Association*. – 2019. – Vol. 49, issue 3. – Pp. 454–473.
15. Black, D. Urban Evolution in the USA / D. Black, J. Vernon-Henderson. – DOI [10.1093/jeg/lbg017](https://doi.org/10.1093/jeg/lbg017) // *Journal of Economic Geography*. – 2003. – Vol. 3, issue 4. – Pp. 343–372.
16. Arshad, S. Zipf's Law and City Size Distribution: A Survey of the Literature and Future Research Agenda / S. Arshad, Sh. Hu, B. N. Ashraf. – DOI [10.1016/j.physa.2017.10.005](https://doi.org/10.1016/j.physa.2017.10.005) // *Physica A*. – 2018. – Vol. 492. – Pp. 75–92.
17. Фаттахов, Р. В. Анализ и моделирование тенденций развития системы территориального расселения в России / Р. В. Фаттахов, М. М. Низамутдинов, В. В. Орешников. – DOI [10.17059/2019-2-10](https://doi.org/10.17059/2019-2-10) // *Экономика региона*. – 2019. – Т. 15, вып. 2. – С. 436–450. – Рез. англ.
18. Макарова, М. Н. Малые города в пространственной структуре размещения населения региона / М. Н. Макарова. – DOI [10.15838/esc.2017.2.50.10](https://doi.org/10.15838/esc.2017.2.50.10) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 181–194. – Рез. англ.
19. Строев, П. В. Пространственная организация экономики России: проблемы и пути решения / П. В. Строев // *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. – 2015. – № 4 (49). – С. 14–25. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25805425> (дата обращения: 16.03.2021). – Рез. англ.
20. Коломак, Е. А. О чем говорит отклонение от закона Ципфа? / Е. А. Коломак. – DOI [10.30680/ECO0131-7652-2016-11-121-128](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2016-11-121-128) // *ЭКО*. – 2016. – № 11. – С. 121–128. – Рез. англ.
21. Растворцева, С. Н. Закон Ципфа в городах России. Анализ новых показателей / С. Н. Растворцева, И. В. Манаева. – DOI [10.17059/ekon.reg.2020-3-20](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-20) // *Экономика региона*. – 2020. – Т. 16, вып. 3. – С. 935–947. – Рез. англ.
22. Павлов, Ю. В. Баланс системы расселения региона: оценка по закону Ципфа и влияние на региональное развитие / Ю. В. Павлов. – DOI [10.15838/tdi.2020.2.52.1](https://doi.org/10.15838/tdi.2020.2.52.1) // *Вопросы территориального развития*. – 2020. – Т. 8, № 2. – Рез. англ.
23. Кабанов, В. Н. Территориальное планирование и закон Ципфа / В. Н. Кабанов. – DOI [10.15838/esc.2019.2.62.6](https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.6) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2019. – № 2. – С. 103–114. – Рез. англ.
24. Секушина, И. А. Тенденции социально-экономического развития малых и средних городов регионов Европейского Севера России / И. А. Секушина. – DOI

10.26653/2076-4650-2019-5-07 // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2019. – № 5. – С. 73–90. – Рез. англ.

25. Giesen, K. Zipf's Law for Cities in the Regions and the Country / K. Giesen, J. Sudekum. – DOI 10.1093/jeg/lbq019 // Journal of Economic Geography. – 2010. – Vol. 11, issue 4. – Pp. 667–686.

26. Ильин, В. И. Человек на старом Русском Севере: между свободой воли и структурным принуждением (исторический очерк в терминах экзистенциальной социологии) / В. И. Ильин. – DOI 10.17323/1811-038X-2020-29-3-6-27 // Мир России. – 2020. – № 3. – С. 6–27. – Рез. англ.

Поступила 29.03.2021; одобрена после рецензирования 31.05.2021; принята к публикации 09.06.2021.

Об авторе:

Секушина Ирина Анатольевна, младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4216-4850>, i_sekushina@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Sekushina I.A. Urbanisation in Russia and the Importance of Small and Medium-Sized Cities in the Development of Rural Areas. *Traektoriya nauki* = Path of Science. 2018; 4(8):2009-2016. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.22178/pos.37-4>
2. Kolomak E.A. Russian Urban System. *Region: ekonomika i sotsiologiya* = Region: Economics and Sociology. 2016; (1):233-248. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20160110>
3. Hackmann A., Klarl T. The Evolution of Zipf's Law for U.S. Cities. *Regional Science*. 2020; 99(3):841-852. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12498>
4. Ye X., Xie Y. Re-examination of Zipf's Law and Urban Dynamic in China: A Regional Approach. *The Annals of Regional Science*. 2012; 49:135-156. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-011-0442-8>
5. Wu J.-X., He L.-Y. How Do Chinese Cities Grow? A Distribution Dynamics Approach. *Physica A*. 2017; 470:105-118. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2016.11.112>
6. Gangopadhyay K., Basu B. City Size Distributions for India and China. *Physica A*. 2009; 388:2682-2688. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2009.03.019>
7. Matlaba V.J., Holmes M.J., McCann P., Poot J. A Century of the Evolution of the Urban System in Brazil. *Review of Urban and Regional Development Studies*. 2013; 25:129-151. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/rurd.12012>
8. Chen Y. Zipf's law, 1/f Noise, and Fractal Hierarchy. *Chaos, Solitons & Fractals*. 2012; 45(1):63-73. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chaos.2011.10.001>

9. Ezzahid E., El Hamdani O. Zipf's Law in the Case of Moroccan Cities. *Review of Urban & Regional Policy Studies*. 2015; 27(2):118-133. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/rurd.12036>
10. Gligor L., Gligor M. The Fractal City Theory Revisited: New Empirical Evidence from the Distribution of Romanian Cities and Towns. *Nonlinear Dynamics, Psychology, And Life Sciences*. 2008; 12(1):15-28. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/18157925/> (accessed 16.03.2021). (In Eng.)
11. Simini F., James C. Testing Heaps' Law for Cities using Administrative and Gridded Population Data Sets. *EPJ Data Science*. 2019; 8. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-019-0203-y>
12. Moura N.J., Ribeiro M.B. Zipf Law for Brazilian Cities. *Physica A*. 2006; 367:441-448. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2005.11.038>
13. Perez E., Guzman-Vargas L., Angulo-Brown F. Distributions of City Sizes in Mexico during the 20th Century. *Chaos Solitons & Fractals*. 2015; 73:64-70. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chaos.2014.12.015>
14. Silveira-Neto R., Silva D. Population Dynamics and Spatial Dependence: Evidence from Brazilian Cities. *The Official Journal of the Southern Regional Science Association*. 2019; 49(3):454-473. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.52324/001c.11127>
15. Black D., Vernon-Henderson J. Urban Evolution in the USA. *Journal of Economic Geography*. 2003; 3(4):343-372. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbg017>
16. Arshad S., Hu Sh., Ashraf B.N. Zipf's Law and City Size Distribution: A Survey of the Literature and Future Research Agenda. *Physica A*. 2018; 492:75-92. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2017.10.005>
17. Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Analysing and Modelling of Trends in the Development of the Territorial Settlement System in Russia. *Ehkonomika regiona* = Economy of Region. 2019; 15(2):436-450. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17059/2019-2-10>
18. Makarova M.N. Small Towns in the Spatial Structure of Regional Population Distribution. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017; 10(2):181-194. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.2.50.10>
19. Stroeve P.V. Spatial Organization of the Russian Economy: Problems and Solutions. *Ehkonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* = Economy of the North-West: Problems and Development Prospects. 2015; (4):14-25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25805425> (accessed 16.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
20. Kolomak E.A. What does Tell a Deviation from Zipf's Law? *ECO*. 2016; (11):121-128. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2016-11-121-128>
21. Rastvortseva S.N., Manaeva I.V. Zipf's Law in Russian cities. Analysis of New Indicators. *Ehkonomika regiona* = Economy of Region. 2020; 16(3):935-947. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-20>
22. Pavlov Yu.V. Regional Settlement System Balance: Assessment under Zipf's Law and Impact on the Regional Development. *Voprosy territorialnogo razvitiya* = Territorial Development Issues. 2020; 8(2). (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/tdi.2020.2.52.1>

23. Kabanov V.N. Territorial Planning and Zipf's Law. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019; (2):103-114. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.6>

24. Sekushina I.A. Trends in Socio-Economic Development of Small and Medium-Sized Cities in the Regions of the European North of Russia. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ehkonomika i pravo* = Scientific Review. Series 1: Economics and Law. 2019; (5):73-90. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2019-5-07>

25. Giesen K., Sudekum J. Zipf's Law for Cities in the Regions and the Country. *Journal of Economic Geography*. 2010; 11(4):667-686. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbq019>

26. Ilyin V.I. People in the Old Russian North: between Free Will and Structural Coercion (A Historical Essay in Terms of Existential Sociology). *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2020; (3):6-27. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-6-27>

Submitted 29.03.2021; approved after reviewing 31.05.2021; accepted for publication 09.06.2021.

About the author:

Irina A. Sekushina, Research Assistant, Department for Socio-Economic Development and Administration in Territorial Systems, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorkogo St., Vologda 160014, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4216-4850>, i_sekushina@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 314.42:616-036.21

DOI: [10.15507/2413-1407.116.029.202103.666-685](https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.666-685)

Оригинальная статья / Original article

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Смертность населения российских регионов в условиях пандемии COVID-19

П. В. Дружинин*

Е. В. Молчанова

*Институт экономики – обособленное подразделение ФИЦ «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(г. Петрозаводск, Российская Федерация),
* pdruzhinin@mail.ru*

Введение. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 оказала сильное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране, особенно на демографические процессы. Цель данной статьи – проанализировать изменение уровня смертности в российских регионах и оценить влияние на него различных факторов в ходе пандемии.

Материалы и методы. В работе анализировались данные Федеральной службы государственной статистики по смертности по российским регионам. На основе анализа графиков и построения регрессионных уравнений выявлялись факторы, определившие прирост смертности в период пандемии и степень их влияния.

Результаты исследования. Изменение уровня заболеваемости и смертности в регионах зависело от развития системы здравоохранения, демографических, социально-экономических и географических факторов, а также действий региональных и федеральных властей. Для регионов определяющим фактором стало географическое положение. Самая высокая смертность оказалась в регионах, расположенных в центре Европейской части страны на пересечении транспортных путей. В отдельные месяцы высокая

© Дружинин П. В., Молчанова Е. В., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

смертность была в регионах, граничащих с Китаем, Казахстаном и Финляндией. Также оказались значимы доля пенсионеров и степень падения доходов населения.

Обсуждение и заключение. Расчеты показали, что в начале обеих волн рост смертности зависел от обеспеченности населения регионов врачами и больничными койками. Весной введенные ограничения сдержали распространение болезни, но привели к спаду в экономике и росту безработицы. Осенью были введены менее жесткие ограничения, что привело к значительному росту смертности и к незначительному спаду в экономике. Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации принимаемых управленческих решений в области медико-демографической политики.

Ключевые слова: регион, демография, пандемия COVID-19, смертность, Приволжский федеральный округ

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием Института экономики – обособленного подразделения ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук».

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дружинин, П. В. Смертность населения российских регионов в условиях пандемии COVID-19 / П. В. Дружинин, Е. В. Молчанова. – DOI [10.15507/2413-1407.116.029.202103.666-685](https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.666-685) // Регионоведение. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 666–685.

Mortality Rates in Russian Regions in the Context of the COVID-19 Pandemic

P. V. Druzhinin*, E. V. Molchanova

Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation),

**pdruzhinin@mail.ru*

Introduction. The COVID-19 (coronavirus) pandemic has had a strong impact on the socio-economic situation in the country, especially on demographic processes. The article analyzes the change in the mortality rates in Russian regions and assesses the influence of various factors on them during the pandemic.

Materials and Methods. The paper examined data from the Federal State Statistics Service on mortality rates in Russian regions. Based on the graphs analyzed and regression equations built, the factors that determined the increase in mortality rates during the pandemic and the degree of their influence were identified.

Results. Changes in the rates of morbidity and mortality in Russian regions depended on the development of the healthcare system, demographic, socio-economic, and geographical factors, as well as on the actions of regional and federal authorities. The geographical location of the regions turned out to be the determining factor. The highest mortality rates were found in the regions located in the center of the European part of Russia at the intersection of transport routes. In some months, high mortality rates were observed in the regions bordering China, Kazakhstan, and Finland. The proportion of pensioners and the degree of decline in personal income were also significant.

Discussion and Conclusion. Calculations have shown that at the beginning of both waves of the pandemic, the increase in mortality rates depended on the provision of the population of the regions with doctors and hospital beds. In the spring, the restrictions imposed restrained

the spread of the disease, but led to an economic recession and an increase in unemployment. In the autumn, less severe restrictions were introduced, which led to a significant increase in mortality rates and a slight decline in the economy. The research results can be used to optimize the managerial decisions in the field of medical and demographic policy.

Keywords: region, demography, COVID-19 pandemic, mortality, Volga Federal District

Funding. The article was done as part of the implementation of the government assignment to the Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Druzhinin P.V., Molchanova E.V. Mortality Rates in Russian Regions in the Context of the COVID-19 Pandemic. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(3):666-685. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.666-685>

Введение. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 сильно повлияла на социально-экономическую и медико-демографическую ситуацию практически во всех странах мира. По данным официальной статистики, на начало февраля 2021 г. в мире от нового типа вируса умерли более 2,3 млн чел., в том числе в России – 78 тыс.¹. По оценке Росстата, если в 2019 г. смертность в России снизилась на 1,7 % относительно 2018 г., то в 2020 г. она увеличилась на 17,9 %². Это избыточная смертность, которая в значительной степени связана с пандемией COVID-19, оказавшей прямое и косвенное влияние на демографические процессы. В некоторых случаях рост смертности связан с заболеваниями, которые были часто ассоциированы с инфицированием COVID-19. Возникшая ситуация еще острее обозначила проблемы в области социально-демографической политики в России, в том числе достоверность медицинской статистики, последствия «оптимизации» системы здравоохранения [1–3].

Анализ данных по регионам России показал, что уровень заболеваемости и смертности значительно различается в территориальном разрезе. Самый высокий прирост смертности в 2020 г. относительно 2019 г. оказался в регионах Приволжского федерального округа (ПФО). Можно предположить, что есть объективные причины высокой смертности в ПФО и, видимо, они связаны с географическим положением данных регионов.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования проанализировать изменение уровня смертности в российских регионах в 2020 г. и оценить влияние на него различных факторов в ходе пандемии.

¹ Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19) [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aesfpebagmfbcl0a.xn--p1ai/> (дата обращения: 22.05.2021).

² Естественное движение населения [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn06-2021.htm> (дата обращения: 22.05.2021).

Обзор литературы. Анализ систем сбора статистических данных о числе заболевших и умерших от COVID-19 показал значительные различия методических подходов по странам и их изменение с течением времени, что говорит о возможной несопоставимости информации. Важную роль играет и политическое давление, желание представить ситуацию лучше, чем она есть на самом деле, а значит, даже в рамках одной страны из-за действия региональных властей данные могут быть несопоставимы [4]. С учетом сверхсмертности от ассоциированных с инфицированием COVID-19 заболеваний и неопределенных причин смерти реальное количество умерших от COVID-19, видимо, значительно превышает количество подтвержденных случаев [5]. Смертность в 2020 г. выросла на 324 тыс. чел., но по данным Росстата количество умерших от COVID-19 составило 162 тыс. чел, а по данным оперативного штаба правительства – 57 тыс. чел.³.

Поскольку прямой учет смертности от COVID-19 достаточно затруднителен, то в ряде исследований использовалась косвенная демографическая оценка прироста смертности по сравнению с аналогичным периодом прошлых лет. Данный подход допустим, если в предшествующий период сложилась устойчивая тенденция изменения смертности.

Уже на первых этапах пандемии COVID-19 возникло понимание необходимости пересмотра принципов оказания медицинской помощи и повышение эффективности функционирования национальных систем здравоохранения [6; 7]. В Китае осознание опасности эпидемии привело к быстрому принятию жестких мер по борьбе с ее распространением. Прежде всего для остановки пандемии стали ограничивать контакты населения. Город Ухань был закрыт для выезда на 76 дней, и за 10 дней было проведено тестирование 11 млн жителей Ухани, в нем было построено 16 больниц. Уже с марта количество новых заражений было незначительно. Жесткие меры привели к тому, что в Китае от COVID-19 умерли всего 4,8 тыс. чел. Контроль на границе позволил не допустить новых вспышек [8–10].

Более сложная ситуация наблюдалась в странах Европы. Например, раннее закрытие границ в Чехии, несмотря на неодобрение Европейского союза, способствовало низкой первой волне. Однако возникшие протестные настроения против жестких мер и давление Европейского союза привели к более мягким ограничениям осенью и высокой второй волне заболеваемости в стране [11]. В России вторая волна также была значительно выше первой. Правительством не были введены такие же жесткие ограничения, как в марте, население стало хуже соблюдать меры профилактики, возросли межличностные контакты, нарушалась социальная дистанция [12].

В различных регионах изучались факторы, от которых зависит смертность населения [13]. Исследователи выделяли такие индикаторы, как

³ Росстат назвал число умерших россиян с COVID-19 в 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/02/2021/602132e19a7947073f7ddeb5> (дата обращения: 01.03.2021).

обеспеченность жильем, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, количество посещений амбулаторно-поликлинических учреждений, объем потребляемых алкогольных напитков на душу населения, доля пенсионеров и уровень урбанизации. На примере Псковской области было показано, что рост реальных доходов приводит к снижению смертности, а высокая доля бедных и рост потребления алкоголя – к росту смертности [14]. По данным за 2003–2017 гг. для Российской Федерации статистически значимыми оказались такие показатели, как численность населения с доходами ниже прожиточного минимума и численность больных алкоголизмом [15]. Авторы, которые анализировали показатели десяти российских регионов за 13 лет, установили, что уровень смертности взаимосвязан со среднедушевыми денежными доходами и уровнем безработицы [16].

На муниципальных данных Республики Коми было выявлено, что падение расходов на социальную политику в муниципалитете способствует росту смертности [17]. По данным муниципалитетов Башкортостана было показано, что снижают смертность плотность населения, ресурсы здравоохранения, количество предприятий, а увеличивают – количество пенсионеров, первичный выход на инвалидность, количество преступлений и уровень безработицы [18]. Анализ данных по г. Петрозаводску за три года показал наличие значимой корреляции смертности с динамикой выбросов загрязняющих веществ в атмосферу [19].

В ряде работ построенные модели использовались для прогнозирования уровня смертности [20; 21]. Немецкие ученые определяющими факторами роста смертности в условиях эпидемии посчитали демографические, прежде всего плотность населения⁴.

Проведенные исследования роста смертности во время пандемии COVID-19 выявили дополнительные факторы. На примере разных стран были выделены следующие индикаторы – ожидаемая продолжительность жизни, медианный возраст населения, доля расходов на здравоохранение и количество тестирований [22]. При анализе региональных особенностей смертности было отмечено, что, возможно, рост безработицы в ходе пандемии увеличивал уровень смертности [9].

Расчеты на данных 85 регионов России показали, что более низкая плотность населения, более активное тестирование и более высокая температура воздуха способствуют понижению уровня смертности от COVID-19 в регионе [23]. В ряде работ было установлено, что на смертность оказывала влияние социальная структура населения [24]. С возрастом смертность от COVID-19 повышается, но велики различия между странами из-за состояния здоровья населения и сложившейся системы оказания медицинской помощи [25; 26].

⁴ Bericht zur Risikoanalyse im Bevölkerungsschutz 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://dipbt.bundestag.de/extrakt/ba/WP17/503/50323.html> (дата обращения: 01.03.2021).

Таким образом, проведенный анализ литературы позволил выделить факторы, которые могли способствовать росту смертности в период пандемии и влияние которых надо оценить на данных российских регионов.

Материалы и методы. В ходе исследования анализировались графики показателей, которые могут влиять на уровень смертности населения в регионах России, осуществлялся поиск возможных зависимостей, затем на основании полученной информации строились линейные и мультипликативные регрессионные уравнения. Было выделено четыре группы факторов (эффективность здравоохранения, демографическая ситуация, социально-экономическое развитие, географические особенности региона), каждый из них характеризовался несколькими показателями.

По выделенным факторам проводились расчеты для 80 российских регионов. Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область рассматривались как единые регионы.

При построении моделей исследовался прирост смертности в 2020 г. относительно 2019 г. в целом и за отдельные периоды. Расчеты проводились по уравнению:

$$D_i = A_0 + \sum_{j=1}^M A_j \times X_{i,j}, \quad (1)$$

где D_i – отношение прироста смертности в регионе i в определенном периоде 2020 г. относительно соответствующего периода 2019 г. к численности населения региона; $X_{i,j}$ – показатель j региона i ; A_0, A_j – константы.

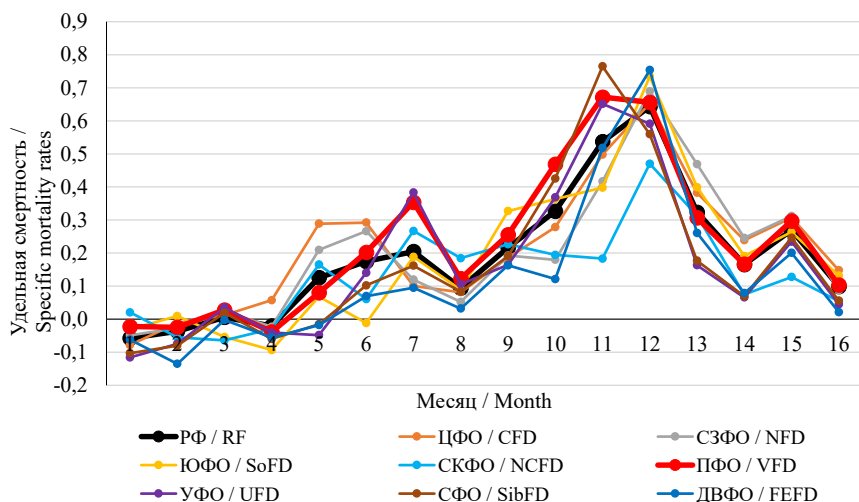
В работе анализировались данные по смертности по месяцам с января 2019 г. по апрель 2021 г. и определялось отношение прироста смертности к населению региона (на тысячу человек), исходные данные были получены из справочника «Естественное движение населения»⁵, представленного на сайте Федеральной службы государственной статистики. Разброс данного коэффициента за 2020 г. оказался большим – от 0,7 в Республике Бурятия до 3,3 – в Самарской и Липецкой областях. Данные были получены из справочников «Регионы России»⁶ («Социально-экономические показатели») и «Социально-экономические показатели городов»). Информация о заболевших COVID-19 и умерших от него была получена с официального интернет-ресурса для информирования населения о COVID-19⁷.

⁵ Демография [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.03.2021).

⁶ Статистические издания [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 01.03.2021).

⁷ Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19) [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/> (дата обращения: 22.03.2021).

Результаты исследования. Смертность в Российской Федерации в 2020 г. значительно выросла, причем максимальных значений она достигла к концу года (рис. 1). На графике прироста смертности в 2020–2021 гг. относительно 2019 г. по федеральным округам выделяются две волны с пиками в мае – июне и ноябре – декабре. Весной быстрее всего росла смертность в Центральном федеральном округе (ЦФО), даже в апреле, несмотря на введенные ограничения, но уже в июле прирост смертности стал снижаться. В значительной степени на раннем скачке смертности сказался рост заболеваемости в Москве, поскольку ограничить контакты жителей в огромном городе оказалось достаточно сложно, а население стало покидать город лишь летом. Весной значительные финансовые вливания позволили нарастить коечный фонд города и снизить уровень заболеваемости и смертности.

Р и с. 1. Динамика прироста смертности (на тыс. чел.) по федеральным округам и Российской Федерации по месяцам с января 2020 г. по апрель 2021 г. относительно соответствующего периода 2019 г.⁸

Fig. 1. Dynamics of the increase in mortality rates (per thousand people) in the Federal Districts and the Russian Federation by the month from January 2020 to April 2021 compared to the corresponding periods of 2019

⁸ Применяется обозначение федеральных округов России: ЦФО – Центральный (CFD – Central Federal District), СЗФО – Северо-Западный (NFD – Northwestern Federal District), ЮФО – Южный (SoFD – Southern Federal District), СКФО – Северо-Кавказский (NCFD – North Caucasian Federal District), ПФО – Приволжский (VFD – Volga Federal District), УФО – Уральский (UFD – Ural Federal District), СФО – Сибирский (SibFD – Siberian Federal District), ДВФО – Дальневосточный (FEFD – Far Eastern Federal District), РФ – Российская Федерация (RF – Russian Federation).

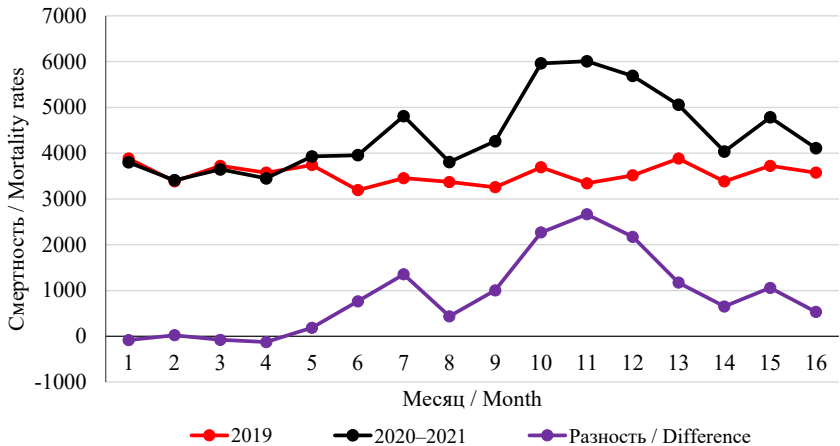
В других округах смертность начала расти позже и максимальный прирост данного показателя был в июле. После кратковременного снижения смертности в августе, с сентября в России началась вторая волна пандемии, которая захватила периферию страны. В ноябре максимальный прирост смертности был в Сибирском федеральном округе (СФО), а в декабре – в Дальневосточном (ДВФО). Скачок смертности осенью, видимо, был связан с окончанием дачного сезона и возвращением жителей в города, началом занятий в учебных заведениях, а также мягкостью осенних ограничений по сравнению с весенними. В результате в трех регионах России смертность в декабре 2020 г. в два и более раза превысила уровень декабря 2019 г. (Ненецком автономном округе, республиках Чечня и Мордовия). В ПФО близкий к максимальному значению прирост смертности был в июле, в ноябре и в декабре, таким образом, суммарно за год он оказался самым высоким. По своим демографическим и социально-экономическим характеристикам и уровню развития здравоохранения ПФО практически не отличается от большинства других округов. Однако он расположен вместе с прилегающими регионами ЦФО и УФО в центре страны на пересечении транспортных путей. Сильнее всего выросла смертность в Самарской области, немного меньше в Пензенской, Оренбургской областях и Республике Мордовия.

Изменение уровня заболеваемости и смертности в регионах зависело от развития системы здравоохранения, демографических, социально-экономических и географических факторов, а также действий региональных и федеральных властей⁹. Каждый регион имеет свои особенности, которые по-разному влияют на заболеваемость при различном внешнем воздействии и определяют колебания уровня смертности. Когда в одних регионах только начинается очередная волна, в других она на пике, а в третьих наблюдается спад заболеваемости. Поэтому построенные уравнения для отдельных месяцев имеют низкую значимость, и нужно рассматривать более длительный период. Положение регионов по уровню смертности в течение 2020 г. претерпевало существенные коррективы: ситуация резко изменилась в марте с началом пандемии в большинстве регионов, затем в апреле – как результат введения ограничений, в июле – из-за отпускных перемещений населения, в сентябре – после возвращения граждан в родные города.

Максимальный рост коэффициента смертности среди российских регионов в 2020 г. был в Самарской области. От других регионов ПФО она отличается более высокой плотностью населения и долей городского населения, более низкими доходами населения и обеспеченностью больничными койками. До начала лета в регионе заметных изменений смертности не происходило, видимо, вирус попал на данную территорию позже, заболевших было относительно мало, ресурсов хватало, положительное влияние оказали

⁹ Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=384351> (дата обращения: 01.03.2021).

ограничительные меры (рис. 2). Однако уже в июне смертность заметно превысила уровень 2019 г., и в июле это превышение составило почти 40 %. Через область шел поток отпускников. Как и в России в целом, в регионе произошел спад смертности в августе и резкий рост с сентября. В ноябре 2020 г. смертность превысила уровень ноября 2019 г. почти на 80 %, затем постепенно она стала снижаться. К концу года, по оценке экспертов, в крупных городах коронавирусной инфекцией COVID-19 переболело более половины населения¹⁰, и заболеваемость, а вместе с ней и смертность стали снижаться с января 2021 г.

Р и с. 2. Смертность в Самарской области в 2019–2021 гг. по месяцам и прирост смертности с января 2020 г. по апрель 2021 г. относительно соответствующего месяца 2019 г.

Fig. 2. Mortality rates in the Samara Region in 2019–2021 by the month and the increase in mortality rates from January 2020 to April 2021 compared to the corresponding months of 2019

В целом за год максимальный прирост смертности был в ПФО, несколько меньше – в соседних округах (ЦФО и УФО). Прирост более трех смертей на тысячу человек был в пяти регионах – Самарской, Пензенской, Оренбургской, Липецкой областях и Республике Мордовия. Прирост от 2,6 до 3 смертей был в восьми регионах – Ульяновской, Челябинской, Омской, Тульской, Рязанской областях, Башкортостане, Татарстане и Чувашии. Прирост от 2,3 до 2,6 смертей был в 11 регионах (рис. 3). Среди 24 регионов лишь один уральский и два сибирских. Регионы с наиболее высоким уровнем смертности расположены в центре страны на пересечении основных автомобильных

¹⁰ Ученые насчитали 2,5 млн переболевших COVID петербуржцев [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/16/03/2021/60506fc29a7947f50944a79b (дата обращения: 22.03.2021).

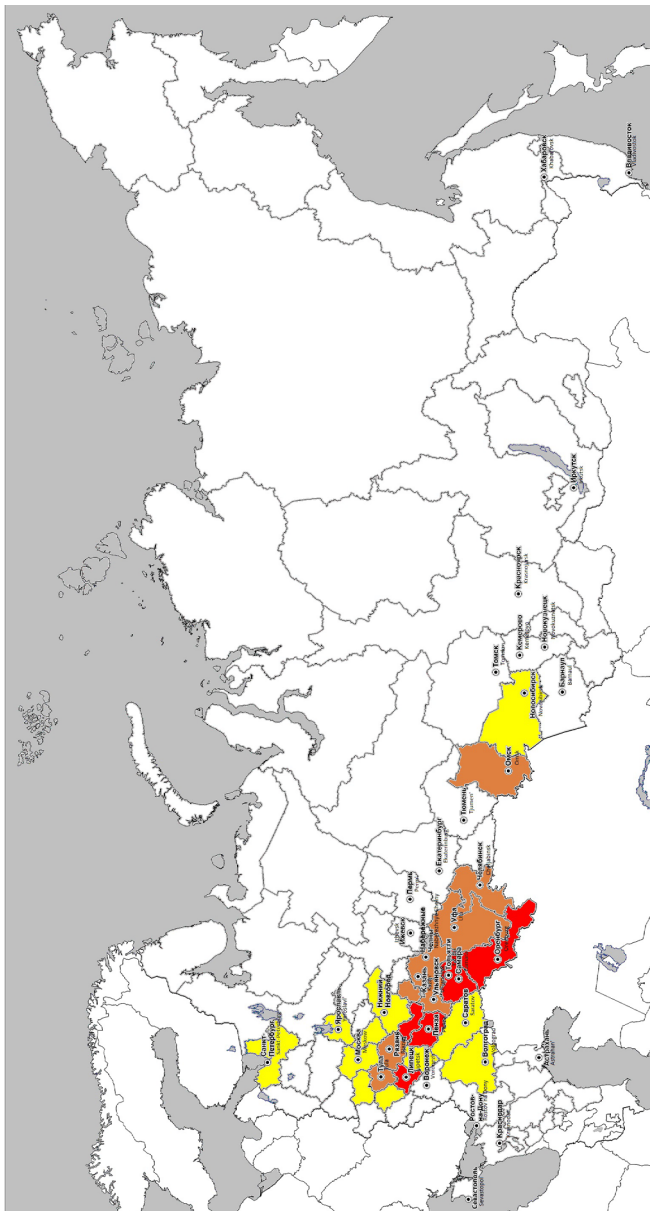
и железнодорожных магистралей, также шесть регионов граничат с Казахстаном и один – с Финляндией. Возможно, постепенное ослабление пограничных ограничений привело к тому, что в ноябре, кроме трех внутренних центральных регионов, наибольший прирост смертности был в шести граничащих с Казахстаном и одним – с Китаем, а в декабре, кроме четырех внутренних центральных и Республики Крым, – в пяти приграничных регионах.

Реакция регионов различалась в течение рассматриваемого периода. В первые два месяца смертность лишь в некоторых регионах заметно превысила уровень 2019 г., среди них были регионы из всех федеральных округов, в том числе и приграничные. Например, в марте именно у приграничной Карелии был максимальный прирост смертности. В конце марта российско-финская граница была закрыта, введены жесткие ограничения, которые в Карелии соблюдались, и ситуация быстро улучшилась, в отличие от Ленинградской области.

В условиях ограничений в большинстве регионов страны смертность стала ниже, чем в апреле 2019 г. Однако остановить рост заболеваемости в Москве не удалось, миграция населения привела к увеличению числа заражений в соседних регионах, и в июне 5 регионов из 10 с наибольшим приростом смертности были в ЦФО. С началом отпускного сезона активизировалось движение населения, в первую очередь в южные регионы, ослабили ограничения, и к ЦФО добавились регионы ПФО, через которые также проходят основные магистрали. С июля по декабрь из 10 регионов с наивысшим приростом смертности большинство были из ПФО, а в целом за год таких регионов было семь.

Анализ помесечных графиков и коэффициентов корреляции позволил выделить показатели, которые оказывали наибольшее влияние на изменение уровня смертности населения в условиях пандемии. В первой волне наиболее значимыми оказались демографические показатели, так как именно они влияют на частоту контактов населения, однако это воздействие может уменьшаться за счет введения жестких ограничений. Наиболее часто сильная корреляция прироста смертности была с долей пенсионеров (март, апрель, июнь, декабрь и январь 2021 г.), что, видимо, связано с ухудшением состояния здоровья с возрастом. В мае наиболее высокий коэффициент корреляции был выявлен с численностью населения столицы региона, в июле – численностью населения периферии, видимо, уехавшие на лето из столиц жители инфицировали население провинции. В начале первой волны была значима плотность населения, а во второй волне – доля городского населения.

Медицинские показатели были статистически значимы только в отдельные месяцы, причем в августе наиболее сильная корреляция прироста смертности оказалась с обеспеченностью врачами. В последующие месяцы и в марте влияние этого показателя было меньше. Фактор обеспеченности койками был значим в марте – апреле, а также в сентябре. Эти два фактора оказались важны, когда начинались первая и вторая волны. Влияние заболеваемости алкоголизмом проявилось лишь на пике первой и второй волн.

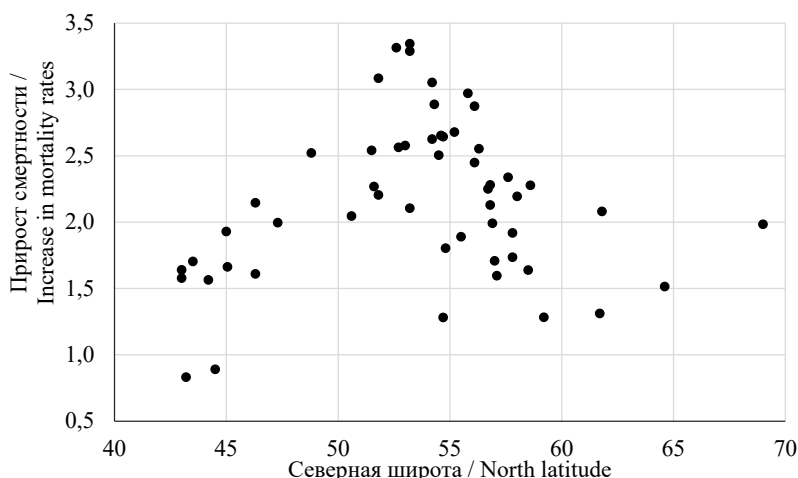
Р и с. 3. Регионы с наиболее высоким приростом смертности в марте – декабре 2020 г. (красный – прирост коэффициента смертности более 3,0, оранжевый – от 2,6 до 3,0, желтый – от 2,3 до 2,7)

F i g. 3. Regions with the highest increase in mortality rates in March–December 2020 (red – an increase in mortality rates of more than 3.0 deaths per 1,000 people, orange – from 2.6 to 3.0, yellow – from 2.3 to 2.7)

Из социально-экономических показателей наиболее сильное влияние оказала динамика доходов населения в 2020 г., которая была значима на пике первой и второй волн, а также в марте – апреле. В августе значимыми были доля населения с доходами ниже прожиточного минимума и уровень безработицы, в декабре – валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения и нормированный на прожиточный минимум уровень доходов населения.

Во второй волне наиболее значимыми стали географические показатели – северная широта и восточная долгота, точнее отклонение от 53° северной широты и 50° восточной долготы. Центральные регионы имели более высокий прирост смертности, чем северные и южные, особенно это заметно для европейских регионов (рис. 4).

Р и с. 4. График прироста смертности в 2020 г. (на 1 000 чел.) в регионах в зависимости от северной широты столицы региона (без регионов СФО и ДВФО)

Fig. 4. Graph of the increase in mortality rates in 2020 (per 1,000 people) in the regions, depending on the northern latitude of the capital city of the region (excluding the regions of the Siberian Federal District and the Far Eastern Federal District)

Приграничное положение имело значительное влияние в I квартале, когда не было введено существенных ограничений и границу пересекло больше 55 % от общего потока за год, в результате чего в нескольких регионах заметно выросла смертность. Во II квартале были закрыты границы для большей части населения, и количество пересекающих границу граждан упало примерно в 10 раз. В III и IV кварталах ограничения были ослаблены, в 3–4 раза выросло количество пересечений границы, и в отдельных приграничных регионах вновь возросла смертность. Границу с Казахстаном пересекают жители нескольких

государств, и, возможно, это сказалось на росте заболеваемости и смертности в приграничных регионах, прежде всего в ПФО. В то же время перемещений через границу с Грузией, Азербайджаном и Монголией было немного, и граничащие с ними регионы имели низкий уровень прироста смертности.

В таблице представлены результаты расчетов по формуле (1) для 54 регионов (без учета регионов СФО, ДВФО, московского и петербургского).

Более высокий прирост смертности в 2020 г. был в центральных регионах, в регионах с более высокой долей городского населения и с наибольшим падением доходов населения. В первые месяцы 2021 г. наиболее высокий прирост смертности был в регионах с более высокой долей пенсионеров, более низкими доходами населения и низкой заболеваемостью. Ранняя диагностика, своевременное выявление и лечение различных нарушений здоровья позволяет существенно сократить уровень смертности в регионе.

Т а б л и ц а. Результаты расчетов параметров зависимости (1) прироста смертности (на млн чел.) за 2020 г. и 2021 г. относительно 2019 г.

Table. The results of calculating the parameters of dependence (1) of the increase in mortality rates (per one million people) for 2020 and 2021 compared 2019

Показатель / Indicator	Январь – декабрь 2020 г. / January– December 2020	Январь – апрель 2021 г. / January– April 2021
<i>A</i>	3482,2***	-147,2
Доля городского населения / Percentage of the urban population	11,87***	–
Отклонение расположения столицы ре- гиона от 53° с. ш. / Deviation of the loca- tion of the capital city of the region from 53 degrees north latitude	-103,1***	–
Отклонение расположения столицы ре- гиона от 50° в. д. / Deviation of the loca- tion of the capital city of the region from 50 degrees east longitude	-38,36***	–
Доходы населения в 2020 г. к 2019 г., % / Personal income in 2020 compared to 2019, %	-13,58	–
Доля пенсионеров / Percentage of the pensioners	–	7,035***
Отношение доходов населения к прожи- точному минимуму / The ratio of the per- sonal income to the subsistence minimum	–	-1,82***
Заболеваемость на 1 000 жителей / Morbidity rate per 1,000 people	–	-0,63***
<i>R</i> ²	0,61	0,50
<i>p</i>	0,0000	0,0000

*** $p < 0,01$.

Обсуждение и заключение. В Российской Федерации завершились две волны пандемии, началась третья, как и в европейских странах. Скорее всего, она будет ниже второй, поскольку активизировалась вакцинация и заметная часть населения уже переболела коронавирусной инфекцией COVID-19. Первая волна не привела к высокой смертности из-за оперативно введенных жестких ограничений. Расчеты показали, что весной недостаток больничных коек в регионах был статистически значимым фактором для роста смертности. Ограничения сдержали распространение болезни, позволили перепрофилировать больницы, увеличить коечный фонд, таким образом начальный дефицит коек не вызвал быстрый рост смертности. Но введенные ограничения привели к спаду в экономике и значительному росту безработицы.

Расчеты показали, что в начале второй волны рост смертности снова зависел от обеспеченности населения регионов врачами и больничными койками. Осенью были введены новые ограничения, но уже не столь жесткие, что привело к значительному росту смертности, но, с другой стороны, к незначительному спаду в экономике. Валовой внутренний продукт России в целом за 2020 г. снизился всего на 3,1 %.

Для регионов ведущим фактором, определившим в условиях пандемии величину прироста смертности, стало географическое положение. Расположенные в центре европейской части страны регионы, через которые проходят важнейшие федеральные трассы и перемещаются миллионы жителей страны, оказались в сложном положении. Невозможность ограничить контакты проезжающих с местным населением привела к росту заболеваемости (прежде всего латентной) и увеличению смертности. Высокий уровень прироста смертности оказался в результате в регионах ПФО и смежных с ним территориях ЦФО и УФО.

Северные и восточные периферийные регионы имели минимальный прирост смертности во время первой и второй волн пандемии, за исключением субъектов, граничащих со странами Европейского союза и Китаем. Также низкий прирост смертности наблюдался в республиках Северного Кавказа. Близкие результаты были получены при исследовании польских регионов: смертность сильнее выросла на тех территориях, которые имели выгодное экономико-географическое положение и развитую транспортную инфраструктуру [27]. В периферийных регионах, наоборот, была более благоприятная ситуация.

Уровень развития здравоохранения, демографические и социально-экономические факторы оказывали существенное влияние на разных этапах пандемии.

Проведенный анализ выявил факторы, определяющие рост заболеваемости и смертности в регионах в зависимости от их особенностей и фазы пандемии, последствия выбора жестких или мягких ограничений, и позволил понять, на решение каких проблем надо направить необходимые ресурсы для снижения смертности населения.

Результаты расчетов могут быть использованы для оптимизации принимаемых управленческих решений в условиях пандемии и для сохранения индивидуального и общественного здоровья граждан страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шкиперова, Г. Т. Оценка медико-демографических тенденций в контексте стратегических приоритетов социально-экономического развития России и Западной Европы / Г. Т. Шкиперова, Е. В. Молчанова. – DOI [10.17513/vaael.778](https://doi.org/10.17513/vaael.778) // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 10-2. – С. 145–153. – Рез. англ.
2. Буркин, М. М. Моделирование влияния индикаторов социального стресса на демографические процессы в регионах Российской Федерации / М. М. Буркин, Е. В. Молчанова. – DOI [10.17116/jnevro20171171143-49](https://doi.org/10.17116/jnevro20171171143-49) // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2017. – Т. 117, № 1. – С. 43–49. – Рез. англ.
3. Шабунова, А. А. Здоровье и самосохранительное поведение населения в контексте COVID-19 / А. А. Шабунова. – DOI [10.15838/sa.2020.3.25.1](https://doi.org/10.15838/sa.2020.3.25.1) // Социальное пространство. – 2020. – Т. 6, № 3. – Рез. англ.
4. Данилова, И. А. Заболеваемость и смертность от COVID-19. Проблема сопоставимости данных / И. А. Данилова. – DOI [10.17323/demreview.v7i1.10818](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10818) // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 1. – С. 6–26. – Рез. англ.
5. Причины смерти москвичей до и в период пандемии COVID-19 / Т. П. Сабгайда, А. Е. Иванова, С. Г. Руднев, В. Г. Семенова. – DOI [10.21045/2071-5021-2020-66-4-1](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-1) // Социальные аспекты здоровья населения. – 2020. – Т. 66, № 4. – Рез. англ.
6. Иванов, С. Ф. Смертность от COVID-19 на фоне других всплесков смертности XX века / С. Ф. Иванов. – DOI [10.17323/demreview.v7i2.11141](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11141) // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 143–151. – Рез. англ.
7. Murray, C. J. L. The Global Burden of Disease: A Comprehensive Assessment of Mortality and Disability from Diseases, Injuries, and Risk Factors in 1990 and Projected to 2020 / C. J. L. Murray, A. D. Lopez. – Cambridge MA: Harvard University Press on behalf of the World Health Organization and The World Bank, 1996. – URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/41864> (дата обращения: 01.03.2021).
8. Рязанцев, С. В. Эпидемия COVID-19 в Китае: социально-демографические аспекты / С. В. Рязанцев, Анге. – DOI [10.26653/2076-4650-2020-3-14](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-14) // Научное обозрение. Экономика и право. – 2020. – № 3. – С. 156–165. – Рез. англ.
9. Улумбекова, Г. Э. Эпидемия COVID-19 и ответ здравоохранения в разных странах / Г. Э. Улумбекова, А. Б. Гиоян, И. В. Петрачков. – DOI [10.17323/demreview.v7i2.11140](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11140) // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 121–142. – Рез. англ.
10. Qiu, Y. Impacts of Social and Economic Factors on the Transmission of Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) in China / Y. Qiu, X. Chen, W. Shi. – DOI [10.1101/2020.03.13.20035238](https://doi.org/10.1101/2020.03.13.20035238) // Journal of Population Economics. – 2020. – Vol. 33. – Pp. 1127–1172.
11. Шишелина, Л. Н. Опыт вышеградских стран в борьбе с пандемией / Л. Н. Шишелина. – DOI [10.15211/vestnikieran1202111117](https://doi.org/10.15211/vestnikieran1202111117) // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 1. – С. 111–117. – Рез. англ.

12. Суптелло, А. А. Факторы, определяющие возникновение второй волны заболеваемости COVID-19 / А. А. Суптелло, В. В. Соленов, О. В. Авилов // Научное обозрение. Медицинские науки. – 2020. – № 5. – С. 47–51. – URL: <https://science-medicine.ru/article/view?id=1143> (дата обращения: 01.03.2021). – Рез. англ.
13. Кашепов, А. В. Проблемы смертности от внешних причин / А. В. Кашепов // Modern Science. – 2020. – № 7-1. – С. 50–58. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43130275&> (дата обращения: 01.03.2021).
14. Балашова, С. А. Оценка взаимосвязи уровня социально-экономического развития с уровнем смертности в регионах РФ / С. А. Балашова, А. Р. Захарчук, М. В. Сидоренко. – DOI [10.22363/2313-2329-2020-28-1-83-97](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-1-83-97) // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 83–97. – Рез. англ.
15. Богомолов, А. И. Влияния социально-экономических и психологических факторов на смертность населения в РФ / А. И. Богомолов, В. П. Невежин // Хроноэкономика. – 2020. – № 6 (27). – С. 10–19. – URL: http://hronoeconomics.ru/06_2020.pdf (дата обращения: 01.03.2021). – Рез. англ.
16. Берендеева, А. Б. Анализ факторов смертности населения в трудоспособном возрасте в регионах РФ методом моделирования / А. Б. Берендеева, О. В. Сизова // Теоретическая экономика. – 2020. – № 4 (64). – С. 11–24. – URL: https://drive.google.com/file/d/1Y3uFmrjuLLuZQX5mUDwZQJVyqU_rlQ4X/view (дата обращения: 01.03.2021). – Рез. англ.
17. Щербакова, А. С. Территории риска первичной заболеваемости и смертности взрослого населения, обусловленные факторами среды обитания (на примере Республики Коми) / А. С. Щербакова. – DOI [10.37614/2220-802X.4.2020.70.005](https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2020.70.005) // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2020. – № 4 (70). – С. 54–71. – Рез. англ.
18. Интегральная оценка влияния социально-экономических, экологических факторов на общую смертность населения / В. П. Чашин, Р. А. Аскаров, И. А. Лакман, З. Ф. Аскарова // Экология человека. – 2020. – № 4. – С. 4–11. – URL: <https://hum-ecol.ru/1728-0869/article/view/35091> (дата обращения: 01.03.2021). – Рез. англ.
19. Рыбаков, Д. С. Погодно-климатические условия, загрязнение атмосферного воздуха, вызовы скорой медицинской помощи и смертность населения в Петрозаводске / Д. С. Рыбаков, Б. З. Белашев // Экология человека. – 2020. – № 5. – С. 21–30. – URL: <https://hum-ecol.ru/1728-0869/article/view/35105> (дата обращения: 01.03.2021). – Рез. англ.
20. Иванова, А. Е. Прогноз смертности в России исходя из контроля за основными социальными детерминантами / А. Е. Иванова. – DOI [10.21045/2071-5021-2020-66-6-6](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-6-6). – Текст : электронный // Социальные аспекты здоровья населения. – 2020. – Т. 66, № 6. – Рез. англ.
21. Дорохина, Е. Ю. Современные подходы к прогнозированию смертности / Е. Ю. Дорохина, Н. А. Маркелова. – DOI [10.17513/vaael.1567](https://doi.org/10.17513/vaael.1567) // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 1-1. – С. 34–44. – Рез. англ.
22. Хамитова, А. Ж. Социально-экономическое исследование особенностей смертности населения в трудоспособном возрасте / А. Ж. Хамитова. – Текст : электронный // Научные исследования XXI века. – 2020. – № 2 (4). – С. 305–308. – URL: <http://scientific-research.ru/files/JOURNAL--2--4-.pdf> (дата обращения: 01.03.2021). – Рез. англ.
23. Гольдштейн, Э. М. Факторы, влияющие на смертность от новой коронавирусной инфекции в разных субъектах РФ / Э. М. Гольдштейн. – DOI [10.36233/0372-9311-](https://doi.org/10.36233/0372-9311-)

2020-97-6-11 // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. – 2020. – Т. 97, № 6. – С. 604–607. – Рез. англ.

24. Breen, R. The Distributional Impact of COVID-19: Geographic Variation in Mortality in England / R. Breen, J. Ermisch. – DOI [10.4054/DemRes.2021.44.17](https://doi.org/10.4054/DemRes.2021.44.17) // Demographic Research. – 2020. – Vol. 44. – Pp. 397–414.

25. Sasson, I. Age and COVID-19 Mortality: A Comparison of Gompertz Doubling Time Across Countries and Causes of Death / I. Sasson. – DOI [10.4054/DemRes.2021.44.1](https://doi.org/10.4054/DemRes.2021.44.1) // Demographic Research. – 2020. – Vol. 44. – Pp. 379–396.

26. Medford, A. Population Age Structure Only Partially Explains the Large Number of COVID-19 Deaths at the Oldest Ages / A. Medford, S. Trias-Llimós. – DOI [10.4054/DemRes.2020.43.19](https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.19) // Demographic Research. – 2019. – Vol. 43. – Pp. 533–544.

27. Мартынов, В. Л. Территориальные особенности демографического развития в Польше под воздействием пандемии COVID-19 / В. Л. Мартынов, И. Е. Сазонова. – DOI [10.37490/S221979310013636-2](https://doi.org/10.37490/S221979310013636-2) // Псковский регионологический журнал. – 2021. – № 1 (45). – С. 37–45.

Поступила 06.04.2021; одобрена после рецензирования 20.05.2021; принята к публикации 31.05.2021.

Об авторах:

Дружинин Павел Васильевич, ведущий научный сотрудник Института экономики – обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50), доктор экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, Researcher ID: [F-4625-2010](https://orcid.org/F-4625-2010), pdruzhinin@mail.ru

Молчанова Екатерина Владимировна, ведущий научный сотрудник Института экономики – обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50), доктор экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4717-5708>, Researcher ID: [AAD-7816-2020](https://orcid.org/AAD-7816-2020), molch@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

П. В. Дружинин – постановка проблемы исследования; подготовка текста статьи; проведение расчетов; формулирование результатов исследования и выводов.

Е. В. Молчанова – подготовка текста статьи; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Shkiperova G.T., Molchanova E.V. Assessment of Medical and Demographic Trends in the Context of Strategic Priorities of the Socio-Economic Development of Russia and Western Europe. *Vestnik Altayskoy akademii ehkonomiki i prava* = Bulletin of the Altai Aca-

demy of Economics and Law. 2019; (10-2):145-153. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.778>

2. Burkin M.M., Molchanova E.V. Modeling of an Influence of Indicators of Social Stress on Demographic Processes in Regions of the Russian Federation. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova* = Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. 2017; 117(1):43-49. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro20171171143-49>

3. Shabunova A.A. Population's Health and Self-Preservation Behavior within the Context of COVID-19. *Sotsialnoe prostranstvo* = Social Area. 2020; 6(3). (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2020.3.25.1>

4. Danilova I.A. Morbidity and Mortality from COVID-19. The Problem of Data Comparability. *Demograficheskoe obozrenie* = Demographic Review. 2020; 7(1):6-26. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10818>

5. Sabgaïda T.P., Ivanova A.E., Rudnev S.G., Semenova V.G. Causes of Death among Muscovites before and during the COVID-19 Pandemic. *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya* = Social Aspects of Population Health. 2020; 66(4). (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-1>

6. Ivanov S.F. Mortality from COVID-19 against the Backdrop of Other Twentieth Century Mortality Bursts. *Demograficheskoe obozrenie* = Demographic Review. 2020; 7(2):143-151. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11141>

7. Murray C.J.L., Lopez A.D. The Global Burden of Disease: A Comprehensive Assessment of Mortality and Disability from Diseases, Injuries, and Risk Factors in 1990 and Projected to 2020. Cambridge MA: Harvard University Press on behalf of the World Health Organization and The World Bank; 1996. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/41864> (accessed 01.03.2021). (In Eng.)

8. Ryazantsev S.V., Ange. COVID-19 Epidemic in China: Socio-Demographic Aspects. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ehkonomika i pravo* = Scientific Review. Series 1: Economics and Law. 2020; (3):156-165. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-14>

9. Ulumbekova G.E., Ghinoyan A.B., Petrachkov I.V. Healthcare Responses to COVID-19 in Different Countries. *Demograficheskoe obozrenie* = Demographic Review. 2020; 7(2):121-142. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11140>

10. Qiu Y., Chen X., Shi W. Impacts of Social and Economic Factors on the Transmission of Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) in China. *Journal of Population Economics*. 2020; 33:1127-1172. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.03.13.20035238>

11. Shishelina L.N. Experience of the Visegrad Countries in the Fight against the Pandemic. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAS* = Scientific and Analytical Herald of Institute of Europe Russian Academy of Sciences. 2021; (1):111-117. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran1202111117>

12. Suptello A.A., Solenov V.V., Avilov O.V. Factors, Depending the Occurrence of COVID-19 Morbidity's Second Wave. *Nauchnoe obozrenie. Meditsinskie nauki* = Scientific Review. Medical Sciences. 2020; (5):47-51. Available at: <https://science-medicine.ru/article/view?id=1143> (accessed 01.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Kashepov A.V. The Problem of Mortality from External Causes. *Modern Science*. 2020; (7-1):50-58. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43130275&> (accessed 01.03.2021). (In Russ.).
14. Balashova S.A., Zakharchuk A.R., Sidorenko M.V. Estimates of the Interrelation of the Level of Socio-Economic Development and the Mortality Rate in Russian Regions. *Vestnik RUDN. Seriya Ehkonomika* = RUDN Journal of Economics. 2020; 28(1):83-97. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-1-83-97>
15. Bogomolov A.I., Nevezhin V.P. Influence of Socio-Economic Factors on Mortality of the Population in the Russian Federation. *Khronoekonomika* = Hronoeconomics. 2020; (6):10-19. Available at: http://hronoeconomics.ru/06_2020.pdf (accessed 01.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.).
16. Berendeeva A.B., Sizova O.V. Analysis of Factors of Mortality of Population in the Labor Age in the Regions of the Russian Federation by the Model of Modeling. *Teoreticheskaya ehkonomika* = Theoretical Economics. 2020; (4):11-24. Available at: https://drive.google.com/file/d/1Y3uFmrjuLLuZQX5mUDwZOJVyqU_rlQ4X/view (accessed 01.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Shcherbakova A.S. Risk Territories of Primary Incidence and Mortality of the Adult Population, Defined by the Factors of the Environment (on the Example of the Republic of Komi). *Sever i rynek: formirovanie ehkonomicheskogo poryadka* = The North and the Market: Establishing the Economic Order. 2020; 4:54-71. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2020.70.005>
18. Chashchin V.P., Askarov R.A., Lakman I.A., Askarova Z.F. Integral Assessment of the Effects of Socio-Economic and Ecological Factors on Mortality. *Ehkologiya cheloveka* = Human Ecology. 2020; (4):4-11. Available at: <https://hum-ecol.ru/1728-0869/article/view/35091> (accessed 01.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
19. Rybakov D.S., Belashev B.Z. Weather Conditions, Air Pollution, Emergency Calls and Population Mortality in Petrozavodsk. *Ehkologiya cheloveka* = Human Ecology. 2020; (5):21-30. Available at: <https://hum-ecol.ru/1728-0869/article/view/35105> (accessed 01.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
20. Ivanova A.E. Mortality Forecast in Russia Based on Monitoring the Main Social Determinants. *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya* = Social Aspects of Population Health. 2020; 66(6). (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-6-6>
21. Dorokhina E.Yu., Markelova N.A. Modern Approaches to Forecasting Mortality. *Altayskoy akademii ehkonomiki i prava* = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021; (1-1):34-44. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.1567>
22. Khamitova A.Z. Socio-Economic Research of Peculiarities of Working-Age Population Mortality. *Nauchnye issledovaniya XXI veka* = Scientific Research in the 21st Century. 2020; 2:305-308. Available at: <http://scientific-research.ru/files/JOURNAL--2--4-.pdf> (accessed 01.03.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
23. Goldshein E.M. Factors Affecting Mortality for the Novel Coronavirus Infection in Different Regions of the Russian Federation. *Zhurnal mikrobiologii, ehpidemiologii i immunobiologii* = Journal of Microbiology, Epidemiology and Immunobiology. 2020; 97(6):604-607. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.36233/0372-9311-2020-97-6-11>

24. Breen R., Ermisch J. The Distributional Impact of COVID-19: Geographic Variation in Mortality in England. *Demographic Research*. 2020; 44:397-414. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2021.44.17>

25. Sasson I. Age and COVID-19 Mortality: A Comparison of Gompertz Doubling Time across Countries and Causes of Death. *Demographic Research*. 2020; 44:379-396. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2021.44.1>

26. Medford A., Trias-Llimós S. Population Age Structure Only Partially Explains the Large Number of COVID-19 Deaths at the Oldest Ages. *Demographic Research*. 2019; 43:533-544. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.19>

27. Martynov V.L., Sazonova I.E. Territorial Features of Demographic Development in Poland under the Impact of the COVID-19 Pandemic. *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal* = Pskov Regional Journal. 2021; (1):37-45. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310013636-2>

Submitted 06.04.2021; approved after reviewing 20.05.2021; accepted for publication 31.05.2021.

About the authors:

Pavel V. Druzhinin, Leading Research Officer, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk 185030, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, Researcher ID: [F-4625-2010](https://orcid.org/0000-0001-5303-0455), pdruzhinin@mail.ru

Ekaterina V. Molchanova, Leading Research Officer, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk 185030, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4717-5708>, Researcher ID: [AAD-7816-2020](https://orcid.org/0000-0003-4717-5708), molch@yandex.ru

Contribution of the authors:

P. V. Druzhinin – statement of the research problem; preparation of the text of the article; performing calculations; evaluation of the results; drawing conclusions.

E. V. Molchanova – preparation of the text of the article; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Естественное воспроизводство российского населения в период пандемии коронавирусной инфекции: риски и последствия (на примере Республики Татарстан)

А. А. Ибрагимова* Ч. И. Ильдарханова

*Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
(г. Казань, Российская Федерация),*

** alisa.garifullin@mail.ru*

Введение. Актуальность исследования обуславливается снижением численности населения Российской Федерации с 2018 г. и обострением демографической ситуации с 2020 г. в период пандемии COVID-19. Цель статьи – по результатам анализа демографических показателей естественного прироста населения в разрезе Российской Федерации, Приволжского федерального округа и Республики Татарстан выявить факторы, влияющие на них в период распространения коронавирусной инфекции.

Материалы и методы. Проанализированы оперативные данные Федеральной службы государственной статистики и Единой межведомственной информационно-статистической системы по демографическим показателям (рождаемость, смертность, брачность и разводимость). Применялись кросс-секционный, компаративный, корреляционный и регрессионный методы анализа, которые позволили выявить значимые факторы, влияющие на демографическую ситуацию и определить общую тенденцию демографических процессов в период пандемии COVID-19.

Результаты исследования. На основе данных официальной статистики проведен анализ демографической ситуации в сфере естественного воспроизводства населения России на примере Республики Татарстан, выявлены основные факторы естественной убыли населения в период пандемии COVID-19, обоснована необходимость внедрения новых мероприятий, направленных на укрепление здоровья и снижение уровня смертности и преодоление демографического кризиса в брачно-семейных отношениях.

Обсуждение и заключение. Сделаны выводы о возможности усиления негативного влияния пандемии коронавирусной инфекции на будущую демографическую ситуацию, что является угрозой для национальной безопасности страны. Научная значи-

© Ибрагимова А. А., Ильдарханова Ч. И., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

мость материалов исследования состоит в комплексном анализе демографической ситуации, обусловленной естественным движением населения. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при разработке и корректировке региональной и федеральной демографической и социальной политики.

Ключевые слова: демографическая ситуация, рождаемость, смертность, брачность, разводимость, пандемия COVID-19, естественное воспроизводство населения, Республика Татарстан

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ибрагимова, А. А. Естественное воспроизводство российского населения в период пандемии коронавирусной инфекции: риски и последствия (на примере Республики Татарстан) / А. А. Ибрагимова, Ч. И. Ильдарханова. – DOI 10.15507/2413-1407.116.029.202103.686-708 // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 686–708.

Natural Reproduction of the Population of Russia during the Coronavirus Pandemic: Risks and Consequences (The Case of the Republic of Tatarstan)

A. A. Ibragimova*, Ch. I. Ildarhanova

Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences

(Kazan, Russian Federation),

** alisa.garifullin@mail.ru*

Introduction. The study is of relevance due to the decline in the population of the Russian Federation since 2018 and the aggravation of the demographic situation since 2020, during the COVID-19 pandemic. Based on the results of analyses of demographic indicators of natural population growth in the Russian Federation, in the Volga Federal District, and in the Republic of Tatarstan, the article identifies the factors affecting such indicators during the spread of coronavirus infection.

Materials and Methods. The study analyzed operational data from the Federal State Statistics Service and the Unified Interdepartmental Information and Statistical System on the demographic indicators (birth rate, mortality, marriage rate, and divorce rate). The comparative, cross-sectional, correlation, and regression methods of analysis were employed, which made it possible to reveal significant factors affecting the demographic situation and identify the general trend of demographic processes during the COVID-19 pandemic.

Results. On the basis of the official statistics, an analysis of the demographic situation in terms of natural reproduction of the population of Russia, exemplified by the case of the Republic of Tatarstan has been carried out; the main factors in natural population decline during the COVID-19 pandemic have been identified; the need for the introduction of new measures aimed at improving health and reducing the mortality rate and overcoming the demographic crisis in marriage and family relations has been substantiated.

Discussion and Conclusion. Conclusions have been drawn about the possibility of increasing the negative impact of the coronavirus pandemic on the future demographic situation, which is a threat to the national security of Russia. The significance of the research materials consists in a comprehensive analysis of the demographic situation caused by the

natural population change. The results of the study can be used by the authorities in the development and adjustment of regional and federal demographic and social policies.

Keywords: demographic situation, birth rate, mortality, marriage rate, divorce rate, COVID-19 pandemic, natural reproduction, Republic of Tatarstan

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Ibragimova A.A., Ildarhanova Ch.I. Natural Reproduction of the Population of Russia during the Coronavirus Pandemic: Risks and Consequences (The Case of the Republic of Tatarstan). *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(3):686-708. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.686-708>

Введение. Разработка и принятие управленческих решений, как на федеральном, так и на региональном уровне, требуют изучения демографического движения населения. Естественное воспроизводство населения – важная составляющая демографического баланса численности населения всего мира. Благодаря непрерывной смене поколений через рождения и смерти, изменения численности и структуры населения происходит его самосохранение как самовоспроизводящей совокупности людей. Однако одной из глобальных проблем человечества, с которой в последние годы столкнулась Российская Федерация, является снижение численности населения. За 30 лет, прошедших с периода распада СССР, население России снизилось на 1,5 %, что составляет более 2 млн чел. (данный показатель выше, чем население большинства субъектов Российской Федерации). По среднему прогнозу Росстата, численность населения к началу 2036 г. сократится еще на 135 тыс. чел.¹, а по прогнозу Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, к 2050 г. – на 8 875 тыс. чел.². Данная тенденция обусловлена большей частью снижением естественного прироста населения. Повышение численности населения в определенные годы было следствием миграционного прироста населения.

Постановка и реальное содержание проблемы естественного воспроизводства населения приобретает особую актуальность в период эпидемиологической ситуации в стране. Пандемия COVID-19 внесла свой отрицательный вклад в снижение численности населения Российской Федерации. Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать демографическую ситуацию России на примере Республики Татарстан, выявить факторы, влияющие на снижение численности населения без учета миграционных процессов, определить демографические проблемы, с которыми она сталкивается вследствие пандемии.

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/72529> (дата обращения: 17.02.2021).

² Российский демографический лист 2019 / Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) и Международный институт прикладного системного анализа (IIASA). 2019.

Обзор литературы. Повышение или понижение численности и состава населения существенно влияет на развитие экономической и социальной сферы общества. Изучению взаимосвязи повышения населения стран, регионов и экономической ситуации занимались Ф. Фуруока [1], А. Ф. Даррат, Е. К. Аль-Юсиф³, Д. Гарса-Родригес, Х. И. Андраде-Веласко, К. Д. Мартинес-Сильва, Ф. Д. Рентерия-Родригес, П. А. Вальехо-Кастильо [2], М. С. Хасан [3], К. Сингха, М. С. Джаман [4], С. Чжан [5] и другие ученые. Ф. Фуруока отмечал отрицательную долгосрочную взаимосвязь и двунаправленную причинно-следственную связь между народонаселением и экономическим ростом [1]. Это означает, что рост численности населения является причиной и следствием экономического роста. С одной стороны, расширение численности населения может нанести ущерб экономическому росту страны. С другой стороны, экономический рост может остановить рост численности населения. А. Ф. Даррат, Е. К. Аль-Юсиф на основе теста коинтеграции Йохансена и моделей исправления ошибок в своих работах подтвердили, что рост численности населения страны положительно влияет на ее экономическое развитие⁴. М. С. Хасан обнаружил взаимосвязь между двумя переменными: численностью населения и доходом на душу населения; отрицательный или положительный характер взаимосвязи зависит от спецификации модели роста (неоклассические и эндогенные) [3].

Разработка планов и программ по устойчивому экономическому росту и устойчивому социальному развитию общества основывается на научно обоснованном предвидении будущих демографических ситуаций (численности, половозрастной, семейно-брачной структуры населения) и основных параметров естественного движения населения (смертности, рождаемости). В научной литературе большое значение уделяется прогнозированию демографических процессов для последующего анализа демографической ситуации в различных странах мира. Д. Зепар, Л. Госар, Е. Уршич посвятили свою работу изучению будущих изменений численности населения на основе применения математической модели, которая включает важнейшие демографические показатели: рождаемость, смертность и распределение возраста населения без рассмотрения миграций⁵. А. Чаурасия проанализировал перспективы роста численности населения на период 2015–2100 гг. на основе прогнозов; основной акцент автором делается на влиянии возрастной и половой структуры на рождаемость и коэффициент смертности, а также изменение численности населения для выявления основных факторов будущего прироста населения [6].

³ Darrat A. F., Al-Yousif Y. K. On the Long-Run Relationship between Population and Economic Growth: Some Time-Series Evidence from Developing Countries // *Eastern Economic*. 1999. № 25. Pp. 301–313.

⁴ Там же.

⁵ Čepar D., Gosar L., Uršič E. Natural Growth Population Projections // *Operations Research*. 1992. Vol. 91. Pp. 305–308. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-48417-9_84

Р. Уэртам на примере Кении выявляет факторы, связанные с условиями, поддерживающими высокую рождаемость, и оценивает прогресс в достижении весомых пороговых значений снижения рождаемости в различные годы. Автор представил и проанализировал демографические прогнозы на 1985–2025 гг. и выявил, что некоторые страны не завершат демографический переход до 2050 г., но, несмотря на это, им следует продолжать продвигаться через переходный этап⁶.

Глубокое изучение демографических явлений и их взаимосвязи с социально-экономическими процессами нашли свое отражение в теории демографического перехода, у истоков которого стояли У. Томсон⁷, А. Ландри⁸. У. Томсон на основе теории демографического перехода выделил общие закономерности в демографическом развитии разных по социально-экономическому уровню стран. Работы А. Ландри на основе изучения изменения рождаемости и смертности в процессе социально-экономического развития страны стали толчком для широкого распространения понятия «демографическая революция» («демографический переход»). На данном этапе изучения демографических процессов, происходящих в современном обществе, основное внимание следует обратить на объяснение демографического перехода от традиционного к современному типу, характеризующемуся снижением смертности и рождаемости, в связи с чем темпы роста населения приближаются к нулю.

Н. Т. Дао, Д. Давила и А. Греulich отмечают, что демографический переход относится к переходу от режима высокой рождаемости и высокой смертности, включая детскую смертность, к низкой рождаемости и низкой смертности, что создает перевернутую кривую для чистой фертильности на пути естественного прироста населения [7].

Исследованию процесса демографического перехода посвящены работы голландско-американского демографа Дж. Бонгаарта⁹ [8], в которых изложены основные тенденции в численности населения, рождаемости и смертности, а также в возрастных структурах в ходе демографического перехода. Современные общества в настоящее время находятся на совершенно разных этапах своих демографических преобразований. Этот постулат можно применить и при исследовании регионов Российской Федерации.

Изучению демографического развития России и ее регионов посвящены работы Л. Л. Рыбаковского [9], О. Л. Рыбаковского [10], В. Н. Архангель-

⁶ Wortham R. Prospects for Fertility Reduction and Projections for Future Population Growth in Kenya // Population Research and Policy Review. 1995. Vol. 14. Pp. 111–135. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01255690>

⁷ Thompson W. S. Population // American Journal of Sociology. 1929. Vol. 34, no. 6. Pp. 59–75. DOI: <https://doi.org/10.1086/214874>

⁸ Landry A. *Classiques de l'économie Etudes et essais sur les problèmes de la population*. Préface d'Alain Girard. 1982. 230 p.

⁹ Bongaarts J., Bulatao R. A. Completing the Demographic Transition // Population and Development Review. 1999. No. 25 (3). Pp. 515–529.

ского [11], А. Б. Синельникова [12], С. В. Рязанцева¹⁰, Т. А. Фадеевой [13], Н. В. Шевченко¹¹, В. М. Троицкого [14]. Россия столкнулась с демографической ямой, которая обуславливает снижение численности населения. И это является, наравне с социальными и экономическими факторами, одной из предпосылок общественного развития [15]. О. Л. Рыбаковский определяет перспективы достижения целевых показателей Национального проекта «Демография», отмечая, что снижение количества женщин репродуктивного возраста окажет негативное воздействие на рост рождаемости [9]. А. Б. Синельников считает, что эффективным инструментом роста рождаемости и повышения численности населения страны является демографическая политика, т. е. вмешательство государства в процесс демографической саморегуляции [12].

Исследованию на региональном уровне посвящены работы по изучению общей демографической ситуации Республики Татарстан в ретроспективе и перспективе (Ч. И. Ильдарханова, А. А. Ибрагимова [16], Н. М. Биктимиров [17], В. А. Рубцов, Н. К. Габдрахманов [18], М. В. Рожко [19], Д. О. Егоров [20] и др.). Ч. И. Ильдарханова и А. А. Ибрагимова на основе метода передвижки возрастов выявили, что численность населения Республики Татарстан к 2048 г. будет снижаться при условии, что рождаемость, смертность, миграция останутся на нынешнем уровне [16]. Д. О. Егоров также отмечает естественное сокращение населения республики по причине вступления в репродуктивный возраст малочисленного поколения 1990-х гг. [20].

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 также оказывает большое влияние на демографическую ситуацию в мире. Ранее в своих работах этот вопрос изучали Дж. Ринальди, М. Парадизи [21], М. Вилья, Дж. Ф. Майерс, Ф. Туркхаймер [22], А. И. Кулькова [23] и др.). Например, Дж. Ринальди, М. Парадизи оценили уровень смертности от инфекции COVID-19 в семи итальянских муниципалитетах, в которых произошла первая вспышка коронавируса в конце февраля 2020 г., обнаружили значительную неоднородность в разных возрастных группах (пожилые люди подвергаются значительно большему риску) [21]. А. И. Кулькова проанализировала демографические риски, отрицательно влияющие на демографическую ситуацию в России [23].

Таким образом, всесторонним анализом демографической ситуации на различных территориальных уровнях занимаются ученые разных отраслей науки. Однако под влиянием современной эпидемиологической ситуации, в которой оказался весь мир, возникает необходимость более детального изучения влияния пандемии коронавируса на демографические процессы, которые связаны с естественным движением населения. Это делает необходимым

¹⁰ Рязанцев С. В. Демографические вызовы для России и Ирана в условиях пандемии COVID-19 // I Российско-Иранский социологический форум. Сборник тезисов докладов участников форума (Москва, 16–18 ноября 2020 г.) / отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ИТД ПЕРСПЕКТИВА, 2020. С. 10–23.

¹¹ Шевченко Н. В. Проблемы и перспективы демографического развития Белгородской области // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Сер.: Демография. Социология. Экономика. М.: Экон-Информ, 2019. Т. 5, № 4. С. 344–349.

проведение детального статистического и социологического анализа с точки зрения практического значения.

Материалы и методы. Объектом исследования стали процессы естественного воспроизводства населения Российской Федерации. В качестве материалов исследования использовались статистические данные за 2019–2020 гг. по субъектам Российской Федерации, отражающие современное состояние демографического развития регионов и страны, публикуемые в открытом доступе на сайте Федеральной службы государственной статистики.

Применение кросс-секционного анализа (исследование демографического процесса в терминах таких стандартных переменных, как возраст, субъекты и т. д.) дает возможность искать факторы, которые связаны с изменением демографической ситуации в регионах. Именно благодаря тому, что данные собираются на протяжении многих лет, становится возможным идентифицировать временные тренды и возможно связать их с более масштабными социально-демографическими изменениями. Благодаря данному анализу можно сравнить официальные статистические данные по разным годам по конкретным демографическим процессам (рождаемости, смертности, брачности и разводимости). Компаративный метод анализа позволяет осуществить объективное сопоставление данных с целью выявления положительной или отрицательной динамики естественного движения населения.

Исследование демографических показателей естественного воспроизводства населения проводилось также с помощью регрессионного анализа с построением диаграмм рассеивания, который позволил оценить взаимосвязь между переменными. Суть данного метода заключается в выявлении наиболее важных факторов, которые влияют на зависимую переменную. Создание регрессионной модели демографических показателей представляет собой интеграционный процесс, направленный на поиск эффективных независимых переменных, влияющих на тот или иной демографический процесс.

Результаты исследования. Современные тенденции демографического развития страны, регионов, для которых характерны устойчивая депопуляция, недостаточный уровень рождаемости, сокращение численности молодежи, старение населения, смертность мужчин трудоспособного возраста и многие другие демографические вызовы, создают угрозу национальной и территориальной безопасности страны. Ее важнейшая составляющая – демографическая безопасность. Концепт «демографическая безопасность» все чаще встречается в научном дискурсе; сохранение населения имеет не только экзистенциальное, но и геополитическое значение.

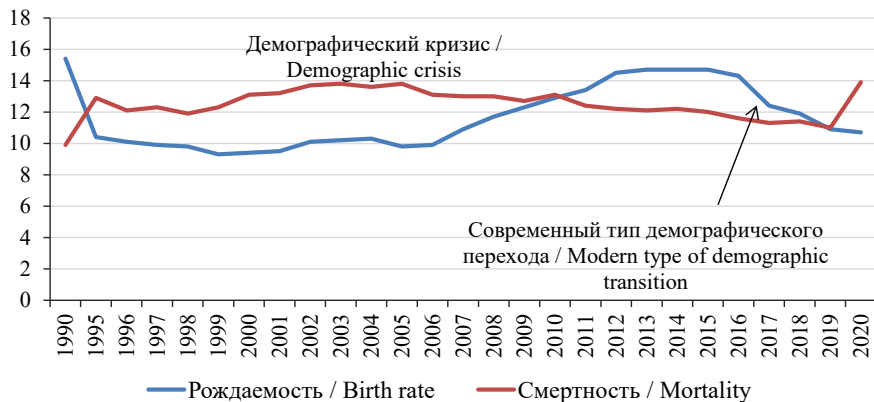
В Республике Татарстан проводится значительная работа по развитию социально-экономической инфраструктуры в целях улучшения качества и продолжительности жизни населения. Демографическую ситуацию в Татарстане в целом определяет обеспечение безопасности и сохранение народонаселения республики. Однако в период пандемии COVID-19 возникает риск

нарушения положительных тенденций, отражающихся на демографической безопасности как региона, так и страны в целом.

В 2020 г. в Республике Татарстан зафиксирован процесс депопуляции населения, естественная убыль населения составила 12 678 чел., в то время как в 2019 г. – 180 чел. За период 2019–2020 гг. число умерших было выше числа родившихся на 30,5 %. Произошло снижение числа рождений с 42 668 чел. до 41 598 чел. (-1 070 чел., на 2,5 % ниже, чем в 2019 г.) и повышение числа смертей с 42 848 чел. до 54 276 чел. (+11 428 чел., на 26,8 % выше, чем за 2019 г.). Анализ данных за декабрь 2020 г. показал, что 17 % естественной убыли населения Республики Татарстан приходится именно на этот месяц.

С точки зрения теории демографического перехода до пандемии COVID-19 Республика Татарстан шла по современному типу демографического преобразования, которое характеризовалось снижением рождаемости и смертности (см. рис. 1). Мы рассмотрим два этапа демографического перехода, применительно к изучению Республики Татарстан. На первом этапе демографического перехода наблюдается следующая картина: уменьшение показателя общего коэффициента смертности происходит интенсивнее снижения показателя общего коэффициента рождаемости. Стоит отметить тот факт, что коэффициент рождаемости в этот период может вообще не снижаться или даже расти. За счет этого общий коэффициент естественного прироста населения увеличивается. На следующем этапе снижение коэффициента смертности происходит еще быстрее, при этом наблюдается и снижение коэффициента рождаемости. Это приводит к замедлению естественного прироста населения.

Р и с. 1. Демографический переход Республики Татарстан¹²

F i g. 1. Demographic transition in the Republic of Tatarstan

¹² Рисунок составлен авторами статьи.

Естественный прирост/убыль населения. По коэффициенту естественного прироста/убыли населения Республика Татарстан вместе с г. Санкт-Петербург занимает 25 место среди субъектов Российской Федерации (в 2019 г. – 19 место вместе с г. Санкт-Петербургом). По Российской Федерации средний показатель коэффициента убыли населения уже в 2019 г. составлял -2,2 ‰, в 2020 г. произошло снижение больше, чем в 2 раза, и коэффициент убыли населения составил -4,7 ‰. Положительный естественный прирост населения зафиксирован лишь в 14 субъектах Российской Федерации: Чукотском, Ненецком, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах (0,3; 3,3; 4,7 и 7,0 ‰ соответственно), республиках Дагестан (8,7), Ингушетия (12,9), Алтай (2,1), Тыва (10,8), Бурятия (1,0), Саха – Якутия (4,1), Кабардино-Балкария (2,3), Карачаево-Черкесия (0,4), Чеченской Республике (14,0) и Тюменской области (3,0 ‰). Практически все вышеперечисленные субъекты имеют высокий коэффициент рождаемости. Важно отметить, что в данных регионах положительный естественный прирост происходит с меньшей интенсивностью (исключением является Республика Тыва, в данном регионе коэффициент естественного прироста населения в 2020 г. был выше показателя 2019 г. на 0,2 ‰).

Общий коэффициент естественного прироста/убыли населения, как и другие демографические общие коэффициенты, зависит от особенностей половозрастного состава населения. Пожилого возраста достигает многочисленная группа людей, родившихся в послевоенные годы, когда имело место так называемое компенсационное повышение рождаемости (в 1950 г. в СССР общий коэффициент рождаемости был равен 26,9 ‰, в 1960 г. – 23,2 ‰). В процессе анализа статистических данных выявлена закономерность между долей лиц старше трудоспособного возраста от всего населения и коэффициентом естественного прироста/убыли населения по субъектам Российской Федерации¹³: регионы с высокой долей лиц старше трудоспособного возраста имеют наибольшие коэффициенты убыли населения (например, в Тульской области самая высокая доля лиц данной возрастной группы (30,3 ‰) и наивысший коэффициент естественной убыли населения (11,3 ‰). Также к данной группе относятся: Владимирская, Орловская, Рязанская, Тверская, Новгородская, Псковская, Пензенская области). И наоборот, в регионах с низкой долей лиц старше трудоспособного возраста наблюдается положительный коэффициент прироста населения (особенно стоит отметить Чеченскую Республику с наивысшим коэффициентом прироста (14 ‰) и самой низкой долей лиц старше трудоспособного возраста (10,3 ‰), а также Республику Тыву, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республику Ингушетию и Республику Дагестан).

В разрезе Приволжского федерального округа важно также отметить, что в Пензенской области высокая доля лиц пожилого возраста и высокая естественная убыль населения – 10 ‰.

¹³ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284> (дата обращения: 09.02.2021).

Процессы естественного движения населения можно разделить на 2 группы:

- 1) прямые процессы (рождаемость и смертность);
- 2) косвенные процессы (брачность, разводимость).

Рождаемость рассматривается как основополагающий фактор развития общества, благодаря чему происходит замещение поколений населения, смертность же приводит к корректировке результатов рождаемости и к прямым экономическим и демографическим потерям невосполнимого характера. Поскольку рождение и количество детей в поколении в большей части зависит от вступления людей в брак и прожитого ими отрезка жизни в браке, то брачность и разводимость можно отнести к демографическим событиям, которые оказывают косвенное влияние на динамику размеров и структуры популяции людей. Из вышесказанного можно сделать вывод, что смертность, рождаемость, брачность и разводимость являются важными факторами формирования демографической ситуации.

Смертность. По коэффициенту смертности Республика Татарстан вместе с г. Севастополем занимает 30 место среди субъектов Российской Федерации (в 2019 г. – 18 место вместе с г. Санкт-Петербургом и Камчатским краем). Смертность в Татарстане за год (с 2019 по 2020 г.) выросла на 26,4 %. Это самый высокий прирост в Приволжском федеральном округе. По субъектам Российской Федерации самый высокий рост смертности зафиксирован в Ямало-Ненецком автономном округе (27,7 %) и Республике Ингушетии (27,6%). Всего в 2020 г. в Республике Татарстан умерли 54 276 чел. Это на 11 585 чел. больше, чем в 2019 г. В целом по Российской Федерации смертность за год увеличилась почти на 18 %, а в Приволжском федеральном округе – на 22 %. Серьезное влияние на высокий рост коэффициента смертности по Республике Татарстан оказал фактор низкой базы предыдущих лет (низкие показатели смертности). Татарстан имел наименьший коэффициент смертности по Приволжскому федеральному округу, и за 25 лет (с 1995 г.) достиг наименьшего показателя в 2019 г. (за данный период смертность трудоспособного населения снизилась больше, чем в 1,5 раза). Это может быть причиной большого процента смертности в период распространения COVID-19.

Обозначим причины, которые могли привести к увеличению смертности по Республике Татарстан в рассматриваемый период.

1. Пандемия COVID-19. В 2020 г., по данным Росстата, от коронавируса в республике умер 401 чел. (из них у 120 чел. вирус точно идентифицирован, у остальных – не идентифицирован¹⁴), что составляет 0,7 % от общего количества умерших по республике. 979 чел. (1,8 % от общего количества умерших),

¹⁴ Всемирная организация здравоохранения 25 марта 2020 г. опубликовала «Коды ICD экстренного использования для вспышки болезни COVID-19» для определения официальной причины смерти от COVID-19 и учета в статистике, даже когда положительное тестирование на наличие вируса отсутствует. Согласно новому экстренному коду ICD-10 «U07. COVID-19, вирус не идентифицирован», эти случаи можно внести в статистику смертности по коронавирусу, даже если «лабораторное подтверждение неубедительно или отсутствует».

у которых была подтверждена коронавирусная инфекция, умерли от причин смерти, отнесенных к прочим важным состояниям (из них в 166 случаях COVID-19 не был основной причиной смерти, но оказал существенное влияние на развитие смертельных осложнений заболевания; в 813 случаях – COVID-19 не стал основной причиной смерти и не оказал существенного влияния на развитие смертельных осложнений заболевания). Росстат с апреля 2020 г. перестал публиковать ежемесячную статистику по числу умерших по основным классам причин смерти. Из-за этого пока невозможно проанализировать, смертность от каких заболеваний, кроме коронавируса, выросла на фоне пандемии.

2. Снижение из-за пандемии коронавируса объемов оказания плановой медицинской помощи и диспансеризации граждан. Избыточная смертность по сравнению с 2019 г. составила 11 585 чел., из которых 12 % летальных исходов – с подтвержденным коронавирусом (независимо от того, стал он главной причиной или косвенной). Для сравнения в целом по Российской Федерации общее число зарегистрированных умерших с COVID-19, для которых коронавирус стал как основной, так и косвенной причиной смерти, за апрель – декабрь 2020 г. достигло 162 249 чел., что составляет почти 50 % от избыточной смертности. Скорее всего, остальную долю избыточной смертности 2020 г. сформировали случаи, когда люди умерли от сердечно-сосудистых, эндокринных заболеваний, пневмонии и т. д., ассоциированных с заражением COVID-19.

Особенно заметно увеличилась смертность в ноябре – декабре 2020 г. Поздней осенью, зимой организм не получает достаточного количества витаминов, иммунитет ослабевает, происходит обострение хронических заболеваний. Особенно это отражается на тех, кто ранее переболел коронавирусом.

3. Старение населения – увеличение доли старшего населения в возрасте от 60 лет и старше на 0,8 %, или на 24 984 чел., и снижение доли детей 0–4 лет на 0,3 %, населения от 20 до 29 лет – на 0,8 %. В Республике Татарстан доля лиц старше трудоспособного возраста¹⁵ на 1 января 2020 г. составляла 24,4 % от всего населения. Если учитывать, что основными измерителями старения населения являются 12 % и выше доля лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения и 7 % и выше доля лиц в возрасте 65 лет и старше, то по статистическим данным население Республики Татарстан с показателем 14,8 % доли лиц в возрасте 65 лет и старше считается старым¹⁶. Старение населения Республики Татарстан идет снизу, поскольку является следствием снижения рождаемости. До сих пор экономисты, социологи и демографы воспринимают старение населения как отрицательное последствие неблагоприятной демографической ситуации, вызванной снижением рождаемости и увеличением продолжительности жизни. Хотя увеличение показателя

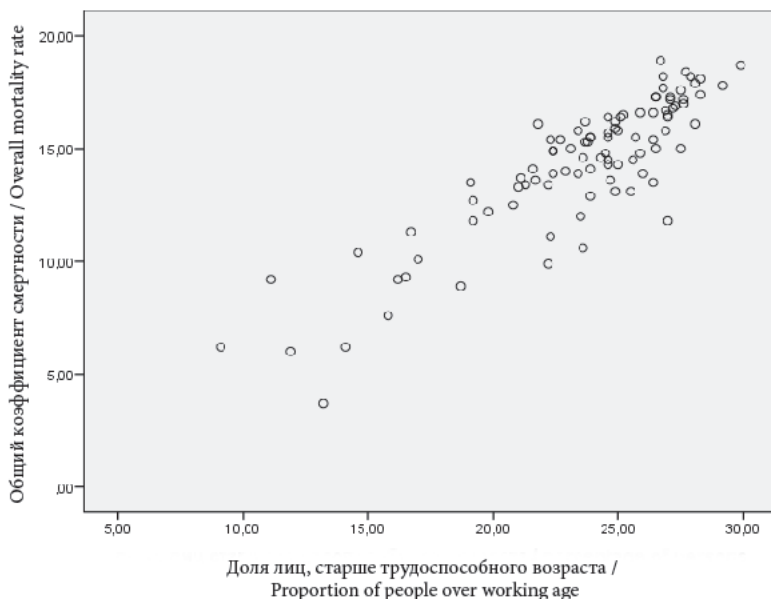
¹⁵ Согласно Приказу Росстата от 17.07.2019 г. № 409 «Об утверждении методики определения возрастных групп населения», на 1 января 2020 г. к этой категории относятся мужчины в возрасте 61 года и старше, женщины 56 лет и старше.

¹⁶ Зверева Н. В., Веселкова И. Н., Елизарова В. В. Основы демографии: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004. С. 373.

продолжительности жизни происходило только за счет снижения смертности в детском возрасте, а в старшем возрасте смертность увеличивалась¹⁷.

Изучение демографических показателей позволило выявить корреляцию между долей лиц старше трудоспособного возраста и общим коэффициентом смертности. Как и в ситуации с общим коэффициентом прироста/убыли населения, в регионах с высокой долей данного контингента населения наблюдается высокий уровень смертности: в субъектах Российской Федерации с высоким показателем общего коэффициента смертности от 17,3 до 18,9 ‰ доля лиц старше трудоспособного возраста составляет 28,8–30,3 ‰ (Тамбовская, Тульская, Рязанская, Новгородская, Псковская, Владимирская, Орловская, Тверская, Курганская области). И напротив, в регионах с низким коэффициентом смертности от 3,7 до 6,2 ‰ незначительная доля лиц старше трудоспособного возраста – от 10,3 до 13,8 ‰ (Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Ямало-ненецкий автономный округ).

Р и с. 2. Диаграмма рассеяния двух переменных: доля лиц старше трудоспособного возраста и общий коэффициент смертности¹⁸

F i g. 2. A scatter plot of two variables: the proportion of people over working age and the overall mortality rate

¹⁷ СССР: демографический диагноз / Сост. В. И. Мукомель. М.: Прогресс. 1990. 696 с.

¹⁸ Рисунок составлен авторами статьи.

Согласно таблице 1, P-value существенно меньше 0,05, соответственно, гипотеза о незначимости соответствующих параметров (общего коэффициента смертности и доли лиц старше трудоспособного возраста) отклоняется и оба параметра значимы.

Т а б л и ц а 1. Регрессионный анализ двух переменных: доля лиц старше трудоспособного возраста и общий коэффициент смертности

Table 1. Regression analysis of two variables: the proportion of people over working age and the overall mortality rate

Модель / Model	Сумма квадратов / Sum of squares	Степени свободы / Degrees of freedom	Средний квадрат / Middle Square	F	Значимость / Significance
Регрессия / Regression	683,033	1	683,033	310,994	0,000 ^{a, b}
Остаток / Residual	206,452	94	2,196		
Всего / Total	889,485	95			

^a Зависимая переменная: общий коэффициент смертности / Dependent variable: overall mortality rate.

^b Предикторы: (константа), доля лиц старше трудоспособного возраста / Predictors: (constant), proportion of people over working age.

Рождаемость. По коэффициенту рождаемости Республика Татарстан занимает 20 место среди субъектов Российской Федерации (за год -2,7 %, чуть меньше, чем по Российской Федерации в общем). В среднем по Российской Федерации снижение коэффициента рождаемости составило 3 % – с 10,1 до 9,8 ‰. Влияние пандемии на повышение рождаемости неоднозначно. Анализ рождений по месяцам за период 2020 г. показал, что лишь в июне (незначительно, на 40 рождений) и ноябре (на 402 рождения) количество рождений было выше, чем за те же месяцы 2019 г. На данном этапе нельзя в полной мере оценить влияние пандемии на рождаемость, об этом можно будет судить только в начале 2022 г. после получения всех данных за 2021 г. Скорее всего, определенный процент людей, которые планировали беременность, в период пандемии решили отложить рождение ребенка до наступления стабильности. Главными причинами могут являться страх перед экономическими трудностями и последствиями для беременности. Однако почему в ноябре 2020 г. зафиксировано больше рождений, чем в 2019 г.? Новым демографическим фактором для роста рождаемости послужил Федеральный закон от 01.03.2020 № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала», на основании которого с 1 января 2020 г.

семьи при рождении первого ребенка получили право на материнский капитал. Этот факт, возможно, стал причиной рождения в ноябре 402 детей. Судить о том, какой по очередности был рожден ребенок на данном этапе, нельзя в связи с отсутствием данных.

Регрессионный анализ показал, что p -value составляет 0,520, что намного больше 0,05 (табл. 2). Это означает, что связь между общим коэффициентом рождаемости по субъектам Российской Федерации и общим коэффициентом брачности отсутствует. Наглядно это можно увидеть на диаграмме рассеяния (рис. 3).

Таблица 2. Регрессионный анализ двух переменных: общий коэффициент брачности и общий коэффициент рождаемости

Table 2. Regression analysis of two variables: overall marriage rate and overall birth rate

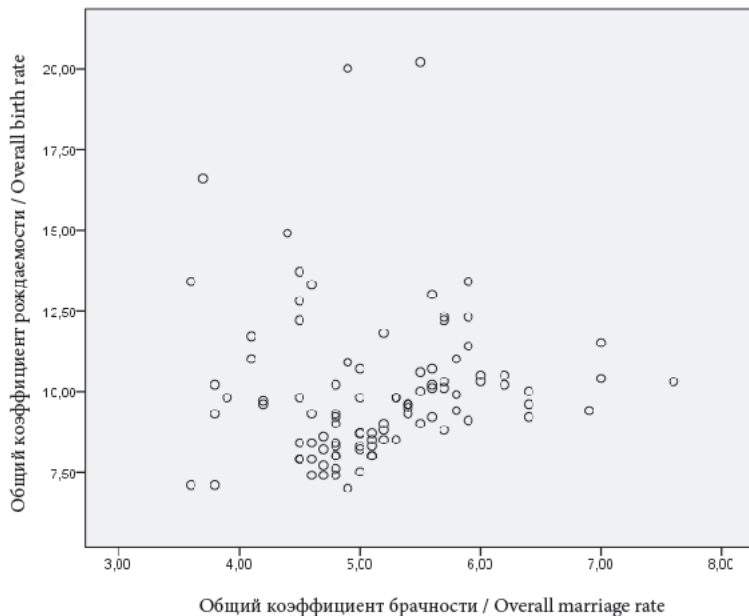
Модель / Model	Сумма квадратов / Sum of squares	Степени свободы / Degrees of freedom	Средний квадрат / Middle Square	F	Значимость / Significance
Регрессия / Regression	2,266	1	2,266	0,417	0,520 ^{a, b}
Остаток / Residual	511,388	94	5,440		
Всего / Total	513,654	95			

^a Зависимая переменная: общий коэффициент рождаемости / Dependent variable: overall birth rate.

^b Предикторы: (константа), общий коэффициент брачности / Predictors: (constant), overall marriage rate.

Брачность и разводимость. Снижение брачности идет интенсивнее процесса разводимости как в Российской Федерации в целом, так и в Республике Татарстан в частности. С 2019 по 2020 г. по абсолютным показателям в Республике Татарстан снизилось: 1) количество браков – на 4 835 (с 24 185 до 19 350), что составляет 20 % от показателей за аналогичный период 2019 г.; 2) количество разводов – на 1 964 (с 13 317 до 11 353 (14,7 %)). Несмотря на снижение разводимости, на 1 000 браков приходится 587 разводов (в 2019 г. – 551 развод).

По коэффициенту брачности Республика Татарстан вместе с Владимирской, Липецкой, Новгородской, Ростовской областями, Пермским краем с показателем 5 ‰ занимает 42 место среди субъектов Российской Федерации (в 2019 г. 6,2 ‰ – 45 место вместе с Липецкой областью и Республикой Башкортостан). По Российской Федерации снижение коэффициента брачности составило 18,5 % с 6,5 до 5,3 ‰ (в Республике Татарстан – 19,4 %).

Р и с. 3. Диаграмма рассеяния двух переменных: общий коэффициент брачности и общий коэффициент рождаемости¹⁹

F i g. 3. A scatter plot of two variables: overall marriage rate and overall birth rate

Показатели Республики Татарстан ниже среднего по Российской Федерации, но выше по Приволжскому федеральному округу (4,8 %). В 2019 г. в разрезе регионов наибольшее снижение брачности по абсолютным показателям относительно прошлогоднего показателя зафиксировано в апреле (-921 брак) и июне (-836 браков), на эти месяцы пришлось ограничения, связанные с коронавирусом. Так как май традиционно не является привлекательным месяцем для заключения брака, то абсолютный показатель относительно 2019 г. составляет всего -475 браков. Динамика числа браков в Республике Татарстан по месяцам с 2014 по 2019 г. показала, что меньше всего браков регистрируется в мае (примерно 3,5 % от всех браков)²⁰. Следует отметить, что в процентном соотношении в мае 2020 г. уровень брачности снизился на 56,1 % относительно 2019 г. Самое высокое снижение доли браков по

¹⁹ Рисунок составлен авторами статьи.

²⁰ Демографический доклад – 2020. Демографическое самочувствие Республики Татарстан: статистический мониторинг и рефлексии населения: моногр. / под ред. Ч. И. Ильдархановой. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2020. С. 97.

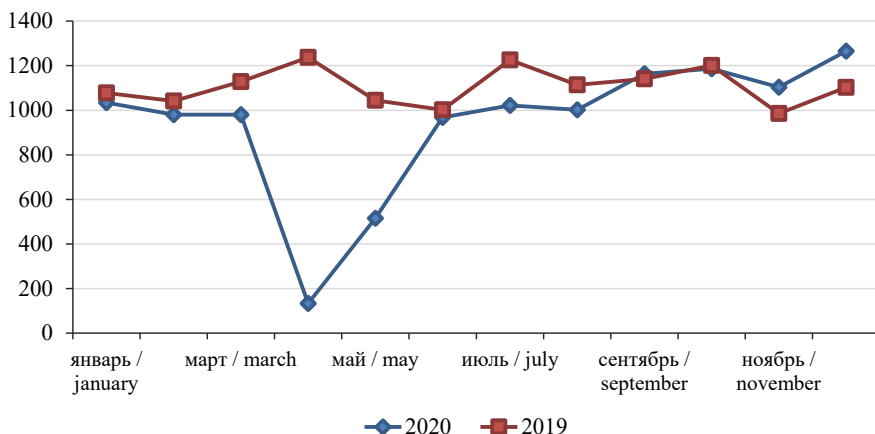
сравнению с предыдущим годом наблюдалось в апреле (-64,1 %). Тем не менее есть регионы, в которых показатели брачности в апреле 2020 г. выросли по сравнению с предыдущим годом. Например, в Липецкой области количество браков в апреле выросло почти в 1,5 раза к апрелю прошлого года, также можно отметить Курскую, Пензенскую, Воронежскую области и Чувашию.

По коэффициенту разводимости Республика Татарстан вместе с Республикой Мордовия с показателем 2,9 ‰ занимает 7 место среди субъектов Российской Федерации (в 2019 г. – 3,4 ‰ (10 место)). В 2020 г. данный показатель ниже показателя 2019 г. на 14,7 %. В среднем по Российской Федерации коэффициент разводимости снизился всего на 7,1 % (2019 г. – 4,2 ‰, 2020 г. – 3,9 ‰). Значительная разница между количеством разводов по месяцам в 2019 и 2020 гг. выявлена в апреле и мае, что связано с неопределенной ситуацией с коронавирусной инфекцией и локдауном, когда гражданам региона было запрещено свободно перемещаться из одного пункта в другой. В эти месяцы были зафиксированы самые низкие показатели разводимости (апрель – 133 развода, май – 515 разводов). Вероятно, это и стало следствием снижения числа разводов за год на 1 964 случая, или 14,7 % (за апрель и май 2020 г. количество разводов меньше на 1 634). После снятия режима строгой самоизоляции число разводов с июня увеличилось в 2 раза по сравнению с маем (рис. 4). До сих пор в связи с угрозой распространения на территории Республики Татарстан коронавирусной инфекции до улучшения эпидемиологической обстановки личный прием мировыми судьями заявлений на расторжение брака не осуществляется (в случае наличия несовершеннолетних детей и спора по поводу совместно нажитого имущества). Подача документов производится посредством почтовой связи, что может затягивать сам процесс развода. Стоит отметить, что согласно Постановлению о работе судов в условиях коронавируса, бракоразводный процесс не относится к делам безотлагательного характера, которые могут быть рассмотрены в период ограничения.

Решение демографических проблем на уровне страны и регионов должно предусматривать внесение корректировки в демографическую и социальную политику.

Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан при участии авторов статьи подготовлены предложения по проведению мероприятий в Республике Татарстан, направленных на укрепление здоровья и снижение уровня смертности и преодоление демографического кризиса в брачно-семейных отношениях²¹.

²¹ Демографический доклад – 2020. Демографическое самочувствие Республики Татарстан: статистический мониторинг и рефлексии населения; Демографический доклад – 2019. Реализация Национального проекта «Демография» в Республике Татарстан: ресурсы, вызовы, перспективы: моногр. / под ред. Ч. И. Илдархановой. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2020. 410 с.

Р и с. 4. Динамика количества разводов в Республике Татарстан по месяцам за 2019–2020 гг.²²

F i g. 4. Change in the number of divorces in the Republic of Tatarstan by the month for 2019–2020

Обсуждение и заключение. В статье на основе текущего статистического учета демографических событий (рождений, смертей, браков и разводов) и анализа статистических данных по естественному движению населения Республики Татарстан выявлено влияние пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 на демографическую ситуацию регионов (на примере Республики Татарстан), угрозы национальной безопасности со стороны увеличения естественной убыли населения, которое отражается на общей ее численности. Определены некоторые направления влияния, которые могут улучшить демографическую ситуацию, но не на продолжительный отрезок времени.

Снижение численности населения страны, особенно за счет естественной убыли, в последние десятилетия в России носит тревожный характер. В большинстве субъектов страны уже в 2019 г. наблюдалась естественная убыль населения (в 65 из 85 российских регионов), в 2020 г. ситуация ухудшилась в связи с пандемией и коэффициент прироста населения имел отрицательное значение в 69 регионах, среди которых оказалась Республика Татарстан. За период пандемии в 2020 г. произошло увеличение смертности населения, снижение разводимости и брачности (исключением являются Липецкая, Курская, Пензенская, Воронежская области и Республика Чувашия), снижение рождаемости (хотя стоит отметить, что влияние пандемии на количество

²² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284> (дата обращения: 09.02.2021).

рождений можно будет оценить только по данным 2021 г.). На ухудшение демографической ситуации в постпандемический период может оказать влияние рост заболеваемости и смертности, вызванный снижением иммунитета в период нахождения в режиме локдауна, рост числа разводов, рост смертности из-за сердечно-сосудистых заболеваний, рака и др., как следствие экономического кризиса, увеличение рождаемости на кратковременный период за счет отложенной беременности в период пандемии, изменение ценностей населения о смысле жизни. Доказательством последнего утверждения стали результаты социологического исследования «Демографическое самочувствие России»²³, проведенного в 2020 г. Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан под руководством доктора социологических наук Ч. И. Ильдархановой на территории Республики Татарстан в рамках взаимодействия с Научным советом «Демографические и миграционные проблемы России» Отделения общественных наук Российской Академии наук²⁴. Большинство опрошенных хотят прожить долгую жизнь для того, чтобы увидеть внуков, помогать детям и быть поддержкой для своего супруга(и). Семья в данном аспекте становится приоритетной ценностью россиян. Особенно это важно в период острой эпидемиологической ситуации, когда поддержка близких является главным фактором положительного настроения населения.

Практическая значимость полученных результатов анализа данных по естественному движению населения в период пандемии COVID-19 заключается в возможности определения будущих последствий, которые отразятся в перспективе на демографической ситуации России, выявлении текущих и прогнозируемых отрицательных/положительных влияний пандемии и определении и предложении мер по оптимизации демографической устойчивости страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Furuoka, F. Is Population Beneficial to Economic Growth? An Empirical Study of China / F. Furuoka. – DOI [10.1007/s11135-016-0463-6](https://doi.org/10.1007/s11135-016-0463-6) // *Quality & Quantity*. – 2018. – Vol. 52. – Pp. 209–225.

²³ Ильдарханова Ч. И. Демографическая ситуация и демографическое поведение населения Республики Татарстан // Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2020 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.]. М.: Перспектива, 2021. 414 с.

²⁴ Исследование проведено в рамках реализации гранта Российского научного фонда «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России» (проект № 20-18-00256, руководитель проекта – заместитель директора Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, доктор социологических наук, профессор Т. К. Ростовская) в 10 субъектах Российской Федерации: Ивановской, Московской областях, г. Москве, Вологодской, Волгоградской областях, Ставропольском крае, Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Нижегородской, Свердловской областях. Объем выборки составил 5 616 чел.

2. The Relationship between Population Growth and Economic Growth in Mexico / J. Garza-Rodriguez, C. I. Andrade-Velasco, K. D. Martinez-Silva [et al.] // *Economics Bulletin*. – 2016. – Vol. 36, no. 1. – Pp. 97–107. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2728681 (дата обращения: 09.02.2021).
3. Hasan, M. S. The Long-Run Relationship between Population and Per Capita Income Growth in China / M. S. Hasan. – DOI [10.1016/j.jpolmod.2009.09.005](https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2009.09.005) // *Journal of Policy Modeling*. – 2010. – Vol. 32, issue 3. – Pp. 355–372.
4. Singha, K. Nexus between Population and Economic Growth in India: A Co-Integration Analysis / K. Singha, M. S. Jaman. – DOI [10.14196/sjpas.v1i3.450](https://doi.org/10.14196/sjpas.v1i3.450) // *Scientific Journal of Pure and Applied Sciences*. – 2012. – Vol. 1, issue 3. – Pp. 90–96.
5. Zhang, S. Analysis of the Correlation between Population Growth and Economic Development in Asian Countries / S. Zhang. – DOI [10.3968/7899](https://doi.org/10.3968/7899) // *Cross-Cultural Communication*. – 2015. – Vol. 11, no. 11. – Pp. 1–6.
6. Chaurasia, A. Future Population Growth, 2015–2100 / A. Chaurasia. – DOI [10.1007/978-981-32-9212-3_3](https://doi.org/10.1007/978-981-32-9212-3_3) // *Population and Sustainable Development in India*. – Singapore : Springer, 2020. – Pp. 35–49.
7. Dao, N. T. The Education Gender Gap and the Demographic Transition in Developing Countries / N. T. Dao, J. Dávila, A. Greulich. – DOI [10.1007/s00148-020-00787-1](https://doi.org/10.1007/s00148-020-00787-1) // *Journal of Population Economics*. – 2021. – Vol. 34. – Pp. 431–474.
8. Bongaarts, J. Human Population Growth and the Demographic Transition / J. Bongaarts. – DOI [10.1098/rstb.2009.0137](https://doi.org/10.1098/rstb.2009.0137) // *Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences*. – 2009. – Vol. 364, issue 1532. – Pp. 2985–2990.
9. Рыбаковский, Л. Л. Стратегия демографического развития России: ее детерминанты и многовековой вектор / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова. – DOI [10.19181/lspr.2020.16.4.1](https://doi.org/10.19181/lspr.2020.16.4.1) // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 9–20. – Рез. англ.
10. Рыбаковский, О. Л. Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году / О. Л. Рыбаковский. – DOI [10.19181/population.2020.23.1.5](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.5) // *Народонаселение*. – 2020. – Т. 23, № 1. – С. 53–66. – Рез. англ.
11. Перспективы демографического развития России до середины века / В. Н. Архангельский, И. А. Данилова, Р. В. Дмитриев, Р. Р. Хасанова // *Народонаселение*. – 2017. – № 3. – С. 24–36. – URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6551> (дата обращения: 09.02.2021). – Рез. англ.
12. Синельников, А. Б. Демографическая саморегуляция в условиях роста и убыли населения / А. Б. Синельников. – DOI [10.19181/socjour.2019.25.4.6819](https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6819) // *Социологический журнал*. – 2019. – Т. 25, № 4. – С. 84–92. – Рез. англ.
13. Рыбаковский, О. Л. Депопуляция в регионах России к началу 2020 года / О. Л. Рыбаковский, Т. А. Фадеева. – DOI [10.19181/population.2020.23.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11) // *Народонаселение*. – 2020. – Т. 23, № 3. – С. 119–129. – Рез. англ.
14. Троценко, В. М. Особенности демографической ситуации в России / В. М. Троценко // *Московский экономический журнал*. – 2019. – № 9. – С. 353–357. – URL: <https://qje.su/wp-content/uploads/2019/10/Nomer-9-2019-Arhiv.pdf> (дата обращения: 16.02.2021). – Рез. англ.
15. Календжян, А. А. Явление демографического кризиса в России / А. А. Календжян, О. Ю. Ищенко. – DOI [10.24412/3453-9875-2021-53-2-40-42](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-53-2-40-42) // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. – 2021. – № 53-2. – С. 40–42. – Рез. англ.

16. Ильдарханова, Ч. И. Женщины репродуктивного возраста как ресурс повышения уровня рождаемости: ретроспективный и перспективный анализ (на примере Республики Татарстан) / Ч. И. Ильдарханова, А. А. Ибрагимова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Спецвыпуск. – 2019. – № 1. – С. 82–87. – URL: <https://clck.ru/W2wdK> (дата обращения: 16.02.2021). – Рез. англ.

17. Внутрорегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан / Н. М. Биктимиров, Р. М. Гайфутдинова, А. А. Ибрагимова, Ч. И. Ильдарханова. – DOI [10.15838/esc.2019.3.63.12](https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.12) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 189–202.

18. Problems of Social-Economic and Demographic Development of Agricultural Population (Based on the Data of the Republic of Tatarstan) / N. K. Gabdrakhmanov, V. A. Rubtsov, N. M. Biktimirov, E. I. Baibakov. – DOI [10.29042/2018-2203-2207](https://doi.org/10.29042/2018-2203-2207) // Helix. – 2018. – Vol. 8, no. 1. – Pp. 2203–2207.

19. Рубцов, В. А. Прогнозное картографирование динамики численности сельского населения Республики Татарстан / В. А. Рубцов, М. В. Рожко, Н. М. Биктимиров // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2019. – № 3. – URL: http://geopolitika.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/11/185-192_Рубцов-В.-А.-Рожко-М.-В.-Биктимиров-Н.-М..pdf (дата обращения: 16.02.2021). – Рез. англ.

20. Егоров, Д. О. Новый российский демографический кризис и его сельско-городская проекция (на примере Республики Татарстан) / Д. О. Егоров // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 3 (107). – С. 190–217. – URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/159396> (дата обращения: 16.02.2021). – Рез. англ.

21. Rinaldi, G. An Empirical Estimate of the Infection Fatality Rate of COVID-19 from the First Italian Outbreak / G. Rinaldi, M. Paradisi. – DOI [10.1101/2020.04.18.20070912](https://doi.org/10.1101/2020.04.18.20070912). – 2020. (Препринт)

22. Villa, M. COVID-19: Recovering Estimates of the Infected Fatality Rate During an Ongoing Pandemic Through Partial Data / M. Villa, J. F. Myers, F. Turkheimer. – DOI [10.1101/2020.04.10.20060764](https://doi.org/10.1101/2020.04.10.20060764). – 2020. (Препринт)

23. Кулькова, И. А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России / И. А. Кулькова. – DOI [10.34709/IM.161.5](https://doi.org/10.34709/IM.161.5) // Human Progress. – 2020. – Т. 6, вып. 1. – Рез. англ.

Поступила 25.02.2021; одобрена после рецензирования 29.03.2021; принята к публикации 07.04.2021.

Об авторах:

Ибрагимова Алиса Ахтямовна, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3970-545X>, alisa.garifullin@mail.ru

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, chulpanildusovna@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

А. А. Ибрагимова – сбор и анализ данных; представление данных в тексте; подготовка текста статьи; подготовка графических результатов исследования; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Ч. И. Ильдарханова – постановка проблемы исследования; научное руководство; разработка основной концепции исследования; формулирование результатов исследования и выводов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Furuoka F. Is Population Beneficial to Economic Growth? An Empirical Study of China. *Quality & Quantity*. 2018; 52:209-225. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-016-0463-6>
2. Garza-Rodriguez J., Andrade-Velasco C.I., Martinez-Silva K.D., Renteria-Rodriguez F.D., Vallejo-Castillo P.A. The Relationship between Population Growth and Economic Growth in Mexico. *Economics Bulletin*. 2016; 36(1):97-107. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2728681 (accessed 09.02.2021). (In Eng.)
3. Hasan M.S. The Long-Run Relationship between Population and Per Capita Income Growth in China. *Journal of Policy Modeling*. 2010; 32(3):355-372. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2009.09.005>
4. Singha K., Jaman M.S. Nexus between Population and Economic Growth in India: A Co-Integration Analysis. *Scientific Journal of Pure and Applied Sciences*. 2012; 1(3):90-96. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.14196/sjpas.v1i3.450>
5. Zhang S. Analysis of the Correlation between Population Growth and Economic Development in Asian Countries. *Cross-Cultural Communication*. 2015; 11(11):1-6. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.3968/7899>
6. Chaurasia A. Future Population Growth, 2015–2100. *Population and Sustainable Development in India*. Springer, Singapore. 2020. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-32-9212-3_3
7. Dao N.T., Dávila J., Greulich A. The Education Gender Gap and the Demographic Transition in Developing Countries. *Journal of Population Economics*. 2021; (34):431-474. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-020-00787-1>
8. Bongaarts J. Human Population Growth and the Demographic Transition. *Philosophical Transactions of The Royal Society. B. Biological Sciences*. 2009; 364(1532):2985-2990. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2009.0137>
9. Rybakovsky L.L., Kozhevnikova N.I. The Strategy of Russia's Demographic Development: Its Determinants and Centuries-old Vector. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* = Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2020; 16(4):9-20. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.1>
10. Rybakovsky O.L. Russian Population Reproduction: Challenges, Trends, Factors and Possible Results by 2024. *Narodonaselenie* = Population. 2020; 23(1):53-66. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.5>

11. Arkhangelsky V.N., Danilova I.A., Dmitriev R.V., Khasanova R.R. Prospects of the Demographic Development of Russia until the Mid-Century. *Narodonaselenie* = Population. 2017; (3):24-36. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6551> (accessed 09.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

12. Sinelnikov A.B. Demographic Self-Regulation in Terms of Population Growth and Decline. *Sotsiologicheskij zhurnal* = Sociological Journal. 2019; 25(4):84-92. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6819>

13. Rybakovsky O.L., Fadeeva T.A. Depopulation in the Regions of Russia by the Beginning of 2020. *Narodonaselenie* = Population. 2020; 23(3):119-129. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11>

14. Trotsenko V.M. Features of the Demographic Situation in Russia. *Moskovskij ehkonomicheskij zhurnal* = Moscow Economic Journal. 2019; (9):353-357. Available at: <https://qje.su/wp-content/uploads/2019/10/Nomer-9-2019-Arhiv.pdf> (accessed: 16.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Kalendjyan A.A., Ishchenko O.Yu. The Phenomenon of the Demographic Crisis in Russia. *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2021; (53-2):40-42. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-53-2-40-42>

16. Ildarhanova Ch.I., Ibragimova A.A. Women of Reproductive Age as a Resource for Increasing the Birth Rate: A Retrospective and Prospective Analysis (The Case of the Republic of Tatarstan). *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya. Spetsvyпуск* = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2019; (1):82-87. Available at: <https://clck.ru/W2wdK> (accessed: 16.02.2021). (In Russ.)

17. Biktimirov N.M., Gaifutdinova R.M., Ibragimova A.A., Ildarkhanova C.I. Intra-regional Differentiation of Demographic Potential in the Republic of Tatarstan. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019; 12(3):189-202. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.12>

18. Gabdrakhmanov N.K., Rubtsov V.A., Biktimirov N.M., Baibakov E.I. Problems of Social-Economic and Demographic Development of Agricultural Population (Based on the Data of the Republic of Tatarstan). *Helix*. 2018; 8(1):2203-2207. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.29042/2018-2203-2207>

19. Rubtsov V.A., Rozhko M.V., Biktimirov N.M. Forecast Mapping of the Dynamics of the Rural Population of the Republic of Tatarstan. *Geopolitika i ehkogeodinamika regionov* = Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions. 2019; (3). Available at: http://geopolitika.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/11/185-192_Рубцов-В.-А.-Рожко-М.-В.-Биктимиров-Н.-М..pdf (accessed: 16.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Egorov D.O. Russia's New Demographic Crisis and its Rural-Urban Projection (Case Study of the Republic of Tatarstan). *Region: ehkonomika i sotsiologiya* = Region: Economics & Sociology. 2020; (3):190-217. Available at: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/159396> (accessed: 16.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Rinaldi G., Paradisi M. An Empirical Estimate of the Infection Fatality Rate of COVID-19 from the First Italian Outbreak. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.04.18.20070912> (Preprint)

22. Villa M., Myers J.F., Turkheimer F. COVID-19: Recovering Estimates of the Infected Fatality Rate during an Ongoing Pandemic through Partial Data. medRxiv. 2020. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.04.10.20060764> (Preprint)

23. Kulkova I.A. The Coronavirus Pandemic Influence on Demographic Processes in Russia. *Human Progress*. 2020; 6(1). (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.34709/IM.161.5>

Submitted 25.02.2021; approved after reviewing 29.03.2021; accepted for publication 07.04.2021.

About the authors:

Alisa A. Ibragimova, Leading Research Officer, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3970-545X>, alisa.garifullin@mail.ru

Chulpan I. Ildarhanova, Director of the Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, chulpanildusovna@gmail.com

Contribution of the authors:

A. A. Ibragimova – collection and analysis of data; presentation of data in the text; preparation of the text of the article; graphical representation of the research results; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text.

Ch. I. Ildarhanova – statement of the research problem; academic supervision; development of the basic concept of the research; evaluation of the results; drawing conclusions.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Феномен антикафе, или Новые места досуговых практик молодежи в условиях виртуализации городского пространства (на примере case-study «Кубик Рубикова» г. Саранска)

Т. М. Дадаева*

Т. А. Кузнецова

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Российская Федерация),
* dadaeva13@mail.ru

Введение. Набирающие популярность в последние десять лет в городском пространстве новые места для досуга в формате антикафе, создаваемые инициативными горожанами, вызвали необходимость исследования данной темы. Целью статьи является изучение досуговых практик молодежи, определение особенностей их структуры, содержания и функций в условиях антикафе, а также концептуализация причин возникновения и потенциала феномена антикафе в городском пространстве.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования стали данные качественных свободных интервью посетителей, администрации и включенное наблюдение smart-place «Кубик Рубикова» в г. Саранске. Применение аналитических методов и приемов исследования (анализа, обобщения, индукции и дедукции, системного подхода) позволило обосновать авторскую точку зрения на причины возникновения, функции и потенциал новых мест досуговых практик молодежи в городском пространстве.

Результаты исследования. Осуществлена теоретическая проблематизация возникновения новых досуговых мест для молодежи в условиях гипермодерна и развития медиатехнологий в городских пространствах. На основе данных case-study антикафе выявлены досуговые практики, структура, содержание, функции антикафе, мотивация посещения подобных мест и социально-демографические характеристики основных потребителей антикафе. Определены противоречия в причинах популярности антикафе в условиях гипермодерна, создающего новые формы одиночества и потребность в появлении «третьих мест», многослойных, гибридных пространств (где публичное переходит в приватное, приватное в публичное, а онлайн- и офлайн-коммуникации пересекаются) в коллективных практиках, которую удовлетворяет город.

© Дадаева Т. М., Кузнецова Т. А., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. На основе проведенного исследования авторами делается вывод о роли подобных антикафе (таймкафе, коворкинга) в формировании будущего креативного класса, без которого невозможна эффективная экономика. Трудности изучения данной темы обусловлены отсутствием статистических данных по проблеме. Материалы статьи будут полезны представителям государственной власти, предпринимателям, специалистам, занимающимся организацией досуговых мест в городском пространстве, а также для разработки учебных курсов «Социология города», «Социология культуры».

Ключевые слова: антикафе, тайм-кафе, «третье место», «не-место», досуговые практики, городское пространство, молодежь, виртуализация, свободное интервью

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дадаева, Т. М. Феномен антикафе, или Новые места досуговых практик молодежи в условиях виртуализации городского пространства (на примере case-study «Кубик Рубикова» г. Саранска) / Т. М. Дадаева, Т. А. Кузнецова. – DOI 10.15507/2413-1407.116.029.202103.709-729 // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 709–729.

The Phenomenon of Anti-Café or New Places for Leisure Time Activities of Young People in the Context of Virtualization of the Urban Space (The Case Study of Rubikov's Cube Smart Place in the City of Saransk)

T. M. Dadaeva*, T. A. Kuznetsova

National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),
*dadaeva13@mail.ru

Introduction. New places for leisure time activities in the format of anti-café, created by initiative townsmen, have been gaining popularity in the urban space over the past ten years, which has made the study of this topic relevant. The article studies the leisure time activities of young people, identifies the features of the structure, content, and functions in the conditions of an anti-café, and conceptualizes the causes and potential of the phenomenon of anti-café in the urban space.

Materials and Methods. Data from unstructured interviews with visitors and the management, as well as participant observation of Rubikov's Cube Smart Place in the city of Saransk were used as the empirical basis for this study. Using analytical methods and research techniques (analysis, generalization, induction, deduction, as well as the systemic approach) made it possible to substantiate the authors' point of view on the causes, functions and potential of new places for leisure time activities of young people in the urban space.

Results. The authors have raised the theoretical problem of the emergence of new places for leisure time activities of young people in the context of hypermodernity and the development of media technologies in urban spaces. Based on the data from a case-study of the anti-café, popular leisure time activities have been identified, as well as structure, content, and functions of the anti-café, and motivations for visiting such places and socio-demographic characteristics of the main anti-café customers. The authors have also identified the contradictions in the reasons for the popularity of anti-café in the context of hypermodernity, emphasizing that anti-café create new forms of loneliness and the need

for the “third place”, multi-layered, hybrid spaces (where public turns into private, private into public, and online and offline communications intersect) in collective practices, which the city satisfies.

Discussion and Conclusion. Based on the conducted research, the authors have drawn a conclusion about the role of anti-café (time clubs, coworking spaces) in the formation of the future creative class, without which an effective economy is impossible. The difficulties in studying this topic were due to the lack of statistical data on the problem. The materials of this article will be useful for public authorities, entrepreneurs, specialists engaged in creating places for leisure time activities in the urban space, as well as when elaborating such training courses as “Sociology of the City” and “Sociology of Culture”.

Keywords: anti-café, time club, ‘third place’, ‘non-place’, leisure time activities, urban space, youth, virtualization, unstructured interview

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Dadaeva T.M., Kuznetsova T.A. The Phenomenon of Anti-Café or New Places for Leisure Time Activities of Young People in the Context of Virtualization of the Urban Space (The Case Study of Rubikova’s Cube Smart Place in the City of Saransk). *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(3):709-729. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.709-729>

Введение. В последнее десятилетие городское физическое пространство наполняется новым содержанием, в том числе и благодаря развитию новых медиатехнологий. В данных условиях изменению подвергаются и досуговые практики в городе. Досуг является важной составляющей повседневной жизни современного человека и оказывает серьезное влияние на его жизнедеятельность. Досуговая деятельность в значительной степени рассматривается именно как рекреационная деятельность и имеет уникальное значение. В последнее время в городском пространстве возникают новые нетрадиционные формы и практики досуга – «третьи места» (антикафе, тайм-кафе, коворкинги, хакспейсы, фудмаркеты, магазины, квартирные квесты, новаторские мероприятия, проводящиеся в книжных магазинах, в общественных библиотеках и т. д.). Подготовка, организация, сбор средств (краудфандинг) для проведения и освещения данных практик осуществляется через социальные сети. В отличие от традиционных кафе, ресторанов и клубов, которые в большей степени представляют собой места общественного питания (в советское время это была их главная функция, поскольку свободное общение, коммуникация пресекались как угроза распространения антикоммунистических настроений), новые места больше ориентированы на общение, развитие и менее формализованы.

Для социологии тема создания новых городских пространств в условиях цифровизации очень актуальна, так как в их производстве активно участвуют и сами горожане, используя это пространство по своим интересам. Именно к таким новым пространствам для досуга относятся антикафе, активно создающиеся в последнее десятилетие.

Феномен антикафе впервые появился в России в 2010 г. Писатель И. Минин считается автором данного проекта, именно он создал первое антикафе в Москве «Дом на дереве», в котором каждый мог бесплатно угоститься чаем, кофе, сладостями, просидеть весь день с книгой, а в качестве вознаграждения оставить любую сумму. Следующий его проект – антикафе «Циферблат», где плата взималась за пребывание поминутно (1 минута – 1 рубль) [1]. Постепенно антикафе начинают активно создаваться и в других городах России и за рубежом.

В антикафе посетители могут проводить свой досуг (общаться, играть в игры, смотреть кино, посещать лекции, тренинги, мастер-классы и т. д.), а также заниматься своей работой (подобные заведения в центре города используются как офисы для деловых встреч и коворкинга). В некоторых антикафе есть отдельные зоны (помещения), оборудованные оргтехниккой для фрилансеров. Данное пространство является доступным для любого посетителя, независимо от материального статуса.

Антикафе распространяются в том числе и как сетевые. Крупнейшие из них активно создаются и за рубежом: «Некафе» (22 заведения в России и Казахстане), Jeffrey'sCoffee / NewYorkCoffee (20 – в России и на Украине), «Циферблат» (11 – на Украине, в России, Словении и Великобритании), TimeClub (4 – в России)¹. В России статистика распространения антикафе следующая: в Москве – 205 заведений, Санкт-Петербурге – 98, Ростове-на-Дону – 20, Самаре – 18, Краснодаре – 16, Казани – 12, Воронеже – 11, Перми – 11, Волгограде – 10, Екатеринбурге – 10, Новосибирске – 10².

Как видим, по количеству антикафе лидируют города-миллионники. Однако данные заведения создаются и в малых городах с населением до 500 тыс. жителей. В Саранске в разное время работало три антикафе («Арена 13», «Котабра» и «Кубик Рубикова»), одно интернет-кафе. В современной экономической ситуации многие антикафе закрываются. Чтобы сохранить свой бизнес, владельцы предлагают посетителям новые продукты и дополнительные услуги (велопрокат, аренда помещений для проведения праздников, платных мероприятий (мастер-классов, концертов-квартирников, игротек и др.)). Так, кофейня «Алекс Кафе» периодически проводит свои завтраки, встречи с интересными людьми, где участники знакомятся с историей успеха. Организация и запись на мероприятие происходит через социальные сети.

Под термином «антикафе» (также «свободное пространство», «тайм-клуб», «тайм-кафе») – мы понимаем публичное многослойное, многофункциональное пространство, «посетители которого оплачивают только время пребывания поминутно или по часам (еда и напитки могут быть бесплатными

¹ Бизнес-план тайм-кафе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.beboss.ru/bplans/52-antikafe/3-opisanie-rynka-sbyta> (дата обращения: 17.12.2020).

² Сервис по выбору организаций. Антикафе [Электронный ресурс]. URL: <https://antikafe.firmika.ru/> (дата обращения: 17.12.2020).

или продаваться, но покупать их необязательно, есть бесплатный доступ в интернет) и обладают большей степенью свободы, чем в обычных кафе и ресторанах, выбирая различные виды деятельности в антикафе. Главная цель пребывания посетителей – общение, проведение досуга (настольные игры, просмотр фильмов, чтение, мастер-классы и т. д.) или работа (когда антикафе используется как офис для фрилансеров и т. д.)» [1].

Таким образом, в силу динамичности развития данного пространства в городах России возросла необходимость изучения антикафе как нового места досуговой практики молодежи. Цель статьи – на основе проведенного исследования изучить досуговые практики молодежи в условиях антикафе, выявить особенности структуры, содержания и функций, а также концептуализацию причин возникновения, популярности и потенциала феномена антикафе в условиях виртуализации городского пространства.

Обзор литературы. Представители Чикагской социологической школы (Р. Парк [2], Э. Берджес³) начали изучать влияние физического пространства города (объектов инфраструктуры и т. д.) на установки, интересы и социальное взаимодействие его жителей. Первой эпохальной работой, посвященной исследованию жизни города, была монография Ч. Бута, описывающая жизнь, условия труда, свободное времяпровождение различных групп населения Лондона⁴. Социологическая концепция социального пространства является наиболее релевантной к исследованию городского пространства. Проблемы социального пространства городов рассмотрены в трудах П. Бурдьё [3], Г. Еремичевой [4], Г. Зиммеля [5], Ш. Зукин⁵, Е. Лебедева [6], А. Лефевра⁶, Р. Сенета⁷, М. де Серто⁸, Э. Соджа⁹, Е. Трубиной¹⁰. Так, Г. Зиммель на рубеже XIX–XX вв. серьезно занимался изучением «коммуникабельности» в социальном пространстве. Он считал, что коммуникабельность является базой человеческих импульсов, которые не зависят от экономических и рациональных интересов [5]. Согласно А. Лефевру, пространство рассматривается как продукт социального взаимодействия, оно нестатично, всегда связано с опытом людей, проживающих в нем, с историей. Также он предложил концепцию «Права на Город», считая, что все городские пространства должны отвечать

³ Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. The City. Chicago: The University of Chicago Press, 1925. 239 p.; Park R. E. The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order // Human Communities. The City and Human Ecology / R. E. Park. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952. Pp. 165–177.

⁴ Booth C. Life and Labor of the People of London (9 vols.). London, 1892.

⁵ Зукин Ш. Культуры городов. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.

⁶ Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

⁷ Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 423 с.

⁸ Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 328 с.

⁹ Soja E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London, New York: Verso, 1989. P. 266.

¹⁰ Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.

интересам жителей города, которые имеют право на его использование независимо от их социального статуса. Автор считает, что городское пространство должно соединять практики отдельных людей, групп и институциональные практики¹¹.

Схожих позиций придерживается М. де Серто. Ученый считал, что «пространство – это место, которое используется в практике. Так, улицы, геометрически определенная городской планировкой, трансформируется пешеходами в пространство»¹². П. Бурдьё рассматривал социальное пространство через взаимодействие трех типов капитала: экономического, культурного, социального [3, с. 61].

Социолог урбанистической культуры Р. Сенет в книге «Падение публичного человека» придавал большое значение публичному городскому пространству, считая его целью смещение людей и различных видов деятельности¹³. Однако в современных городах происходит излишняя формализация, отчужденность публичного пространства и распространение интимности – приватизма (сохранение дистанции). Р. Сенет отмечает, что в условиях урбанизма личность становится все более молчаливой, пассивной. Ученый пишет о кризисе непосредственной межличностной коммуникации в публичном пространстве¹⁴. Еще Л. Вирт полагал, что городская жизнь в крупных городах ведет к обезличиванию и производству социальной дистанции¹⁵. Разделение пространства на публичное и личное мы находим и в работах И. Гоффмана. Автор вводит понятие «территория» как символическое пространство, где люди конструируют и сохраняют идентичность, для взаимодействия с другими людьми, в то же время «территория» дистанцирует¹⁶.

Э. Соджа в своих работах первым заговорил о «пространственном перевороте» в социальных науках. Ученый рассматривает процесс производства городского пространства в эпоху капитализма с марксистских позиций. По мнению автора, «спатIALIZация» города является классовой сегрегацией, поскольку городское пространство социально конструируется и становится дополнительным источником классового расслоения и эксплуатации¹⁷. Представители данной школы рассматривали город как явление полицентрическое, как место для индустрии развлечений и культурного многообразия, поскольку именно там возникают различные новые пространства для досуга.

¹¹ Lefebvre H. Writings on Cities. Malden, MA: Blackwell Publishing, 1996. Pp. 147–159.

¹² Серто М. де. Изобретение повседневности. С. 219.

¹³ Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 423 с.

¹⁴ Сеннет Р. Плоть гражданственности: Мультикультурный Нью-Йорк (статья, перевод А. Захарова) // Непрекосновенный запас – 2010. Настоящий текст представляет собой фрагмент книги: Sennett R. Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization. New York: W.W. Norton, 1994. P. 355–376.

¹⁵ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. Избранные работы по социологии / пер. с англ. В. Г. Николаева. М., 2005. С. 93–118.

¹⁶ Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. New York: Basic Books, 1971.

¹⁷ Soja E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory.

Американский градостроитель Ш. Зукин в работе «Городская культура» на примере Брайтан-парка в Манхэттене описывает социальное пространство как место, где есть возможность самостоятельно «руководить» своей деятельностью (устанавливая «правила игры»), имея свободный доступ для всех¹⁸. Данная теория применима для исследования пространства антикафе, где посетители сами руководят выбором деятельности.

Категоризацией «места» в городском пространстве занимались Д. Харви¹⁹, Л. Лофланд²⁰, Р. Ольденбург²¹, М. Оже²². Д. Харви в какой-то степени осуществил переход с анализа уровня *space* (пространство) на уровень *place* (место) в условиях капитализма. Он исследовал взаимосвязь экономических и дискурсивных (верования, традиции, желания) инвестиций в создание места²³. Л. Лофланд описывает публичное пространство в городе «как состоящее из тех мест, где встречающиеся индивиды в большинстве случаев лично не знакомы или знакомы друг с другом только категориально»²⁴. В городском пространстве, по мнению Л. Лофланда, существует «три типа социальных отношений: личные (в семье, среди друзей), категориальные (люди являются друг для друга “незнакомцами” и могут определить другого только в рамках его профессии (продавец, покупатель, водитель такси, пассажир и т. д.) и отношения местно-локальные, это отношения функционально знакомых между собой людей (коллег по работе, членов клубов по интересам, соседей и т. п.)» [7].

Социолог Э. Соджа в работе «Третье место»²⁵ в качестве таковых определяет пространства, одновременно являющиеся и реальными и воображаемыми («реальные-и-воображаемые», *thirdspace*). По мнению автора, в эпоху модерна пространство включало реальное (первое, физическое, материальное, объективное) пространство и воображаемое (второе, ментальное, субъективное) пространство. «Третье место», считал Э. Содж, – это интерактивный и интерзависимый аспект социального пространства, объединяющий и реальное, и воображаемое одновременно²⁶.

Релевантным к теме статьи представляется рассмотрение теории «креативного города» британского ученого-урбаниста Ч. Лэндри (крупнейшего

¹⁸ Зукин Ш. Культуры городов.

¹⁹ Harvey D. Justice, Nature and the Geography of Difference. Oxford: Blackwell, 1996. P. 468.

²⁰ Lofland L. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Territory. New York, 1998. P. 305.

²¹ Ольденбург Р. Третье место. Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент общества / пер. А. Широканова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 456 с.

²² Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А. Ю. Коннова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

²³ Harvey D. Justice, Nature and the Geography of Difference. P. 468.

²⁴ Lofland L. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Territory. P. 9.

²⁵ Soja E. Thirdspace. Cambridge, MA: Blackwell Publishers Inc., 1996.

²⁶ Allen R. L. The Social-Spatial Making and Marking of 'Us': Towards a Critical Postmodern Spatial Theory of Difference and Community // Social Identities. 1999. Vol. 5, no. 3. Pp. 249–277.

специалиста по городскому планированию). В работе «Креативный город» автор определяет понятие креативного действия, творческие возможности человека в городской среде, а также дает характеристики и черты креативного города. Креативность, по мнению автора, сосредоточена в людях, креативный город – это город для людей, предполагающий массу возможностей, через инициативу, взаимодействие человека и города²⁷. По сути, именно горожане своим творчеством, креативными действиями при активном взаимодействии с властями должны производить новые пространства в городской среде.

По мысли Р. Флориды, современное общество не может успешно развиваться без инвестиций в креативную индустрию города, без формирования креативного класса, продуцирующего новые идеи и проекты²⁸. На наш взгляд, новое пространство антикафе является, с одной стороны, креативным пространством, создаваемым по инициативе горожан, с другой – посетители антикафе (творчески ориентированная студенческая молодежь) – это потенциальный креативный класс.

Развитие медиатехнологий и их проникновение в физическое пространство города привели к тому, что городское пространство стало описываться как гибридное и многослойное, в котором виртуальные сообщества соединяются и развиваются в физическом пространстве города (М. Крэнг [8], А. Куан-Хаас [9], С. Риделл [10], А. де Souza и Сильва [11], Б. Веллман [12]).

Рассматривая антикафе как новую досуговую практику в городском пространстве, целесообразно проанализировать исследования досуга и свободного времени в зарубежной и отечественной социологии. Данная тема отражена в работах Л. А. Акимовой²⁹, Ж. Дюмазедье³⁰, Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова [13], А. В. Каравай [14], В. И. Корсуновой [15], В. И. Филоненко, Л. А. Штомпель [16], Ю. А. Стрельцова³¹, В. Н. Ядова³² и др. Так, основоположник функциональной модели досуга Ж. Дюмазедье определяет отдых, развлечение и развитие личности как важные функции досуга³³. Рассмотрению досуговых практик посвящена работа В. И. Корсуновой. На основании анализа данных социологического опроса автор выявил особенности структуры, репертуары публичного досуга в России. Установлено, что наибольшее влияние на публичные досуговые практики оказывают профессиональный статус, доход, образование, возраст и место проживания [15, с. 194].

²⁷ Лэндри Ч. Креативный город / пер. с англ. В. Гнедовский, М. Хрусталева, М. Гнедовский. Москва: Классика-XXI; Ин-т культурной политики, 2006. 397 с.

²⁸ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005. 430 с.

²⁹ Акимова Л. А. Социология досуга. М.: МГУКИ-М, 2003. 123 с.

³⁰ Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга // Вестник Московского университета. 1993. № 1. С. 83–88.

³¹ Стрельцов Ю. А. Культурология досуга. М.: МГУКИ, 2003. 296 с.

³² Ядов В. А. Социологические методы исследования клубной работы: метод. пособие. М., 1986. 92 с.

³³ Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга. С. 24.

Исследователи рассматривают различные аспекты «третьих мест». Так, изучение библиотеки как «третьего места» отражено в работе М. Ф. Кряжевой и Э. С. Шакировой [17]; проблеме разработки коворкинговой среды в современном вузе посвящено исследование О. А. Любченко, А. Н. Ганичевой, А. П. Каитова [18]; А. В. Пестова анализирует развитие «третьих мест» в рабочем и досуговом пространствах [19]; как новый способ ведения бизнеса и создания стартапов рассматривает коворкинг и антикафе А. Д. Захаров [20]; И. В. Бабаян, А. Д. Любимова, Е. Ф. Русакович определяют влияние антикафе на культурное потребление и социальное самочувствие городской молодежи [21].

А. Г. Квят рассматривает антикафе как новый тип городского публичного пространства, соответствующий типу горизонтальной культурной коммуникации (в отличие от вертикальной), основанной на нелинейности, самоорганизации, инициативности и медиаактивности простых людей. Это что-то среднее между кофейней и социальным клубом. Автор проблематизирует появление «третьих мест» в условиях «города 3.0» (это город, где сочетается взаимодействие интернета с физическим пространством) [22].

О. А. Леонтович исследовала тенденции развития семиотического ландшафта города (в частности г. Волгограда) с помощью словесных и невербальных знаков, отражающих его историческую память, культурное наследие и тенденции глобализации [23]. По мнению автора, появление новых творческих форм коммуникации, таких как антикафе, «посиделки», «квартирники» и т. д., влечет за собой изменения в моделях дискурса и лексике. Социальный активизм, основанный на информационных потоках «снизу вверх», порождает новые формы городского общения, символизирующие рост нового поколения горожан.

При достаточно высоком интересе исследователей к изучению «третьих мест» не разработанным остается вопрос причин возникновения, популярности и потенциала новых досуговых практик для развития пространства города и социума в целом в социологическом аспекте.

Материалы и методы. В качестве теоретико-методологической рамки в исследовании были использованы: теория «третьего места» Р. Ольденбурга и теория «не-места» М. Оже. Свою теорию Р. Ольденбург изложил в 1989 г. в работе «The Great Good Place»³⁴. Согласно его концепции, первым местом для человека является дом, вторым – рабочее пространство / учебное заведение, третьим – досуговая среда. «Третье место» – это нейтральная территория, публичные места, где люди имеют возможность приходить и уходить в любое время, в зависимости от своих желаний, общаться в неформальной обстановке, обсуждать местные проблемы, спорт, текущие дела, а также политические события.

³⁴ Oldenburg R. The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community. 1989. P. 384.

Р. Ольденбург приводит критерии, которыми должно обладать «третье место»: быть недорогим или совсем бесплатным; наличие еды и напитков является важным, но не существенным требованием; быть территориально доступным для посещения; привлечение, наличие завсегдатаев, постоянных участников взаимодействия; быть гостеприимным и комфортным; иметь возможность встречи старых друзей и приобретения новых³⁵.

«Третье место» дает посетителям возможность не только общаться в неформальной обстановке, но и получать навыки, необходимые для личной жизни, развития политической осведомленности и т. д. К таким заведениям относятся: кафе, антикафе, книжные магазины, бары, столовые, спортивные залы, салоны красоты, галереи и т. д. Согласно Р. Ольденбургу, «третье место» должно быть недорогим, уютным, находиться в шаговой доступности от офиса, дома или учебного заведения. Здесь всегда можно встретить как новых, так и старых знакомых, а еда и напитки занимают второстепенное место для гостей³⁶.

По мнению М. Оже, антикафе можно трактовать как «не-место»³⁷, которое «создает гипермодерн, так как не имеет отношения к местам памяти. Если место может быть определено как создающее идентичность, формирующее связи, имеющее отношение к истории, то пространство, не определяемое ни через идентичность, ни через связи, ни через историю, является “не-местом”» [1].

Методом case-study (детальное исследование одного объекта в условиях временных и пространственных границ) было изучено самое популярное антикафе в г. Саранске (отбор осуществлялся по количеству членов сообщества «Кубик Рубикова» в социальной сети «ВКонтакте»). Метод case-study включал решение следующих задач: установить практики использования и мотивы посещения пространства посетителями; определить структуру, организацию и содержание пространства; изучить основные каналы и способы распространения информации об антикафе; выявить социально-демографические характеристики посетителей (потребителей пространства). Эмпирической базой статьи являются данные качественных неформализованных интервью с посетителями, администраторами и включенного наблюдения smart-place «Кубик Рубикова» в г. Саранске (2019–2020 гг.), анализ сайта антикафе, а также вторичный анализ данных социологических исследований, официальных и неофициальных документов.

Было опрошено 20 информантов (17 посетителей (9 девушек и 8 парней) и 3 представителя персонала), использована целевая выборка. Гайд интервью включал 5 тематических блоков: «Сведения об информанте», «Первое посещение», «Практики использования пространства», «Типичный посетитель», «Содержание пространства». Дневник наблюдения включал такие

³⁵ Ольденбург Р. Третье место.

³⁶ Там же.

³⁷ Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А. Ю. Коннова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 84–86.

показатели, как структура, организация, функции, досуговые практики, потребители антикафе.

Результаты исследования. *Социально-демографические характеристики посетителей.* Возраст информантов составил от 18 до 24 лет. Все опрошенные не состоят в браке и не имеют детей. По роду деятельности большинство (14 чел.) являются студентами, 1 парень отнес себя к рабочему классу («временно не обучается и не работает»), 2 информанта работают на постоянной основе, еще двое студентов – подрабатывают. Высшее образование получают/получили 15 интервьюируемых, 1 информант имеет неполное высшее образование, 1 информант – среднее образование. Интересы и хобби интервьюируемых достаточно разнообразны: чаще всего назывались музыка, спорт, просмотр кино, фотография, рисование; были также отмечены чтение, кулинария, вышивание, пение, танцы.

Данные включенного наблюдения также показали, что большинство посетителей – студенческая молодежь (сказывается близость расположения тайм-кафе к университету). Кафе расположено в центре города и представляет собой уютное пространство, разделенное на зоны.

Мотивы посещения. В ходе интервью было выявлено, что большинству информантов данное заведение рекомендовали друзья: «Про антикафе я узнала, когда они стали появляться в городе. У меня ходили туда друзья и одноклассники» (Лена, 22 г.). Часть интервьюируемых увидели рекламу подобных мест: «О таких заведениях я узнала давно, так как раньше в Москве я занималась фотографией, и мы с ребятами, с группой, с которой я общалась, очень часто посещали такие заведения, собирались там» (Алина, 21 г.). Обычно информация и реклама о мероприятиях в антикафе есть в соцсетях.

Стоит отметить, что большинство опрошенных решили посетить антикафе совершенно спонтанно: «Первое посещение было больше спонтанным. У нас выдалось окошко на парах, и мы решили с одноклассниками пойти в это заведение...» (Настя, 21 г.); «Как-то вместе с другом зашли разок и по-неслось» (Андрей, 18 л.).

Обычно посетители в первый раз попадают в антикафе с друзьями, часто не понимая, что собой представляет данный формат заведений: «Ходила туда с одноклассниками, когда училась в школе. Помню, как после уроков бывало, что мы сидели в “Кубике” [здесь и далее – «Кубике Рубикова»] и делали домашнее задание. Потом, в университете, ходила туда с друзьями. Но ходить туда лучше большой компанией» (Лена, 22 г.); «С друзьями либо одна, так как там много хороших знакомых, с которыми всегда можно поговорить» (Дарья, 21 г.).

Можно предположить, что чаще всего посетители антикафе приходят туда с друзьями из-за того, что в данном пространстве больше именно коллективных практик.

Практики использования пространства. Интервьюируемые отмечали, что в антикафе они знакомятся с другими людьми и даже поддерживают

новые взаимоотношения вне кафе. «В “Кубике” очень легко находить новые знакомства. Во-первых, потому что атмосфера этому способствует, достаточно дружеская и непринужденная обстановка. Поэтому, когда ты туда приходишь, ты уже достаточно свободно общаешься с новыми людьми. То есть я сужу по своему опыту, было на днях такое, что я встретила там парня, которого видела в первый раз в жизни, но общались мы с ним как старые, закадычные друзья» (Настя, 21 г.); «Ну да, я завел кучу новых друзей. В “Мафию” вместе с ними играл. До сих пор со многими поддерживаю общение. Классные ребята» (Андрей, 18 л.).

Посетители антикафе могут без труда с кем-либо познакомиться в стенах пространства, иногда эти связи выходят за пределы заведения. Однако часто это случайная компания для взаимодействия в самом пространстве антикафе.

Важным является то, с какой целью информанты посещают заведение и каким является их действие: коллективным или самостоятельным. Большинство опрошенных однозначно ответили, что их действие является коллективным: «Сама по себе я одна туда никогда не ходила. Но знаю, что есть у людей такие практики, когда ты можешь сделать что-то один. Но для меня это всегда коллективное действие, мероприятия. Мы можем обсуждать что-то интересное, прописывать какие-то мероприятия. Иногда отвлекаемся на какие-нибудь игры, чтобы немного сменить форму досуга. Если заведение предоставляет все эти услуги, то почему бы не воспользоваться тем, что есть на расстоянии вытянутой руки» (Ксюша, 22 г.); «Это коллективное действие. Играю в настольные игры. И пью чай и ем печеньки. С самого начала я рассматривал это место как место где можно поиграть в настолки» (Андрей, 18 л.). Один информант сказал, что его действие является самостоятельным: «...Сам по себе. Играю в настольные игры... Общаюсь, смотрю кино...» (Максим, 18 л.).

В ходе исследования было выяснено, что все опрошенные используют антикафе в первую очередь для досуга: «Сейчас я чаще всего использую антикафе только для досуга. То есть по работе я туда не хожу. Я хожу туда либо развиваться, чем-то новым себя заинтересовать, либо провести время с друзьями, как-то весело себя занять, поиграть и кофе попить» (Настя, 21 г.); «Играю в настольные игры, Just Dance. Рисую, когда проводятся мастер-классы по живописи или по росписи футболок. Общаюсь, конечно, встречаюсь с друзьями просто за чашечкой кофе. Смотрю кино, там есть кинозал, где можно посмотреть кино. Слушала лекции раньше, но сейчас нет на это времени. Читаю, там много книг, которые можно взять домой, но мы, бывает, читаем вслух стихи с друзьями. Пью чай, ем печенье» (Дарья, 21 г.).

Некоторые информанты отвечали, что им комфортно заниматься работой в заведении: «...Мы писали сценарии. Можно сказать, что я использую антикафе как место для определенной работы. Там можно попить чай, как-то хорошо провести свое время, удобно. Не на улице где-то. Ты можешь громко

разговаривать там, потому что на квартире ты же не можешь сидеть и в 12 ночи кричать и слушать громко музыку для постановки сценария» (Алина, 21 г.).

Для большинства мотивы посещения антикафе – это общение и интересное времяпрепровождение (поиграть в игровые приставки, нарды, шахматы, настольный футбол, посмотреть фильм, почитать книгу), а также работа (коворкинг). Несмотря на то, что подобные заведения не имеют рамок и ограничений для посетителей, как правило в них нельзя курить и употреблять алкоголь. Многие заходили первый раз из-за интереса или благодаря «сарафанному радио» (подсказали друзья), за компанию с друзьями и т. д. Информацию об антикафе и проводимых мероприятиях узнавали в социальных сетях («ВКонтакте», «Фейсбуке»), на сайте антикафе, из рассказов друзей.

Типичный посетитель. Все информанты отметили, что типичный посетитель антикафе – это, в первую очередь, разносторонне развитый человек: «...Я не думаю, что есть однозначно какой-то портрет представителя. Это люди абсолютно любого класса, социального уровня. Это может быть как и ребенок 16 лет, так и представитель старшего возраста, 30 лет и даже старше. Хотя большая масса посетителей – это люди от 18 до 25 лет, я думаю. В основном все приходят с друзьями, либо рабочие коллективы» (Ксюша, 22 г.); «По крайней мере, у нас в городе посетители антикафе – это больше студенческий совет. Люди, которые что-то прописывают, что-то придумывают. Это достаточно творческие люди. А в плане других больших городов я знаю, что приходят практически все. Для меня дико прийти туда одной. А вот в Москве и Питере я видела людей, которые не стыдятся одиночества. Человек спокойно сидит в ноутбуке либо играет в приставку» (Алина, 21 г.).

Как показали результаты интервью и включенных наблюдений, потребителем антикафе является в основном молодежь, т. е. люди, имеющие свободное время.

Структура и содержание пространства. Важным стало и то, как именно частые посетители могут охарактеризовать атмосферу данного заведения: «Она довольно творческая. Много различных деталей, которые хочется рассматривать. Сама по себе атмосфера такая позитивная. Очень приятно находиться в ней» (Ирина, 22 г.); «Дружная. Теплая. Кайфовая. Все в меру и без лишних заморочек» (Роман, 20 л.).

Большинство информантов отмечали, что на эмоциональное состояние гостей позитивно влияет взаимодействие персонала с посетителями: «В этом антикафе нет официантов, поэтому действует принцип самообслуживания, но администраторы всегда готовы помочь. В этом заведении нравится все, так как оно сделано с душой» (Дарья, 21 г.); «Пространство и интерьер как-то вдохновляют к творчеству, к какому-то интеллектуальному развитию, в первую очередь развитию себя. Очень нравится интерьер, да и обслуживание очень приветливое. Все практики, которые там есть, подходят лично для моего досуга. Можно сделать себе вкусный капучино, покушать конфеты. Можно

даже с собой что-нибудь вкусненькое принести» (Ксюша, 22 г.); «Мы проводим разные мероприятия, например, начали практику по организации детских праздников, организовали велопрокат. Кроме игр мы предлагаем разные квесты для компаний, различные мастер-классы (изготовление слаймов, роспись футболок, изготовление мыла). Есть кинозал» (администратор).

На вопрос об отрицательных сторонах антикафе «Кубик Рубикова» и том, что можно исправить в организации пространства, информанты отвечали следующим образом: «Я не думаю, что у них есть возможность что-то добавить и что-то исправить, потому что места довольно мало. При большом количестве людей ты не можешь занять то, чем хочешь увлечься. Если у вас большая компания, вы хотите расположиться в просторном помещении, чтобы поиграть в игру, но места просто нет» (Денис, 18 л.); «Я бы добавил в дневное время развивающие занятия для детей. Чтобы запечатлеть все моменты, для составления роликов-отчетов я бы включил видеооператора» (Артем, 23 г.).

Опрос работников антикафе показал, что данное пространство – это больше хобби для развития своего творчества или социальный проект: «Антикафе не приносит большого дохода. Это скорее самореализация, как социальный проект... В лучшем случае будет приносить средний доход, сопоставимый с хорошей зарплатой» (администратор).

Также необходимо отметить, что, часто общаясь в социальных сетях, участники виртуальных сообществ встречаются именно в физическом пространстве антикафе, организовывая свои мероприятия (тренинги, мастер-классы и т. д.). В антикафе происходит одновременно и реальная, и виртуальная коммуникация, что позволяет рассматривать данные места как гибридные.

Таким образом, изучив организацию, содержание пространства, состав потребителей рассматриваемого кейса, можно выделить некоторые черты, общие для антикафе: место расположения с высокой проходимостью (центральный район города), бесплатный Wi-Fi, пространство разделено на зоны: общая зона, игровая зона, кинотеатр, зона коворкинга, «зона для угощений, где посетители могут приготовить чай, кофе и сладости (в большинство заведений такого формата можно приносить свою еду и напитки, однако, как правило, курение и алкоголь запрещены)» [6]. Антикафе работает с 12.00 до 23.00 ежедневно, цена за первый час – 150 руб., за второй – 100 руб., за третий – 50 руб. (часто бывают скидки, стоп-чек). В распоряжении посетителей около 70 видов настольных игр. Основная масса посетителей – молодежь в возрасте от 18 до 25 лет; в основном это студенты и жители, которые располагают большим количеством свободного времени. Владельцы, администраторы антикафе размещают информацию (рекламу, отчеты, фото и т. д.) о мероприятиях в социальных сетях и блогах.

На основе полученных данных мы установили следующие практики использования пространства антикафе: общение с друзьями (другими

посетителями, сотрудниками); настольные («Монополия», «Эрудит», нарды, шахматы, настольный футбол и др.), коллективные игры («Мафия», «Крокодил») и видеоигры; серфинг в интернете; чтение книг; просмотр фильмов; работа, учеба (коворкинг); познавательные публичные мероприятия (семинары, тренинги, мастер-классы (ропись футболок, изготовление свечей, мыла, изделий из глины и т. д.), заседания клубов (English-посиделки), лектории и т. д). Главная мотивация посещения – общение, быть в дружеской, домашней атмосфере.

Основная часть посетителей smart-place «Кубик Рубикова» – студенческая молодежь, ориентированная на саморазвитие, творчество, занимающаяся музыкой, пением, танцами, рисованием, фотографией. Следовательно, антикафе является некой альтернативой обычному кафе. Это клуб по интересам (тематика интересов постоянно обновляется), включающий важные факторы: создающий атмосферу интерьер, бесплатный Wi-Fi, свободный выбор разнообразных досуговых практик, свободное (не регулируемое) времяпрепровождение, доброжелательное отношение администраторов и широкий выбор сортов чая/кофе. Важным является ценовая составляющая данного заведения: каждый желающий может посетить данное место, потому что цены являются демократичными и подходят любому социальному слою людей. Основными функциями антикафе выступают: коммуникационная, развлекательная (игровая), профессиональная (коворкинг), развивающая (образовательная, проведение мастер-классов, лекций, тренингов), символическая (следование моде), интеграционная (формирование сообществ по интересам), социализирующая (формирование инициативности, творческого самовыражения).

Обсуждение и заключение. Антикафе в пространстве города является публичным местом неформального взаимодействия, цель которого – удовлетворение потребности в общении, отдыхе, творчестве, занятости. В то же время антикафе выступает «не-местом», формируя, наряду с отелями, hostels, вокзалами, аэропортами и пр., инфраструктуру гипермодерна как пространства временного нахождения. Однако и «не-места» создают свои (новые) идентичности и сеть взаимодействий в современном городе.

Антикафе выступает местом, где происходит сближение культурного (досуговая функция), коммодифицированного (экономическая функция), социального (функция коммуникации), символического (стиль жизни, следование моде) и технологического (использование медиатехнологий) в пространстве города. Дискурсивная и символическая активность участвует в создании такого пространства наравне с экономической активностью: если последняя через финансы, то символическая – через установки, желания, интересы, разделяемые социальными группами, сообществами и т. д.

Причины появления пространств подобных антикафе, на наш взгляд, имеют некоторую противоречивую двойственность. С одной стороны, в городах

возникла потребность в новых публичных местах, где бы люди реально общались (в том числе и по интересам, «без особого сближения»), им нужны места, которые могли бы собрать их, что говорит об отсутствии или нехватке общения дома и на работе (интернет и социальные сети, несмотря на их популярность, не могут заменить реального, живого общения и дружеских непринужденных посиделок по интересам). С другой стороны, подобные места могут и не способствовать общению, если вы этого не хотите, вы можете проводить время в одиночестве (за ноутбуком, за книгой или сидеть в тех же социальных сетях и т. д.), но при этом, возможно, не чувствовать себя одиноко. И город создает именно такие многослойные, гибридные места и пространства, в которых публичное переходит в приватное, приватное в публичное, а онлайн- и оффлайн-коммуникации пересекаются.

Вслед за М. Оже можно предположить, что в условиях гипермодерна (мобильность, уже не ограничивается физическим пространством, информационные потоки усиливаются), более чем в эпоху модерна, «люди получают новый опыт одиночества, обусловленный появлением и распространением “не-мест”, “третьих мест” (книжные магазины, автострады, гостиницы, лагеря для беженцев, гипермаркеты, аэропорты, самолеты и т. д.), которые создают единую общую схожую идентичность пассажиров, клиентов, покупателей, посетителей и формируют индивидуальность» [1].

С точки зрения функциональности и потенциала, «третьи места» как свободные пространства способствуют развитию гражданского общества, свободных инициатив, творчества и коллективных практик по интересам, именно в таких местах можно найти друзей и единомышленников. Создание антикафе и других новых мест в городском пространстве свидетельствует о том, что горожане используют свое право на город, в котором живут, и своими творческими практиками пытаются его изменить, сделать интереснее, создать что-то новое, чтобы город удовлетворял потребности и интересы жителей. Возможно, посетители антикафе (это в основном учащаяся молодежь, ориентированная на творчество), осваивая и создавая это новое пространство (новые коллективные практики), воспроизводят и себя как будущий креативный класс в социальной структуре креативности. Изменяя значения существующих публичных пространств, привнося в них новые смыслы с помощью медиатехнологий, жители создают новые сценарии использования городского пространства, создают новый креативный город.

Подобные места имеют, как мы видим, большой потенциал как с точки зрения формирования досуговых практик жителей, а особенно молодежи, так и с точки зрения развития социального бизнеса в городском пространстве. Культура городов определяет социокультурную трансформацию всего региона, поэтому совершенно очевидно, что на функционирование и создание новых досуговых мест формата антикафе необходимы средства и поддержка городских властей.

Практическая значимость исследования состоит в теоретической и эмпирической проблематизации причин возникновения, популярности, содержания, функций, структуры и выявления основных потребителей антикафе как новых досуговых мест в городском пространстве. Результаты исследования могут быть использованы региональными органами государственной власти при формировании стратегий городского планирования и молодежной политики, полезны предпринимателям и специалистам, занимающимся организацией досуговых городских мест. Полученные новые данные важны и с позиций дальнейшего развития теории городского пространства и досуговых практик в условиях виртуализации в социологическом аспекте. Дальнейшие исследования будут направлены на изучение и сравнение других форматов «третьих мест» в городе, таких как коворкинги, хакспейсы и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дадаева, Т. М. «Третье место» или феномен антикафе в городском пространстве современного социума: теоретический аспект / Т. М. Дадаева, Т. А. Кузнецова. – Текст : электронный // Огapeв-online. – 2019. – № 9. – URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/trete-mesto-ili-fenomen-antikafe-v-gorodskom-prostranstve-sovremennogo-sociuma-teoreticheskij-aspekt> (дата обращения: 24.11.2020). – Рез. англ.
2. Парк, Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Р. Парк // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5, № 1. – С. 11–18. – URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211453107/5_1_3.pdf (дата обращения: 24.11.2020).
3. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология – 2002. – № 5. – С. 60–74. – URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 24.11.2020).
4. Еремичева, Г. В. Социальное пространство большого города / Г. В. Еремичева. – DOI 10.19181/monograph.2019.4. – СПб. : СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 2018. 406 с.
5. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3. – С. 23–35. – URL: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 24.11.2020).
6. Лебедева, Е. В. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и «кризис публичности» / Е. В. Лебедева. – DOI 10.31119/jssa.2017.20.1.5 // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Т. XX, № 1 (89). – С. 74–92. – Рез. англ.
7. Черняева, Н. Культурная география и проблематика «Места» (Обзор новой литературы) // Известия уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2005. – № 35. – С. 273–283. – URL: <http://hdl.handle.net/10995/23948> (дата обращения: 24.11.2020).
8. Crang, M. Technology, Time-Space, and the Remediation of Neighbourhood Life / M. Crang, T. Crosbie, S. Graham. – DOI 10.1068/a38353 // Environment and Planning. – 2007. – Vol. 39. – Pp. 2405–2422.
9. Quan-Haase, A. Digital Curation and the Networked Audience of Urban Events: Expanding La Fiesta de Santo Tomars from the Physical to the Virtual Environment / A. Quan-

Haase, K. Martin. – DOI [10.1177/1748048513491910](https://doi.org/10.1177/1748048513491910) // The International Communication Gazette. Special Issue on Mediated Urbanism. – 2013. – Vol. 75, issue 5-6. – Pp. 521–537.

10. Ridell, S. Mediated Urbanism: Navigating an Interdisciplinary Terrain / S. Ridell, F. Zeller. – DOI [10.1177/1748048513491891](https://doi.org/10.1177/1748048513491891) // The International Communication Gazette. Special Issue on Mediated Urbanism. – 2013. – Vol. 75, issue 5-6. – Pp. 437–451.

11. Souza, A. de. From Cyber to Hybrid: Mobile Technologies as Interfaces of Hybrid Spaces / A. de Souza e Silva. – DOI [10.1177/1206331206289022](https://doi.org/10.1177/1206331206289022) // Space and Culture. – 2006. – Vol. 9, no. 3. – Pp. 261–278.

12. Wellman, B. Physical Place and Cyber Place: The Rise of Networked Individualism / B. Wellman. – DOI [10.1111/1468-2427.00309](https://doi.org/10.1111/1468-2427.00309) // International Journal of Urban and Regional Research. – 2001. – Vol. 25, issue 2. – Pp. 227–252.

13. Зубок, Ю. А. Культурная жизнь и культурные практики молодежи малых городов: особенности саморегуляции / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – № 3. – С. 140–156. – URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=8593&type=publ> (дата обращения: 24.11.2020).

14. Каравай, А. В. Досуговая активность российской молодежи: основные типы и факторы выбора / А. В. Каравай // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2020. – № 1–2 (130). – С. 130–140. – URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/08/vom1-2020.pdf> (дата обращения: 17.12.2020). – Рез. англ.

15. Корсунова, В. И. Публичные досуговые практики в России: статусные различия и структурные особенности / В. И. Корсунова. – DOI [10.14515/monitoring.2017.5.11](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.11) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 5. – С. 194–213. – Рез. англ.

16. Филоненко, В. И. Культурно-досуговые предпочтения российских студентов в трансформирующемся обществе / В. И. Филоненко, Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель // Власть. – 2017. – № 11. – С. 70–78. – URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/5481> (дата обращения: 24.11.2020). – Рез. англ.

17. Кряжева, М. Ф. Библиотека как «третье место»: реализация концепции / М. Ф. Кряжева, Э. С. Шакирова. – DOI [10.20913/1815-3186-2019-3-93-98](https://doi.org/10.20913/1815-3186-2019-3-93-98) // Библиосфера. – 2019. – № 3. – С. 93–98. – Рез. англ.

18. Любченко, О. А. К вопросу о разработке коворкинг-среды в современном вузе / О. А. Любченко, А. Н. Ганичева, А. П. Каитов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2018. – Т. 24, № 3. – С. 134–138. – URL: <https://vestnik-pip.ksu.edu.ru/attachments/article/347/vestnik-pip-2018-3-ru.pdf> (дата обращения: 17.12.2020). – Рез. англ.

19. Пестова, А. В. «Третье места» третьего тысячелетия: революция рабочего и досугового пространства / А. В. Пестова // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2017. – № 2/3 (21). – С. 183–185. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/treti-mesta-tretiego-tysyacheletiya-revolutsiya-rabochego-i-dosugovogo-prostranstva> (дата обращения: 17.12.2020). – Рез. англ.

20. Захаров, А. Д. Коворкинг и антикафе как принципиально новый способ ведения бизнеса и создания стартапов / А. Д. Захаров // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 8-1. – С. 44–46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kovorking-i-antikafe-kak-printsipialno-novyy-sposob-vedeniya-biznesa-i-sozdaniya-startapov> (дата обращения: 17.12.2020).

21. Бабаян, И. В. Быть самим собой: социокультурное пространство антикафе в контексте города / И. В. Бабаян, А. Д. Любимова, Е. Ф. Русакович // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2014. – № 4 (77). –

С. 212–217. – URL: http://oldlib.sstu.ru/open/vestniki/2014/4_77_2014.pdf (дата обращения: 24.11.2020). – Рез. англ.

22. Квят, А. Г. Кафе без еды, фастфуд как медиа, временный парк: поствиртуальность и город 3.0 в России / А. Г. Квят // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 3 (23). – 126–133. – URL: <https://clck.ru/WuUA7> (дата обращения: 24.11.2020). – Рез. англ.

23. Leontovich, O. A. The Semiotic Landscape of Volgograd in the Context of Urban Communication Studies / O. A. Leontovich. – DOI [10.17516/1997-1370-0382](https://doi.org/10.17516/1997-1370-0382) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 12 (1). – С. 97–105.

Поступила 22.03.2021; одобрена после рецензирования 26.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

Об авторах:

Дадаева Татьяна Михайловна, профессор кафедры социологии и социальной работы ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68/1), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>, dadaeva13@mail.ru

Кузнецова Татьяна Анатольевна, магистрант 2 курса направления подготовки «Социология» ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0602-2281>, tatyana.kuznecova.1998@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Т. М. Дадаева – научное руководство; постановка научной проблемы; определение замысла и методологии исследования; интерпретация и анализ материалов; доработка текста статьи.

Т. А. Кузнецова – проведение исследования и первичная обработка полученных результатов; интерпретация и анализ материалов; подготовка начального варианта текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Dadaeva T.M., Kuznetsova T.A. Third Place or the Phenomenon of Anti-cafe in the Modern City Space: Theoretical Approach. *Ogarev-online*. 2019; (9). Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/trete-mesto-ili-fenomen-antikafe-v-gorodskom-prostranstve-sovremennogo-sociuma-teoreticheskij-aspekt> (accessed 24.11.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Park R.E. The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order. *Sotsiologicheskoe obozrenie* = Russian Sociological Review. 2006; 5(1):11–18. Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211453107/5_1_3.pdf (accessed 24.11.2020). (In Russ.)

3. Bourdieu P. Forms of Capital. *Ehkonimicheskaya sotsiologiya* = Economic Sociology. 2002; (5):60–74. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (accessed 24.11.2020). (In Russ.)

4. Eremicheva G.V. Social Space of the Big City. St. Petersburg: Sociological Institute of the RAS; 2018. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/monograph.2019.4>

5. Zimmel G. Big Cities and Spiritual Life. *Logos*. 2002; (3):23–35. Available at: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (accessed 24.11.2020). (In Russ.)

6. Lebedeva E.V. Public Space in Post-Soviet Cities: Sociability and “Crisis of Publicity”. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* = Journal of Sociology and Social Anthropology. 2017; 20(1):74-92. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.1.5>
7. Chernyaeva N. Cultural Geography and the Research Problem of Place: A Review of New Literature. *Izvestiya uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* = Izvestiya. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts. 2005; (35):273-283. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/23948> (accessed 24.11.2020). (In Russ.)
8. Crang M., Crosbie T., Graham S. Technology, Time-Space, and the Remediation of Neighbourhood Life. *Environment and Planning*. 2007; 39:2405-2422. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1068/a38353>
9. Quan-Haase A., Martin K. Digital Curation and the Networked Audience of Urban Events: Expanding La Fiesta de Santo Tomars from the Physical to the Virtual Environment. *The International Communication Gazette. Special Issue on Mediated Urbanism*. 2013; 75(5-6):521-537. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/1748048513491910>
10. Ridell S., Zeller F. Mediated Urbanism: Navigating an Interdisciplinary Terrain. *The International Communication Gazette. Special Issue on Mediated Urbanism*. 2013; 75(5-6):437-451. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/1748048513491891>
11. de Souza e Silva A. From Cyber to Hybrid: Mobile Technologies as Interfaces of Hybrid Spaces. *Space and Culture*. 2006; 9(3):261-278. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/1206331206289022>
12. Wellman B. Physical Place and Cyber Place: The Rise of Networked Individualism. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2001; 25(2):227-252. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00309>
13. Zubok Yu.A. Chuprov I.V. Cultural Life and Cultural Practices of Young People in Small Towns: Features of Self-Regulation. *Znanie. Ponimanie. Umenie* = Knowledge. Understanding. Skill. 2020; (3):140-156. Available at: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=8593&type=publ> (accessed 24.11.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
14. Karavay A.V. Leisure Activity of Russian Youth: the Main Types and Factors of Choice. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* = Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions. 2020; (1-2):130-140. Available at: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/08/vom1-2020.pdf> (accessed 17.12.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Korsunova V.I. Public Leisure Practices in Russia: Status Distinctions and Structural Features. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnie izmeneniya* = Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2017; (5):194-213. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.11>
16. Filonenko V.I., Shtompel L.A., Shtompel O.M. Cultural-Leisure Preferences of Russian Students in the Period of Social Transformations. *Vlast* = Authority. 2017; (11):70-78. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/5481> (accessed 24.11.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Kryazheva M.F., Shakirova E.S. Library as a “the Third Place”: Realization of the Concept. *Bibliosfera* = Bibliosphere. 2019; (3):93-98. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2019-3-93-98>
18. Lyubchenko O.A., Ganicheva A.N., Kaitov A.P. To the Question about the Development of Co-Working by Environment in the Modern University. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta* = Vestnik Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology.

Sociokinetics. 2018; 24(3):134-138. Available at: <https://vestnik-pip.ksu.edu.ru/attachments/article/347/vestnik-pip-2018-3-ru.pdf> (accessed 17.12.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Pestova A.V. "Third places" of the Third Millennium: Revolution in Work and Leisure Space. *Chelovek v mire kultury. Regionalnye kulturologicheskie issledovaniya* = A Human Being in the World of Culture. Regional Cultural Studies. 2017; (2/3):183-185. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/treti-mesta-tretyego-tysyacheletiya-revolutsiya-rabocheho-i-dosugovogo-prostranstva> (accessed 17.12.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Zakharov A.D. Coworking Places and Anti-Cafés as a Fundamentally New Way of Doing Business and Creating Startups. *Actualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = Relevant Issues in Humanities and Natural Sciences. 2015; (8-1):44-46. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kovorking-i-antikafe-kak-printipialno-novyy-sposob-vedeniya-biznesa-i-sozdaniya-startapov> (accessed 17.12.2020). (In Russ.)

21. Babayan I.V., Lyubimova A.D., Rusakovich E.F. "Be Oneself": Sociocultural Environment of the Time Cafe in the Context of a City. *Vestnik saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* = Vestnik Saratov State Technical University. 2014; (4):212-217. Available at: http://oldlib.sstu.ru/open/vestniki/2014/4_77_2014.pdf (accessed 24.11.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Kvyat A.G. Anti-Cafe, Fast Food as a Media and Pop-Up Park: Post-Virtuality and City 3.0 in Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 7. Sociologiya, sotsialnye tekhnologii. Filosofiya* = The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies. 2014; (3):126-133. Available at: <https://clck.ru/WuUA7> (accessed 24.11.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Leontovich O.A. The Semiotic Landscape of Volgograd in the Context of Urban Communication Studies. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019; (12):97-105. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0382>

Submitted 22.03.2021; approved after reviewing 26.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.

About the authors:

Tatiana M. Dadaeva, Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>, dadaeva13@mail.ru

Tatiana A. Kuznetsova, Master's Degree Student (Sociology), National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0602-2281>, tatyana.kuznecova.1998@mail.ru

Contribution of the authors:

T. M. Dadaeva – academic supervision; statement of the research problem; choice of the concept and methodology of the research; interpretation and analysis of the materials; revision of the text of the article.

T. A. Kuznetsova – conducting the study and initial processing of the results; interpretation and analysis of the materials; preparation of the initial version of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунок могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.100–2018). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *.jpg или *.tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format

with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.100–2018* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Редактор *Е. С. Суркова.*

Компьютерная верстка *Е. П. Гординой.*

Перевод *А. В. Пузакова.*

Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 10.09.2021. Дата выхода в свет 30.09.2021. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 15,11. Тираж 1 000 экз. I завод – 250 экз. Заказ № 1352. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.

Desktop publishing by *E. P. Gordina*.

Translation by *A. V. Puzakov*.

Sub-editor *E. P. Gordina*.

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016.

Signed to print 10.09.2021. Date of publishing 30.09.2021. Sheet size 60×84 1/16. Conventional printed sheets 15.11. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 1352. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.

Уважаемые авторы и читатели!

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection
(Emerging Sources Citation Index) –
REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES

Web of
Science
Group Master Journal List

REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES

[Share This Journal](#)

ISSN / eISSN 2413-1407 / 2587-8549

Publisher NATL RESEARCH OGAREV MORDOVIA STATE UNIV, 68-1 BOLSHREVISTSKAYA STR, SARANSK, RUSSIA, 430005

About

The "REGIONOLOGY" journal publishes original scientific papers on topical issues of Regional Politics, Economics and Sociology, as well as on analysis of comprehensive development of regions of the Russian Federation and foreign countries. The journal peer-review all papers submitted to the Editors for the purpose of their expert evaluation in the following fields of science and groups of specialties: Economy, Sociology, Political Science. Academic journal, has been published since October 1992. The Editors shall not provide any pay or agency services. All publications in the journal are free. The accelerated date of publication is not available. Manuscripts submitted simultaneously to other journals and papers, which in most part have already been published elsewhere as an article or part of another work, shall not be considered.

General Information

Society or Institution	National Research Mordovia State University	Journal Website	Visit Site
Frequency	Quarterly	Issues Per Year	4
Country / Region	RUSSIAN FEDERATION	Primary Language	Russian
Aims and Scope	Visit Site	Editorial Board	Visit Site
Instructions for Authors	Visit Site	Avg. Number of Weeks from Submission to Publication	12
Plagiarism Screening	Visit Site	Article DOIs	Yes
Host Platform	Drupal	Full-Text Formats	PDF
Download Statistics	Visit Site		